

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 5

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1718949232

ISBN-10: 1718949235

УДК: 1751

Петрозаводск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Трихина Светлана.....	4
Тверитинов Алексей.....	11
Андрей Прудковский.....	13
Софья Сонецкая.....	17
<i>Анна Белонг.....</i>	<i>24</i>
Валерий Столыпин.....	33
Валентин Дмитриев 2.....	53
Гринфилд Ева.....	60
Марта Матвеева.....	62
Камаева Люция.....	68
Лейла Августа.....	71
Злата Анишулис.....	75
Точилина Наталья.....	82
Ольга Зоммер.....	92
Шедогубова Елена.....	96
Лесана Зеленовская.....	105
Контактная информация авторов.....	111

Трихина Светлана

Московские сфинксы

Труден путь жены человека, и нет предела вымыслам ее. Политика семьи сродни политике государственной. Серые кардиналы счастья – идеал семейного политика. Черпни ведром мудрости веков и интегрируй ее в современный быт – вот задача героини нашего времени.

К мужу в гости приехал невиданный мною ранее друг, невиданный, да неслыханный. Зовут Серёга, питерский. В смысле не Серёга Питерский, а питерский Серёга.

Я им на кухне – стол, сама – в дверь. Возвращаюсь к радостным лицам, которые с порога огорошивают: «Едем в кафе рядом с Белым Домом». «Что ж, - думаю, - им здесь белых домов мало». Рьяно утверждают, что это исключительно ради меня: есть боулинг, караоке и, как я подозреваю по задору, бассейн, сауна и вертолетная площадка.

Стадия опьянения – «возражения не принимаются». Главное, чтоб на штурм не пошли. Они могут. Заказываем такси до Белого Дома. А дорога - то длинная, а на дорогах – то все Собянин разрыл, а на рытвинах - то пробки, но это еще не беда - это полбеда. Дружба крепкая, которая не сломается, грозит - таки треснуть и перерасти в конфликт с потасовкой между моими закадычными друзьями. Разговоры о пламенной любви к женам, с перечислением основных недостатков основных любовниц, единства не добавляют, каждый любит крепче. Завидую неведомой Серёгиной жене, которая не слышит, какие мы классные.

Водитель Николай, призываемый к ответу и восхищению этой неземной любовью, твердит свое: «Да, это здорово!», «Да, это хорошо!» Синонимы постепенно подходят к концу, а путь наш не преодолен и наполовину. Настает время шуток про ящик с гранатами, которые наши развеселые друзья начнут кидать из окна Николаевой машины, браньё за грудки и остановки у Собянинскихстроек на предмет – «отлить». Пора, говорю себе, чем - то их отвлечь или удивить. Мои лихорадочные мысли натываются на сказки Шахерезады. Нет, не усидят! А вот, загадки в самый раз.

«Внимание!»- говорю и поднимаю руку. Мужчины, как хищники, обязательно нужно движение. «Гранаты, - говорю, - будем выдавать тому, кто отгадает загадку».

На секунду в машине наступает затишье, идет процесс думанья. По его окончании взоры становятся выжидательными и блестящими, палку кинь – принесут. Чтобы выиграть время на составление загадки, бросаю мелкую кость, на затравку: «Ехала телега, четыре колеса, куда она приехала через три часа?» Море ответов, фантазия цветет. Всем по гранате. Что же делать со следующей загадкой? Раз Белый дом, то должно быть что - то политическое. Когда

воображаемые гранаты распределены, загадка готова: «Шёл - шёл, налево пошёл, серу кепочку нашёл». Долгое совещание, ответ - Лужков.

«Нет, - говорю, - не Лужков. Если это он, то при чем здесь хождение налево, не надо мерить по себе». Еще одна дополнительная минута, ответ знатоков: «Кроме Лужкова - некому!» Вдруг, скромный наш водитель Николай слово молвил: «Ленин».

- Правильно, - говорю, - Николай. Молодец! А вам дуля, ноль гранат!

- Давай,- кричат,- другую загадку!

- Нечестно! – кричат.

- Хорошо. Вот вам следующую: «Задаёт загадки из зеленой палатки?»

Зеленая палатка рождает в воображении моих отгадывателей ливень ассоциаций, совсем не политического свойства: туристы, комары, военная тематика, а уж там – то загадок тьма - тьмущая, сфинксов не хватит.

Тут наш недремлющий Николай как гаркнет: «Муаммар Кадаффи».

- Ай да, Николай! Браво!

Буря возмущения в салоне. Накал атмосферы, но и Белый Дом все ближе, стоим на повороте от Котельников на Кремлевскую. Когда страсти утихают, звучит последняя загадка: «Скок-поскок между строк, к утру напекли пирог?»

С пирогами, простыми и семейными, приятных ассоциаций нет. Нездоровое молчание. На его фоне робкий школьный голос Николая: «Можно я?» Окидываю взглядом поле битвы, показавшийся в лобовом стекле Белый Дом, и на выдохе говорю: "Давай!"

- Дума! – тоже выдыхает радостный Николай.

Всех сфинксов и Змеев Горынычей победил славный богатырь Николай. Развернулся перед Белым Домом, пыхнул газами и влился в московское кровообращение.

Муки вечера были ещё в разгаре, но уже без загадок. Планка упала, IQ сдулся.

Спокойной ночи, малыши! Спокойной ночи!

Водные собаки

- Вы любите мыть аквариумы, как люблю это я !?НЕТ !?Тогда мы с Вами сестры по разуму. У меня их два. Не разума, конечно, аквариума. Что касается ума, то моё ближайшее окружение отказывает мне даже в одном. Я, естественно,постоянно подаю апелляции,в форме “ el skandale”,что только закрепляет мое рабское положение и жирно одобряет семейную классовую ненависть.

Ну, так вот – аквариумы! Как в «Сказке о двух комнатах»: маленький – в маленькой, большой – в большой. Квартира тоltомалогобаритная. Все места у стен расхватаны предметами мебельного искусства беззастенчиво, в прямом, то есть без зазоров, и, разумеется, переносном смысле. То ли волею судеб, то ли

сами мы так мудро планировали – уж не упомню, оба аквариума оказались напротив кроватей. Обитатели маленького наблюдают двухэтажную жизнь детей, обитатели большого – нашу, супружескую. Может жизнь у детей неинтересная, уж не знаю, или рыбы им попались нелюбопытные, а только визуального контакта с ними нет. Даже на корм реагируют спокойно. Ну, посыпали. Ну, поели. Без огонька! Сомы камни по ночам ворочают. Сначала думала мыши, все углы обшарила. Другое дело – наши рыбы. Не рыбы – водные собаки!

Утро. Постель. Открываешь глаза. На это сразу реагируют дискусы. Они начинают плавать взад-вперед, большие разноцветные тарелки. Золотистый леопард, голубой кобальт, синий топаз. Как планеты в космосе, тихо плывут стадом, медленно вращая глазами. При этом из поля зрения тебя не выпускают, ждут. Наконец ты на ногах – и они перемещаются вслед за тобой. Взгляд просительный. Подойдешь к соседнему фортепиано, взять что-нибудь, а у приличного человека там пропасть всего необходимого, вся команда, подкрепленная беззаботными и игривыми барбусами, бросается к тебе. Эти марш-броски повторяются с пугающей частотой, пока ты не берешь банку с флэком со словами: «Счас, рыбы, счас.» Крышка откинута, и водная гладь вскипает! Виляющие спины, хвосты! Драки, сцены! От этого корм расплывается по поверхности, и из пещеры появляется большой мраморный сом по кличке «пылесос». Пропылесосив из зазеркалья поверхность, он удаляется в свои пенаты. Пещера двухэтажная. Занимавший просторный первый этаж калабарский каламаихт, пожиратель креветок и молодых барбусов, был выгнан заматеревшим «пылесосом» (не взлюбила мамка Скарапею), и прозябал в тесной маленькой светелке, пока, сникнув от тоски, не уплыл исследовать глубины канализации.

Вообще-то я нашим рыбам даже сочувствую. Наблюдать изо дня в день чью-то супружескую жизнь – занятие для маньяков и душевнобольных. Но наши рыбы не унывают и к психиатрам не ходят. Правда время от времени кто-нибудь всплывает брюхом вверх, но от нашей ли тошной супружеской жизни, от недоброкачества ли водопроводной воды или от своих собственных рыбьих обстоятельств – неизвестно.

Интересно. Когда мы едим рыбу, у нас – «рыбный день», а «рыбий день» – это что? Вот такие аквариумные истории, малята! Вот такие истории!

Camel troffi

Муж не любит моих автомобильных историй. Бежит от них опрометью. Думаю, автомобили здесь ни при чем. Просто он маловато любит меня саму, ну, и как следствие, все мои производные. Организм плотненький, уровень средненький, в голове пузырится опасная биомасса. Психиатры, потя, натачивают карандаши в надежде записать историю моей болезни, тоже - весьма банальную. Очередной симплекс- вульгарис.

Зато он любит свою машину. Своевременная замена масел и прочих бегущих в ее брюхе жидкостей, плановая смена «вонючек» и оплеток руля, логически обоснованное приобретение гаджетов и девайсов ей обеспечены. Образцовый порядок салона читается между строк и служит примером моему вечно грязному, взлохмаченному жизненными бурями микроавтобусу. Так вот, это дитя безаварийной езды с синью мытых стекол и запахом экзотических берегов «унутре», как сказал бы Аркадий Исаакович Райкин, я взяла «на забрать ребенка с инструментом из к«а»лледжа». После «механики» хочется, знаете, иногда свести нажатие педалей к слабому усилию носка правой ноги.

Поначалу шло в традициях мужниной машины - безаварийно. Тут в небесной канцелярии настал момент кофе-брейка, отлучился, видать, мой ангел-хранитель кофейку глотнуть, и втемяшилась мне в голову мысль, объехать пробку незнакомым маршрутом. И так уже объезжала, но на объезде пробки была еще большая пробка, и, поддавшись коллективному бессознательному, я свернула направо вслед за плотной колонной машин. Есть там грунтовая дорожка вдоль речки с выездом в квартал новостроек на том же берегу. Народная тропа не зарастает, но это пока сухо. Неделька московских гроз сделала свое дело, стандартный путь объезда нам преградила лужа, ее пригодность для проезда была туманной. Послали вперед ГАЗ «Хлеб», а la банда «черная кошка». Он успешно застрял. Оставшийся кусок дороги являл собой трассу для багги с полутораметровой колеей, заполненной густой грязью. На горизонте стала собираться такая воландовская гроза, небо почернело. Ветер понес пыль и тополиные сережки. «Может назад?» - подумали мы с сыном: километровая змея машин за нашей одноколесной спиной абсолютно исключала этот вариант из числа реально выполнимых.

Активисты из передних машин начали готовиться к автопробегу. Чтобы выпускаемый на трассу автомобиль успел набрать скорость для дальнейших маневров, в колею были сброшены найденные на ближайшей кучекуски бетона с торчащей местами арматурой. Мой дорожный просвет подходил для подобной авантюры слабо, а если честно, то вообще никак. Однако, я говорила себе «ничего», надежда и в наши дни умирает последней. Двадцатилетний водительский стаж с полетами в кювет, в том числе в условиях Камчатского полуострова с его пиковыми снегопадами и бездорожьем, кое-чему меня подучил, но так страшно еще не бывало, никогда. Самый активный из активистов встал на отмашку, остальные образовали группу поддержки. В

колонне я оказалась пятой. Женщин-водителей не просто не было, их не было как класса! На меня смотрели с надеждой! Вызов вертолета МЧС лично для моей автомашины не входил ни в чьи планы.

- Разгоняешься и держишь газ, даже если пойдешь юзом, держишь газ! Выруливай! Газ не бросай! Не бросай газ!!! Пи-пи-пи... Три, два, один – пошла-а-а...

Холодок под ложечкой. Солнечное сплетение завязано в кукиш. Дифферент, как в пятибальный шторм. Фонтаны брызг приблизительно такие же. «Он только вчера помыл машину», - должна была подумать я, но не подумала, работали только руки, нога и подсознание (про дорожный просвет было уже подумано, и эта зашиканная мысль дрожащим котенком сидела в углу).

Пускали нас строго по одному, и, выехав на сухое место, я оказалась в совершенном одиночестве, как витязь на распутье. Дороги не знаю. Логика должна была подсказать - «надо оставаться на этом берегу!», но не подсказала, видимо ангел наливал вторую чашку дымящегося кофе, сладкого со сливками, и пил его со вкусом, не спеша. Через речку направо, на наш берег- мост, по нему однажды зимой ездила с местным таксистом, в аэропорт опаздывала. «Наш берег» - выражение времен Великой Отечественной войны. Дорога мимо старых гаражей должна выходить прямо у нашего пруда, у памятника павшим, это я помнила хорошо. Единственно, что я забыла, так это «золотое правило Москвы и Подмосковья». А оно гласит: «если ты проехал по дороге сегодня, совершенно необязательно, что ты сможешь проехать по ней завтра». А проезжала я по этой дороге один раз в жизни, года эдак два назад.

Преодолев полукилометровый участок пути - окаменевший вариант предыдущего, я достигла гаражей. Посреди дороги - бетонная плита, первая ласточка моих дальнейших passion"ов. Назад – невозможно. В цепи гаражей – брешь. Гараж убрали, а бетонированная смотровая яма осталась. Бортик высокий («и не забудь, мой мальчик, про дорожный просвет» – написал бы Редьярд Киплинг). Мой сын выходит из машины, чтобы руководить движением. Делать этого он категорически не умеет, и когда наш обоюдный ужас достигает максимального градуса, я преодолеваю барьер, чуть не сорвавшись задним левым в яму.

Вытерев пот, мы плавно движемся к памятнику ветеранам Отечественной, выезжаем на горочку у первого ряда домов на обрывистом берегу ...Хлобьсь! – разбивается чашка у ангела. Нет, друзья мои, нет, не бетонная плита, а любимый всеми водителями полуметровый металлический заборчик для газонов пересекает линию движения нашего автомобиля. Мое воображение с услужливостью, достойной лучших телефонных операторов, дает отбой вертолету МЧС и вызывает эвакуатор. Я вижу, как наша машина, схваченная манипулятором, покачивается над забором. Какой позор! Русские не сдаются! Щелк - застегнут ремень безопасности, в первый раз вне зоны

видимости ГАИ. Отвесный обрыв к реке расчищен от бутылочных осколков, в минном поле сделан однопослосный проход. Я выставлюсь носом, строго перпендикулярно к дороге, идущей далеко внизу вдоль самой речки, если чуть боком – перевернет. Мой мальчик отогнан на безопасное расстояние. Когда я переваливаю брусстер обрыва, оживаетсленное сплетение. Есть, удалос! Мы едем низом вдоль реки к пешеходному мосту, от него на наш высокий берег поднимается дорожка. Раньше она была асфальтовой низкой, теперь выложена плиткой, стала повыше, но с разгончика ее легко перескочить. Подъезжаем. За три - четыре метра до дорожки – бетонная плита. Ее, конечно, можно объехать, но тогда ты выезжаешь на дорожку боком, без всякого разгона. Газ! Передние колеса, преодолев замощенную ленту, повисают в воздухе. Я сижу на брюхе, вернее не я, а машина, по кишкам которой бегают высокооктановые жидкости, любовно залитые мужем. Меня плавно обтекают толпа пешеходов, пока они заняты надвигающейся грозой и мало обращают на меня внимания. Я жду появления какого-нибудь ветерана уличных стычек, который начнет палкой бить по моей машине и исчислять все накопившиеся к Апокалипсису грехи. После всех страданий это апокалиптическое окаменение даже приятно. В моих глазах вселенская тоска, бездонные глубины космоса. И какой же русский может прожить без таджика! Дорогие мои, вы уже давно заработали себе на памятник. Я никогда не забуду, как ваша стайка на руках сняла мой автомобиль, со мною, с сыном, с виолончелью и всем, что еще там было у нас с собой, и поставила на покрытие, по которому можно ехать - о счастье! – ехать, не натыкаясь на бетонные плиты и заборы. Спасибо! Живы! Спасены!

И как катарсис, как итог– грозовой ливень. Мы бежали с сыном к крылечку, веселые, энергичные, довольные тем, что наше великое и ужасное CAMEL TROFFI уже подшито памятью в архив.

Досадная оплошность

Знаю,скупой платит дважды; знаю,fuck любую есопому. И что же?! Гоню своих мальчиков в Дарвиновский музей. Акция бесплатного посещения.

Пытаются оказать сопротивление: одному на виолончели играть надо, другому в художку развеску готовить. В гробу видали они Дарвина и всё допобразование: порубиться бы в комп, поспать бы, ну, может, воздуха свежего московского глотнуть.

Перед входом такая Лернейская гидра из халявщиков, что не только надышаться – промёрзнуть можно. Окончательно околев, лезем без очереди.

Бесплатно не всё. Хотят 3D – фильм про динозавров и на выставку насекомых каких-то. Такие вдруг оказались натуралисты, и не подумаешь. В полной прострации, в вавилонском столпотворении перед кассой исследую содержимое кошелька, а они заладили свое:

- Маман!?

- Мам, мам, кто это?

Оказалось, заинтересовались скульптурой в фойе. Что-то белое, гипсовое, с бородой; стоит в углу и смотрит исподлобья.

Я в сердцах:- Не видите, что ли?! Борода лопатой – значит, Толстой!

Вижу, как лицо кассирши копируется в архив сериала «Lie to me»: брови домом, лоб наморщен, рот – буквой «О».

- Девушка, Вы что?!!! – говорит она, с усилием проводя воздух в окаменевшие от возмущения лёгкие. – Это же Чарльз Дарвин!!!

- Слышали, олухи, - заполняю я неловкую паузу. – Дарвин это!!! Дарвин!!! Что, не видно?!!!

Мёд

Какие всё-таки удивительные бывают в жизни моменты – и комплименты.

Именно тогда, когда жизнь твоя кажется жестокой бессмыслицей; когда не веришь в людей, ни в одного не веришь, ты встречаешь странника.

Убитая привычным жестокосердием, усталая, измочаленная - буквально выволакиваю себя из новокосинского жерла метро.

Хотя и сейчас на мне короткая, летящая волнами саржевая юбка на подкладке, цвета блестящих бронзовок; на шее – желтый, чистого шелка платок, с подвосточным принтом, повязан сбоку бантом (... а на шее атласный бант.. – процитировал бы Гарика Сукачева мой супруг).

Падает дождь. Сквозь плотную пробку, ждущих его конца, выхожу под струи также легко, как гордые владельцы зонтов, предусмотрительные счастливчики. Таскаются с зонтами, как с противогАЗами в ожидании атаки, умники.

Немного холодно, немного мокро – ничего; давно уже онемела от огорчения; суперэнергичная медуза Горгона доконала –таки, доконала.

И вдруг, над головой ни капли.

- Девушка, - раздается голос,- а не боитесь, что весь мёд с Вас стечёт. Придёте домой к мужу, а мёда-то и нет, стёк. Вот я Вас зонтом-то и прикрою.

- Удивительно, - говорю я, не оборачиваясь, - кто-то еще замечает, что женщине на улице может быть холодно, или мокро, или она вообще умирает от горя.

- Реалии жизни, - отвечает голос. - Давайте до машины доведу. Глянула. Добрые, медовые глаза.

Будем же беречь наш мёд - наше богатство. Мандельштама, Осипа Эмильевича, читать будем:

Возьми на память из моих ладоней

Немного солнца и немного меда,

Как нам велели пчелы Персефоны.

Евреи мои, евреи. Мудрость веков.

Тверитинов Алексей

Корни национальной идеи

(Рассказ - размышление)

*...«родина» есть для нас не предмет бытового пристрастия, а
подлинная религиозная святость.*

И. А. Ильин.

Разбирая как-то семейный архив, наткнулся я на военный билет деда, выданный ему Раненбургским¹ военкоматом в 1926 году в ходе кампании по учету бывших царских офицеров, которая, как известно, закончилась в отношении подавляющего большинства из них жестокими репрессиями.

Документ оригинальный, содержит в себе краткие сведения об участии деда в Великой (Первой мировой) войне 1914-18 гг. и, среди прочих сведений, содержит пункт о национальности, где написано – «Великоросс».

Когда я делюсь своим «открытием» с друзьями и знакомыми – никто не верит в существование такой записи в официальном документе. Ведь великоросс для современников - что-то далекое и мифическое. Сейчас уже никто из русских людей и не помнит и не подозревает, что они, в сущности, великороссы. В ходе денационализации были и «советские люди» при Брежневе и «россияне» при Ельцине – люди, живущие на территории России и, на худой конец, просто «русские». Меня охватывало иной раз чувство досады на беспамятство соотечественников и обиды на историческую дискриминацию. Ведь все народы нашей многонациональной Родины имеют свою национальность, дающую ответ на то, кто ты есть. И только русский человек без национальности, и существует как прилагательное, потому, что он не «кто?», а «какой?».

Но со временем я вдруг осознал, что понятие «русский», это не что иное, как особое качество, объединяющее единым духом всю российскую многонациональность - ты можешь быть по национальности кем угодно и при этом быть русским. Русский – это качество!

В чем же суть этого качества и отличие его от качеств других народов мира?

Заглянем в глубь истории Святой Руси. А Святая она уже по одному тому, что на протяжении долгих столетий многократно спасала Мир от великих бедствий. Это Русь - Россия спасла Европу от монголо-татарской лавины! Это Россия спасла Мир от наполеоновской экспансии! Это Россия спасла Мир от германского фашизма! А сейчас Россия спасает человечество еще и от ИГИЛА. Можно долго продолжать, - многим, чем ещё обязан Мир России! И спасая

---

¹ г. Раненбург, Рязанской губернии, в настоящее время – г. Чаплыгин, Липецкой области.

Мир, всегда Россия приносила себя в жертву. А теперь, "благодарный" Мир, раболепно угождая американским интересам, кричит: "Распни Её, распни!"

Иррациональность и величие русского мира в том и состоит, что всё у нас у русских идет от сердца, от души, по Заповедям Божьим, по любви, по велению долга и чести. В этом наша суть, наша сила, наша национальная идея! Нам всегда был чужд скучный и тошный прагматизм Запада и, не доходящий до души и сердца, холодный расчет! У нас свой путь, своя идея!.. От сердца, но не от калькулятора! Быть русским – восхитительно, но и ответственно! Ведь качество «русский» должно устремляться к такому значению, чтобы каждый человек нашей Родины, оставаясь грузином, армянином, татаринном или евреем мог задать себе вопрос: «А по-русски ли я поступаю?».

...Держа в руках старый документ со смятыми, пожелтевшими ветхими листочками, почувствовал я, что русский патриотизм зиждется сугубо на исторических корнях России. И дух дворянской чести, включающий готовность умереть за Родину, и даже просто умереть, но не опозориться и, казалось бы, увезенный в эмиграцию, все же сохранил своё влияние в советской России. Он ярко проявил себя в Великой Отечественной войне, утверждая понятие, что Родина и государство – далеко не одно и то же и, что патриотизм глубоко духовен и ни как не зависит ни от ошибок прошлого, совершенных в нашем Отечестве, ни от существующего государственного устройства, ни от агрессивного влияния «мирового сообщества», ни от разрушительных вызовов современности. Патриотизм - выше всего!

Андрей Прудковский

Вера и научный метод познания

Решил написать на эту тему, так как сплошь и рядом эти два понятия противопоставляются, например, в такой фразе «религия основана на вере, а научный метод на эксперименте». На самом деле, такое противопоставление просто некорректно, так как вера и эксперимент относятся к принципиально различным категориям познания.

Поясняю: вера — это та или иная настройка психики человека, для получения того или иного результата. Веру можно сопоставить с таким понятием, как вдохновение.

А эксперимент — он может проводиться человеком, имеющим веру в исход эксперимента, а может — не имеющим и, даже, имеющим «противоверу», то есть веру в «провальность» данного эксперимента. Таким образом, вера, вдохновение необходимы для эффективной работы, как традиционного учёного, так и религиозного деятеля, и противопоставлять их никак нельзя!

В чём особенность религии, как метода познания. Почему очень много говорят о вере, а об эксперименте как бы и вовсе позабыли. Неужели потому, что религия ложь и эксперименты обречены?! Настоящая причина как раз в обратном. Религиозные эксперименты, дают результаты и очень даже часто. Увы, большинство этих результатов связано с нарушениями психики экспериментатора, а не с реальными эффектами. Причём, разобраться в реальности результатов самому человеку порой почти невозможно. Часто такие экспериментальные ситуации происходят даже против воли человека, так сказать, произвольно. Однако, призыв «научного» исследования подобных эффектов, увы, не слишком разумен, так как слишком велико влияние самого измерительного прибора — психики человека — на результаты, получаемые той же психикой. Возникает известный в науке эффект положительной обратной связи, ведущий к усилению паразитных шумов, превышающим полезный сигнал.

Жизнь, энтропия, информация, время

1. Жизнь по определению Больцмана — это — островки порядка (негоэнтропии), противостоящие хаосу (энтропии).

2. По закону возрастания энтропии в любой замкнутой системе, жизнь не может существовать (долго), если система замкнута.

3. Жизнь возможна только в незамкнутых системах, откуда следует, что область жизни во Вселенной — бесконечна, либо существует механизм "сброса" лишней энтропии в безжизненную область.

Замечание: из этого не следует, что жизнь во Вселенной вездесуща, вполне возможно, во Вселенной существуют и безжизненные области, куда можно сбрасывать лишний хаос (энтропию) (в религии - тьма внешняя), не следует отсюда и односвязность области жизни, возможно существование нескольких несвязанных между собой областей.

4. Острова жизни поддерживаются нитями, несущими к этим островам биты порядка (негоэнтропии) или информацию.

5. Понятие времени возникает при сравнении нескольких потоков информации. Измеряют время сравнением с неким тестовым потоком.

6. Следует учесть, что это только упрощенная картина реальности, так как хаос присутствует и внутри информационных потоков, делая их вероятностными, то есть потоки существуют в виде вероятностных пучков. См. мою следующую заметку

О коте Шредингера и о нас с вами

Представьте себе кота, которого посадили в большой звуконепроницаемый ящик. В этом ящике кроме кота есть кусочек урана и детектор. В любой момент возможно случайное событие: атом урана распадётся, испустив лишний нейтрон, детектор сработает и впрыснет яд бедному коту. Жуткая картина! Причём, пока не произошёл акт измерения, атом урана находится сразу в двух состояниях: распада - не распада.

Вот вы подошли к этому ящику пыток. Что вы можете сказать о коте? Жив он или мёртв? Не открывая ящик можно только вычислить вероятности. Например, можно сказать, что в данный момент кот на 40% мёртв, а на 60% - жив. Странное утверждение для нашего материального мира! А для малых частиц такая ситуация норма. Невозможно одновременно измерить положение и импульс электрона. Чем точнее измеряешь одну величину, тем больший вероятностный разброс второй величины. Тем не менее, все мы живём в вероятностном мире. И кот, придуманный Эрвином Шрёдингером, не уникален.

Вот у вас заболел живот, и вы собрались к врачу. С некой вероятностью у вас может быть несварение, гастрит, язва, рак. Что же у вас на самом деле? Но пока вы не зафиксировали свою болезнь точными анализами, может быть что угодно!! Человеческое тело удивительно пластично и зависит от мыслей самого человека. На первой стадии болезнь часто «виртуальна», а вы имеете возможность выбора болезни из списка, подходящего к вашим симптомам. Например, можно выбрать язву вместо рака, или несварение вместо гастрита с язвой. Организм отработает вашу веру, если сумеет!!

Вот вы идёте к врачу. Каждый врач кроме основной специальности обычно является и хорошим психотерапевтом. Хорошо, если он работает в «положительную» сторону!! Он выберет вам «наименьшее зло» для больного

тела, которое вы принесли на осмотр. Увы, бывают и обратные ситуации. Мой друг – экстрасенс рассказывал:

- Узнал я, что в нашей поликлинике работает женщина – прекрасный диагност. С одного взгляда диагностирует рак печени. С подозрением на печень – всех больных к ней посылают. И ни разу она не ошиблась в диагнозе. А когда и мой друг, которого я считал здоровым, попал на операцию после посещения этого врача, я задумался, что дело нечисто, и решил сам сходить на приём. Пришёл, сделал вид, что у меня болит где-то в районе печени. Врач посмотрела и уверенно так сказала:

- У вас рак печени!

- Не может быть! – ответил ей я.

Она стала убеждать меня, что только срочная операция может меня спасти, и так далее... С каждым её словом разрасталась вполне реальная боль в боку. Что такое? Сама врач – не колдунья, не экстрасенс, но энергия моя утекает из печени в чёрную воронку сзади женщины. Присмотрелся. За спиной врача стоит призрак старика, а вместо печени у призрака – дыра. Всё понятно, дедушка врачихи баловался колдовством и умер от рака печени. Пришлось нанести по нему энергетический удар, от которого призрак распался, а душу колдуна унесло куда-то вниз. После чего я ушёл. До рака врачиха меня довести не успела, но печень после неё пришлось лечить года два.

Отвлечёмся теперь от врачей и котов, и спросим себя, что такое время? И можно ли изменить то, что уже случилось? В нашем материальном мире это сделать, вроде бы, невозможно. Законы физики не позволяют. Конкретно, закон возрастания энтропии (хаоса) мешает времени пойти в обратную сторону, ведь тогда энтропия должна была бы убывать, а она этого не умеет. По-житейски, создать беспорядок в квартире – очень просто (затрата энергии минимальна), а убирать этот беспорядок гораздо сложнее (энергии нужно гораздо больше). Или, как следствие закона возрастания энтропии – второе начало термодинамики, которое запрещает перенос тепла от холодного к горячему. Но мы-то люди – не совсем уж материальные существа. Конечно, имеем тело, но также мы живём и как мыслеформа в пространстве мыслей. А там энтропия не властна и время – обратимо. Там, в мысленном пространстве, всё наше прошлое... Почему бы не возвратиться и не изменить то, что тебе не по нраву!

Перейдём к рассказу. Жила, да и сейчас живёт – не тужит в далёком южном городке удачливая женщина бизнесмен. Всё-то у неё хорошо, руководит фирмой по продаже галантереи и косметики. Руководит неплохо, а коллектив, в основном, женский. Вот только стали замечать сотрудницы одну странность. Как разозлится она на подчинённую, так схватит ножницы со стола, да и отстрижёт у бедной клок волос с головы! Ужас! Откуда у неё такой садизм. С этим и обратились к одному экстрасенсу. Тот стал разбираться и нашёл. До революции её дед, оказывается, был цирюльником в Одессе. Хорошим

цирюльником!! Да вот соблазнился на большие деньги, ушёл в бизнес, но до самой смерти жалел о своей оставленной профессии. От деда и идёт к его внучке привычка в момент раздражения хвататься за ножницы. Что же делать? Дед давно умер!

Экстрасенс решил «сходить» в прошлое и изменить его. В одиночку с таким делом было не справиться. Созвал тайком от руководительницы в выходной день всех сотрудниц фирмы и объяснил задачу. Вот вам портрет деда вашей начальницы, давайте сочиним ему счастливую жизнь в качестве цирюльника. Так вместе и сочинили, что стал он главным цирюльником города, что у него стригся сам городской голова. Что слава его, как цирюльника, росла и росла, как и его многочисленные ученики. И умер он почитаемым всеми мастером! Так, несколько выходных подряд работали все, исправляя прошлое бизнес-леди. И что же, начальница стала заметно менее нервной, а про ножницы и вовсе забыла.

Так что желающие лететь в прошлое, - прошу! Ваше прошлое для вас открыто. Слетайте и исправьте то, что вам не по душе. Исправьте ваши грехи, если способны больше не грешить. Ведь в этом и состоит таинство церковной исповеди. Рассказывая вслух свои неблагоприятные поступки и отказываясь от них, вы меняете своё прошлое. Точнее можете изменить, если ваше раскаяние искреннее! Если вы употребляете достаточно своей энергии, чтобы измениться и быть просто неспособным совершить такое. Вы – теперь иной человек, для которого бывшее просто невозможно!! И прошлое уходит в Лету.

На этом явлении основаны и все чудеса излечения от болезней. Кстати, кажется у Фрейда, была пациентка, которая жаловалась на то, что в голове у ней голуби свили гнездо и мешают ей спать по ночам. Врач решил на эксперимент. Купил десяток голубей, пригласил пациентку и сказал, что сейчас он всех голубей выманит и выловит. Насыпал крошек и стал выманивать по одному голубей как бы из её головы. Так всех и выловил. Пациентка была довольна, голуби больше не мешали...

Это, конечно, психическая болезнь, но аналогичное излечение порой возможно и от соматических болезней. Примеры, впрочем, широко известны. Хотя бы «рожу» чем лечат – заговорами! Принцип лечения один и тот же – изменение информации в поле мыслей приводит к прекращению болезни. Причём, чем больше людей уверены в вашем диагнозе, тем труднее изменить содержимое информационного поля. А если есть ещё и запись в карточке?! Впрочем, и такие случаи зафиксированы. Тогда врачи разводят руками и говорят, что, наверное, просто перепутали анализы, так как такого просто не может быть.

Софья Сонецкая

Сутки

1. Ночь

Я слышу только мерное тиканье часов. Наверное, уже очень поздно. Ужасно хочу спать, глаза слипаются. Но сердце...

Ему ведь не прикажешь не стучать так громко и часто. Оно не подчиняется моей воле. У него своя жизнь. Свой ритм.

Если разобраться, это же хорошо, что стучит. Значит, я жива. А раз так громко, значит, есть на то причина.

А еще вздыхаю.

О тебе.

Почему вздыхаю? Теоретически от того, что сердце бьется часто, кровь слишком быстро бежит по венам, и не успевает насытиться кислородом. Легким приходится сильнее наполняться, чтоб увеличить приток свежего воздуха.

Впрочем, это такие дебри...

На самом же деле, я вздыхаю от того, что ты нашел меня.

Ты скажешь: надо радоваться, но я боюсь радоваться.

Лучше вздохну еще разок.

Этот день перевернул всё.

Лежу и думаю, спишь ли ты, или тоже сейчас думаешь обо мне...

А еще думаю, почему не поехала к тебе и не осталась на всю жизнь?

Я отвечу.

Я думала, ты моя мечта. Думала, что сочинила тебя, что ты существуешь только в моих мыслях.

А ты оказался живой. Настоящий.

Каким попутным ветром тебя занесло в мою вселенную?

Как ты сумел найти меня среди миллиардов лиц? Это загадка.

Я боюсь уснуть, боюсь, что к утру сказка растает.

Пока я не сплю, ощущаю на своих губах твои губы, на своей талии твои руки.

Удивительно, как нас не выставили из кафе.

Впрочем, я даже не помню ни название, ни того, что были ли там люди.

Только губы и руки. И еще ложечку чего-то сладкого, с которую ты мне дал.

Наверное, это было счастье.

Как ты думаешь, если я чуточку посплю, это ведь ничего не изменит?

Ты ведь в моей жизни навсегда?

Я знаю, знаю, что да, но хочу услышать это еще раз.

Телефон завибрировал.

Это смс.

От тебя.

"Да. Я навсегда." Стихи получились. Самые красивые стихи из всех, написанных когда-то на земле.

Глаза совсем слипаются... я засы...па..

2. Утро

Я проснулась, как обычно, за минуту до будильника. Пошарила по кровати, ища телефон, чтобы быстро нажать отбой, когда зазвонит и тут, внезапно всё вспомнила!

Он!

Сон сняло как рукой.

Я откинула крышку чехла, и нажала на сообщения.

Только вчерашние стихи. Улыбнулась. На душе потеплело.

Зашла к нему на страничку, полюбовалась на фото, сердце все также стучало.

Я стала с упоением вспоминать нашу встречу.

Мы заказали по чашечке кофе и десерту, повели неторопливый разговор. Ты так интересно рассказывал. И вдруг, наши глаза встретились. Это было какое-то наваждение. Ты замолчал на полуслове. Долгий пронзительный взгляд, который проникал прямо мне в душу. Он манил, притягивал, звал, и я невольно потянулась к тебе, видимо и ты испытывал что-то похожее, потому что и ты потянулся ко мне. Наши губы были так близко, что мне захотелось прикоснуться к ним, ты будто услышал меня и приблизился еще. Всего сантиметр разделял нас. Я не выдержала и прикрыла глаза. Сердце бешено колотилось. Вся застыла от сладкого предвкушения. Это продолжалось целую вечность. Ты все никак не мог решиться.

Это мгновение запомнится мне навсегда. Мгновение до поцелуя.

Момент, когда ты еще точно не уверена, будет ли он.

Я сидела с прикрытыми глазами в ожидании чего-то бесконечно прекрасного. А ты все не решался, я уже засомневалась, решишься ли. Раздумывала, не приблизить ли мне лицо еще чуть, но ты будто слышал меня! Я почувствовала касание твоих теплых губ. Теперь наши уста были вместе. Но никто не торопил событий. Истома разлилась по всему моему телу. Сердце стучало еще сильнее. А дальше ты нежно-нежно поцеловал меня. Неторопливо. Спокойно. Мы смаковали каждую секундочку, наслаждаясь вкусом друг друга. Мы никак не могли оторваться и целовались, целовались и целовались.

Помню, где-то в середине мне стало неловко, что мы находимся в общественном месте, но вскоре я снова забыла обо всем на свете.

Твои руки коснулись моей талии, и меня бросило в жар.

Невозможно передать те ощущения, которые всколыхнули всю меня! Я трепетала в твоих полуобъятьях.

Целую вечность я была счастлива.

Мои щеки горели. Внутри полыхал пожар.

Я вспоминала, и все это происходило со мной вновь.
 Стало страшно за себя, за силу чувств обрушившихся на меня.
 Вспоминала твои глаза и понимала- люблю.
 Бесконечно люблю тебя.

По-моему, эти слова все же сорвались с моих губ вчера.

Я смотрела на телефон и ждала. Ждала, когда ты напишешь, ведь вчера все было так реально! Утром боль подернулась дымкой, стала размытой, как будто грозила растаять, не оставив и следа.

Но телефон молчал, мне стало страшно. Страшно, что это исчезнет. Что никогда не позвонишь и не напишешь.

Руки мои задрожали, и телефон выпал, открывшись. Батарея отлетела в сторону. Крышка в другую. Кое-как собрав все, я лихорадочно пробовала вставить все на места, боясь, что именно в этот момент ты звонишь мне, от этого волнение мое все усиливалось и еще больше ничего не получалось. Я посмотрела на часы, они показывали ровно полдень.

3. День

Кое-как мне удалось собрать телефон в одно целое. Наконец-то, батарея заняла свое место. Я защелкнула крышку и поскорее включила телефон. Он очень долго загружался. Ладонки мои вспотели от нетерпения.

Смс не было.

С тоской я взглянула в окно.

На улице светило яркое солнце.

Я еще не завтракала, но есть совершенно не хотелось.

Все валилось у меня из рук. От волнения я не находила себе места.

Был выходной день, и мы вполне бы могли с ним встретиться. Но ты не писал, не звонил.

Решив не обращать ни на что внимания, я стала собираться на прогулку, как всегда прогуливалась до этой встречи.

Я человек замкнутый, закрытый и люблю одиночество. Одна брожу по улицам, иногда хожу в парк, иногда в центр, а чаще всего хожу по переулочкам, рассматривая каждый дом.

Вздыхнув, глядя на пустой экран я оставила надежду совершить эту прогулку с ним.

Увы, телефон молчал.

Я шла, но не могла расслабиться и получать удовольствие, созерцая мир. Волнение завладело мной.

Поверьте, мне было от чего волноваться.

Не каждый день встречаешь свою мечту.

Это был Он!

Тот, о ком я грезил холодными зимними вечерами.

Вчера я была абсолютно в этом уверена. Была убеждена, что теперь, когда мы

каким-то невероятным чудом встретились, будем теперь всегда вместе. Но сегодня я стала сомневаться. Мне показалось, что я упустила свой шанс. Ужасно хотелось набрать твой номер. Но я терпеливо ждала, хотя это было трудно, безумно трудно.

Через 2 часа я вернулась домой сама не своя.

Вдруг догадка пронзила мой мозг, а вдруг я ошиблась?

Ведь однажды я уже ошибалась.

Нет! Нет! Я была абсолютно убеждена- он Тот. Кого я ждала столько лет.

Я боялась другого. Вдруг чувства захватили одну меня. Вдруг он не видит то, что вижу я с такой очевидностью.

Понял ли он, что я это Та.

Та самая, которая так нужна ему. Та, которая не предаст и не обманет. Та, что окружит вниманием и заботой. Та, в которой накопилось столько любви, что может она может растопить целый айсберг, а не то что какую-то корочку льда, на застывшем сердце.

Я не знала что делать. Но потерять дар, преподнесенный мне судьбой, было невозможно.

То ли позвонить самой, то ли написать о том, что переполняет меня. Но я боялась спугнуть птицу удачи своей нетерпеливостью. И я боялась, что упущу ожиданием, что упорхнет в небеса, если не поймать.

Ах! Помоги же мне! Помоги! Дай мне шанс показать тебе, что я это Та.

Напиши!

Время шло, а телефон все молчал.

Я истомилась. Вся моя привычная жизнь полетела кувырком. Все мысли были занимал Он.

Я думала о тебе, любимый.

Внезапно, повинувшись порыву, я написала: "это был сон?"

Но ответа не было. Я ходила из угла в угол, не представляя, как я теперь буду жить.

Вся жизнь моя сузилась до размера твоих объятий.

Не выдержав напряжения, я в отчаянье набрала номер.

Ты не поднял.

Мир зашатался, грозя рухнуть. Кое-как мне удалось удержать его.

Я ничего не успела спросить о твоей жизни. Быть может. ты занят, или спишь.

Быть может не стоит еще отчаиваться?

Кто знает, может все еще будет хорошо.

Но уверенность таяла с каждой минутой.

Как раненый зверь в клетке, моя душа металась в груди.

О! Судьба! За что ты наградила меня такой чувственностью? Ближе к вечеру внутри меня разыгралась буря, и еще я очень боялась, что мой вчерашний ураган любви, причинил разрушительные последствия в его мире.

Вечер застал меня в душевном смятенье.

4. Вечер

Сумерки быстро наступали на город, и в темноте мои страхи еще больше усилились.

Мне показалось, что ты никогда больше не позвонишь и не напишешь!

Я измучилась от ожидания, от неизвестности, неопределенности и недосказанности. Моя мечта таяла с каждой минутой.

Ты бы написал. Непременно написал, увидев, как я жду.

Отчаянье охватило меня.

"Неужели, я вновь ошиблась?" - мысль терзала меня, не давая мне покоя.

Я вспоминала еще и еще, его редкие фразы и понимала, что ошибки быть не может.

Ты не был идеальным, ты был живым, с достоинствами и недостатками. Но сомнений в том, что ты Тот, кого я ждала, у меня не было.

Сомнения были в том, что ты узнал меня.

Вчера в кафе, узнал, и ответил на мой эмоциональный порыв.

А сегодня, видимо, ты решил отмахнуться от этого, установить дистанцию, оттолкнуть меня, вывести меня из твоего личного пространства, чтоб посмотреть на все со стороны.

Но я верила, что все же тебя потянет ко мне, что ты напишешь, а лучше позвонишь.

Волнение изводило меня настолько, что я не могла дышать. Только вздыхала.

Моим легким категорически не хватало кислорода, хотелось вздохнуть еще глубже, я вздыхала, но этого было недостаточно. Хотелось вздохнуть еще глубже.

Смс пришла тогда, когда я перестала надеяться.

"Какая нетерпеливая!" - скажете вы.

О! Если бы вы побывали во мне в момент моего волнения, вы бы поняли меня! Время растягивается в бесконечность и эмоции, которые охватывают меня уносят в бушующий океан. Меня носит по нему, как щепку, заливают волной, я захлебываюсь, и каждый раз боюсь, что однажды утону в нем. В своем волнении.

Ничто не угнетает меня более, чем неопределенность.

Не зная, чего ожидать, с замирающим сердцем, я посмотрела на экран.

"Это не сон"- писал ты.

Надежда вновь подняла свою, поникшую было уже голову, вера шептала: "Ты главное верь! Сомнения разрушают всё!"

Но правила всем в эту минуту- любовь.

Чувство, захлестнувшее меня с головой, охватившее всю меня без остатка.

В чрезвычайном волнении я вышла из дома, не зная куда деться, я пришла к подруге, но ее не оказалось дома.

Находясь в полуобморочном состоянии, пребывая в шоке от гаммы эмоций, испытанной мною, я не выдержала, и малодушно набрала твой номер,

подозревая, что рушу все сейчас. Но иначе я не могла. Порывистость, эмоциональность, нетерпеливость- мои черты. Я страдаю от них, но побороть в волнении не могу.

Ты сказал, что скоро освободишься. Я сказала, что еду в центр, выяснилось, что ты будешь где-то близко.

Я ходила по торговому центру с телефоном в руках. Ждала звонка, боялась, что не услышу. Но напрасно. Ты не звонил. Ждать у моря погоды мне трудно, и когда пришло время (у меня были дела дома), я подошла на остановку.

Подъехал мой автобус.

И в этот миг телефон ожил.

Звонил ты.

Когда я увидела тебя, то поняла, ясно и четко.

Ты не хочешь меня узнавать.

Я слушала тебя и не узнавала тоже.

Или я вновь жестоко ошиблась, или ты просто решил отодвинуть меня на безопасное расстояние.

От твоих вчерашних чувств не осталось и следа.

"Мне пора"- сказала я, времени было очень много, и я немилосердно опаздывала.

Ты проводил меня до остановки, сухо и холодно простившись. Я горько кивнула на твое пожелание "всего наилучшего"- "тебе тоже!". И вдруг ощутила на губах робкий поцелуй.

Он подарил мне надежду.

Надежду на то, что ты все-таки узнал меня.

С той самой минуты я жду.

Я жду тебя, любимый!

Ты так необходим мне!

Жду!

И постарайся все же не задерживаться, иначе ожидание сведет меня с ума.

Я так боюсь разочарования! Потому свято верю- ты узнал меня, и появишься все же раньше, чем разочарование, которое уже ходит рядом, охватит меня всю.

Теперь оставалось только ждать и верить в Чудо!

Ведь те кто верит в них, встречается с ними.

Зимний лес

Город неохотно разжимает свои стальные объятия, и ты вываливаешься из них, не понимая и не осознавая еще - вот она! Свобода!

У входа в лес тебя встречают сосны-великаны.

Так и кажется, что они сейчас преградят дорогу и грозно спросят: "Зачем пожаловала?"

Ты, робея,ходишь и...

Вдруг забываешь обо всем. Шум города внезапно исчезает и откуда-то появляется щебет птиц. Он окружает тебя и зовет за собой! Голова невольно поднимается к кронам деревьев, и ты видишь стайку веселых птах, порхающих с ветки на ветку. Так хочется такой же беззаботности и легкости!

Под ногами поскрипывает снежок. Взгляд опускается ниже, и ты останавливаешься в восхищении!

Перед тобой хрустальная сказка!

Тонкие изогнутые ветви кустарника покрыты ледяной корочкой.

А на некоторые из них обвивают змеи из искрящегося снега.

Их кольца свисают, а голова и хвост прячутся за стволом.

Так и кажется, что вот-вот из-за поворота выйдет Морозко и спросит: "Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?"

"Тепло, дедушка!" - отвечаю вдруг я вслух, и губы сами расплываются в улыбке.

Звук голоса так хорош, в этом зимнем лесу, что хочется попробовать взять высокую ноту, а вдруг хрустальный лес, зазвенит тебе в ответ.

"А почему бы и нет?" - возникает шальная мысль.

И ты начинаешь петь. Сначала робко, потихонечку, а потом во весь голос.

Дятел весело отстукивает ритм веселой мелодии, а веточки танцуют, роняя вниз рой искрящихся снежинок.

Кристальный воздух чист и свеж. Он проникает в твои легкие и пьянит, кружа голову.

Сквозь серость туч проглядывают проблески лазури. Туманное светило являет миру круглый диск, повисший над зубчатой кромкой деревьев.

"Как хорошо!" - восклицаешь ты.

Гордые сосны охраняют твой путь. Белые стройные березки украшают его.

После длинной прогулки ты выходишь, умиротворенная и наполненная энергией.

Город вновь распаивает свои объятья, и ты с удовольствием падаешь в эту суету, этот шум и даже слякоть.

Впереди много дел!

Я торопливо, почти вприпрыжку, перебегаю дорогу на зеленый сигнал, и вдруг оборачиваюсь: "Я непременно вернусь, лес! Ты только жди!"

Сосна качает в ответ своей заснеженной лапой.

Честно-честно.

Не верите?

А вы попробуйте сами!

Анна Белонг

Крылья

Не ставьте границ! Не смейте! В неволе она не родится. О просторе ей тихо напойте, о свободном полёте птицы, о сменяющихся тихо сезонах, о прохладной росе на рассвете. Пусть увидит, как день на закате, растворяясь, не хочет мириться, освещая луну в ночном небе, оторвав от солнца частицы.

Прошло всего два дня, а она уже скучала по нему так, будто знала его всю свою жизнь. Он снился ей уже две ночи подряд – его серые глаза, точно звёзды, что окружали их в тот вечер, тёплый песчаный пляж, спокойный океан. Всё смешалось и не давало ей покоя. Она проснулась рано, приняла освежающий душ и спустилась завтракать. Мысли о нём ни на минуту не покидали её. Каким-то странным образом он обошёл всех её внутренних цензоров и подкрался очень близко, но она об этом даже не подозревала. Её упорно не покидало ощущение, что что-то изменилось, но она не понимала что именно. Она прошла по дому в поисках чего-то необычного, потом вышла в сад, но всё было по-прежнему. Она решила, пока не выходить с ним на связь, пока мысли и чувства не обретут равновесие.

Через две недели она решила принять приглашение на вечеринку его друзей. Ей необходимо было развеяться. К тому же она была уверена, что встретит там его. Она надела новое платье, волосы каштановыми локонами струились по её плечам. А трепет, точно рой бабочек, порхающий у неё в животе, то и дело вспыхивал румянцем на щеках.

Заведя свой кабриолет, она отправилась в путь. Ночь была тёплой, небо ясным, усыпанным звёздами. Она скоро прибыла на место. Не успев отойти далеко от машины, она увидела его в толпе гостей и замерла. Заметив её, улыбка осветила его лицо. Он двинулся ей навстречу. Время замедлило свой бег. Каждая секунда растянулась, как пружина, отчего всё происходило, как в замедленной съёмке. И тут Земля, словно качнулась, от чего ей показалось, что она вот-вот уплывёт из под её ног. Сердце заколотилось, ноги стали ватными. Ему оставалось всего несколько шагов до неё, когда он услышал:

- Не подходи! – выкрикнула она.

Её глаза были полны страха и слёз. Она попятилась к машине. Не помня, как забралась в неё, она пыталась вставить ключ в зажигание трясущимися руками. Она так злилась на себя, что ударила по рулю, чтобы хоть немного ослабить заполняющую её боль. Машина, наконец-то, завелась. Под визг покрышек, она скрылась за поворотом. Он не понимал, что случилось. И первым его желанием было броситься за ней вдогонку, но он так и остался стоять там, где она его остановила.

В доме было темно. Не включая свет, она бродила по нему уже несколько часов, не в силах уснуть или хотя бы прилечь. Только когда первые лучи солнца

стали просачиваться сквозь густую тьму, она провалилась в сон. Ей снова снился заброшенный дом, мрачный, с потёртой краской на стенах. В нём гуляли сквозняки, и было жутко холодно. Она услышала детский плач. Оглядевшись, она заметила лестницу и помчалась вверх по ступенькам. Увидев маленькую девочку, она прибавила шаг, но споткнулась и упала. Сильно вздрогнув всем телом, она проснулась в холодном поту. Сердце колотилось. В комнате было холодно. Она встала, закрыть окно. Достала из комода тёплую пижаму и с головой укуталась в одеяло. На этот раз ей снился пляж, припекало солнце. Она кого-то ждала. Её плеча коснулась чья-то рука. Она вновь проснулась. В комнате никого не было. Это был просто сон.

Через несколько дней она узнала, что он вернулся в свой город. Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Из отражения на неё смотрела маленькая потерявшаяся девочка.

- Больно? – саркастично спросила она у той, что смотрела на неё. - Сама виновата! – слеза покатилась вниз. – Слезами тут, увы, не поможешь. Теперь ты бессильна – продолжала она говорить издевательским тоном. – Ты меня предала. Точнее ... саму себя.

К вечеру сгустились тучи, и разыгралась гроза. Обычно в такую погоду она пряталась дома в каминной комнате, читая любимую книгу. Но не в этот раз. Она направилась к беседке в самую глубину сада. Густые кроны деревьев не позволяли дождю достать её. Она сидела и слушала раскаты грома. Они были такими мощными, что заглушали все её мысленные ругательства на себя и весь свет. Она никогда бы не подумала, что гром способен успокоить её, скорее наоборот. Но сейчас среди всего этого грозового треска внутри неё воцарилась тишина. Она хотела, чтобы эта погода задержалась на какое-то время. «Пусть льёт дождь» - думала она. «Пусть ...». Её желание сбылось – дождь лил почти неделю. За это время её внутренний шторм немного поутих, и она снова была готова увидеть солнце.

Утром её разбудили солнечные лучи, щекочущие ей пятки. Впервые за последнее время она позавтракала с аппетитом. После села за компьютер, чтобы поработать. Душа требовала творческого выплеска и созидания. Она снова чувствовала вдохновение. На столе царил творческий беспорядок, и она решила сначала прибраться. Собрала все распечатки в одну стопку, а когда принялась за книги, на пол что-то упало, звонко отскочив от половой доски.

- Что это?

Посмотрев за стол, она увидела маленький кованый ключик. Ключ был от старинной шкатулки, куда она заперла свои воспоминания и, которая сейчас покоилась в её комоде. Она продолжила уборку, стараясь не думать о нечаянной находке, которая сейчас была совсем некстати. Через некоторое время она поймала себя на том, что мысленно уже давно раскрыла шкатулку. Она снова глянула на ключ. Она хотела открыть её, и врать себе было бесполезно. Всё это время, надеясь лишь на то, что ей что-нибудь помешает.

«Хоть бы замок заклинило» - молила она про себя. Но вставив ключ и повернув его, она поняла, что её уже ничто не спасёт. Сердце уже колотилось, адреналин ударил по ногам, она с трудом устояла. Ей не хватало воздуха. В этот момент она отчётливо осознала, что больше не принадлежит лишь себе. Она осторожно приподняла крышку. Сверху лежало его фото. Она сползла на пол, слёзы душили. Собрав остатки себя в кулак, она снова заперла его под замок, а ключ швырнула в окно. Это всё, на что ей хватило сил.

Прошёл месяц. И всё случившееся ей стало казаться сном. Она стала чаще бывать на пляже. Океан был единственным другом для неё сейчас, который мог поддержать и успокоить её. Когда пульс начинал зашкаливать, а сердце хотело лететь к нему, она тут же ныряла в воду и плавала, пока мысли не обретали разум, а сердце – покой. Это было похоже на терапию, но это спасало её.

Она смотрела на землю с высоты птичьего полёта – зелёные леса, синий океан, красное солнце на закате. Она чувствовала себя свободной, вдыхая полной грудью. Воздух был чистым и свежим, а она – лёгкая и спокойная. Она летела. За спиной у неё были большие прекрасные крылья. Она сделала взмах, будто отталкиваясь от воздуха, и летела быстрее и выше, наслаждаясь полётом. Она летела к солнцу и вдруг проснулась. В лицо светил рассвет.

Сегодня она решила прокатиться по побережью. Настроение было подходящим. Она катила по дороге в своём любимом кабриолете. Ничто не мешало обзору, за это она и любила эту машину. Небо было чистым и почти прозрачным. Только два ярких пятнышка перемещались по нему. Она не сразу разглядела, что это было. А когда они приблизились, она поняла, что это дельтапланы. Она вспомнила свой сон. Ей безумно хотелось летать, но страх высоты был просто парализующим. Она всё же договорилась о встрече с инструктором, рассказав ему о своём страхе высоты.

На следующий день она приехала на площадку дельтапланеристов. Её трясло от одной только мысли о полёте. Инструктор выглядел уверенно. Лёгкая улыбка играла на его лице, когда он шёл к ней. «Наверное, это он надо мной смеётся» - думала она. «Меня же всю трясёт». От одного вида этих крылатых «существ», стоящих сейчас неподалёку, у неё сводило живот от страха. Размах крыльев казался ей необъятным. «В небе они выглядели гораздо меньше» - подумала она. Она наблюдала, как двое дельтапланеристов заходили на посадку. От одной мысли, что она могла бы быть на их месте, ей захотелось бежать.

- Так у Вас страх высоты? – прервал её мысленную агонию подошедший инструктор.

- Скорее ... паника.

Он лишь улыбнулся.

- Поверьте, Вы не первая, кто пришёл сюда с такой проблемой. Но сейчас они все летают.

- Серьёзно? – с нескрываемым недоверием произнесла она.

- Всё дело в доверии – пояснил он.

- Доверии? – не понимала она.

- Да. Это основная причина, по которой возникает страх. Главное выяснить, какой тип недоверия именно Ваш.

После некоторых вопросов, они выяснили её основной тип недоверия и пару незначительных. Таких, как, например, недоверие к пилоту.

- Никогда бы не подумала, что я сама себе враг – отчаянно выдохнула она, после озвученных результатов.

- Вы – не враг себе, просто так вышло. Всякое случается.

- Я не доверяю сама себе! Как, вообще, такое может быть?

- Причин может быть множество, и недоверие к себе может выражаться по-разному. Поэтому сейчас ответь сама себе, - он перешёл на «ты», «вы»-кать уже было неуместно, - чего ты также боишься в своей жизни, как летать, то есть высоты? От чего у тебя адреналин зашкаливает, что сердце готово из груди выскочить? А, может, земля уходит из под ног?

- Боже – выдохнула она. Он заметил слёзы.

- Слёзы это хорошо. Значит, мы уже близко к истине. Так чего ты боишься?

- Любить – еле слышно прошептала она.

- Уверена?

- Я всегда этого боялась.

- Чего конкретно, если не секрет?

- Не знаю. У меня никогда не получалось любить без «травм». Любовь это слишком высоко.

- Всё ещё можно исправить.

- Не уверена.

- А ты попробуй. Хуже уже точно не будет.

- Но как?

- А разве не за этим ты здесь? – с улыбкой спросил инструктор.

Она вновь взглянула на гигантских «птиц».

- Идём.

Ей ничего не оставалось, как последовать за ним. Они подошли к одному из дельтапланов.

- Нравится?

Она кивнула.

- Особенно эти огненные крылья, – она коснулась их, чувствуя, как ускоряется пульс. – Но как мне побороть страх?

- Тебе надо доказать самой себе, что ты можешь себе доверять и своим чувствам.

- И как это сделать?

- Лететь.

Она открыла рот от удивления.

- Вот так сразу?! А нельзя, как-то ... подготовиться?

- А к любви можно подготовиться?

Её сердце снова пустилось вскачь.

- Зачем ты здесь? – спросил он.

- Я хочу летать.

- Отлично. Тебе нужны крылья? Вот они. Можешь лететь, когда захочешь.

- У меня нет выбора, да?

- Нельзя научиться летать, стоя на земле. И любить кстати тоже. Доверься себе, и всё получится!

Она раздумывала какое-то время.

- Это страшно? – наконец, спросила она.

- Страшно так никогда и не научиться «летать».

- А если я «разобьюсь»?

- Не узнаешь, пока не попробуешь.

- Легко сказать – усмехнулась она.

- Ещё легче сделать. Открою тебе один секрет – если ты чего-то хочешь, значит ты это можешь и более того ты должна. Ведь наше самое заветное желание и есть наше предназначение. Тебе повезло, ты уже знаешь, чего хочешь. А некоторым, чтобы понять это требуется половина, а то и целая жизнь. Конечно, я имею в виду те желания, которые делают нас и окружающий мир лучше.

Она задумалась, снова оглядывая огромную «птицу» с оранжевыми крыльями. Потом закрыла глаза и представила, как парит в небе. Внутри у неё всё затрепетало.

- Доверься себе! – услышала она голос инструктора. Сердце заколотилось.

- Нет! Я не могу – в её глазах снова блеснули слёзы. Она отступила на шаг.

- В том-то и дело, что можешь. И это пугает тебя.

Страх снова завладел ей.

- Ты можешь – повторил он.

- Нет – констатировала она и, пошла прочь. Он молча смотрел ей вслед, не пытаясь остановить, уверенный, что она ещё вернётся.

Она проснулась рано, с тяжёлым сердцем. Не удивительно, ведь страх, уже обвился вокруг него, как ядовитый плющ, не позволяя ему нормально шевелиться. Она смотрела на вкусный завтрак в своей тарелке, но ей совсем не хотелось его есть. Опустошив стакан сока, она схватила ключи от машины.

Она ещё не знала, куда едет, пока не заметила в небе дельтаплан, тот самый с оранжевыми крыльями. Сердце ухнуло вниз, потом взлетело к горлу и замерло там. Через некоторое время она поняла, что следует за этой прекрасной «птицей». И когда дельтаплан стал заходить на посадку, она остановила машину. Она наблюдала, как дельтапланы взмывали в небо и садились. «Почему я так не могу?» - негодовала она мысленно. «Или могу?» -

явное сомнение закралось ей в душу. «Не узнаешь, пока не попробуешь» - слова инструктора эхом отозвались у неё в голове. «Я только ещё разок взгляну на этих «птичек» вблизи» - уговаривал её внутренний голос.

Она подъехала к площадке, туда, откуда ещё вчера уезжала с чётким намерением – больше никогда не возвращаться сюда. Её страх настаивал на этом. Но вот она здесь, и внутри у неё снова всё сжимается в тугую ком.

- Я так и знал, что ты вернёшься – улыбаясь, приветствовал её инструктор, пока она выбиралась из машины. – Все возвращаются – пояснил он.

- Честно сказать, я была уверена в обратном – ей было явно не до смеха, но взгляд её уже был устремлен на летуна в оранжевом «оперении». Он проследил за её взглядом.

- Пока он свободен, можешь подойти ближе, – подбодрил её инструктор. У неё вспотели ладони. – Смелее – подсказал он.

Наконец, она вновь касается огненных крыльев, так манящих её.

- Я оставлю тебя ненадолго, – говорит он. Она кивает. – У меня тут сегодня новенькие – объясняет он. Она его почти не слышит. Он улыбается её завороченности и отходит.

Чуть позже.

- Я хочу лететь! Сейчас! – она бесцеремонно прерывает его беседу. Он долго смотрит на неё, пытаясь понять причину такой внезапной перемены.

- Пойдём! – таким же решительным тоном отвечает он. – Извините – бросает он своим собеседникам и ведёт её к дельтаплану. – Я проведу инструктаж.

- Ты будешь моим пилотом? – на ходу спрашивает она.

- Тебе решать – улыбается он, уже знакомой ей улыбкой. – Если доверяешь.

- Кажется ... да.

- Этого достаточно.

Проведя инструктаж, он помог ей устроиться в дельтаплане, потом усаживается сам.

- Готова?! – в последнюю очередь спрашивает он.

- Боже – выдыхает она вместо ответа.

- Доверься себе! – напоминает он.

- Я стараюсь – отрывисто отвечает она, безуспешно пытаясь скрыть надвигающуюся панику.

- Помни, ради чего ты это делаешь!

Очередной трусливый побег яркой картинкой вспыхивает в её замутнённом от страха сознании.

- Доверься себе, доверься себе – шепчет она, словно молитву.

Дельтаплан покатился, ускоряясь и постепенно набирая высоту.

- Доверься себе ... доверься себе ... – неустанно твердит она, зажмурив глаза. Её ноги уже не касаются земли, но она всеми силами старается не замечать этого.

И вот уже её огромная «птица» взмыла высоко в небо, что дух захватило. Она закричала, ещё сильнее зажмурив глаза. Адреналин уже пульсировал в каждой клетке и, как ей казалось, разрывал её изнутри. Приливная волна гуляла от головы к ногам и обратно. «Это невыносимо!» - кричала она мысленно. «Доверься себе!» - командует она себе, вспомнив напутственные слова. И в этот момент, когда она понимает, что у неё попросту нет выбора, что-то происходит, некое включение, о котором вскользь упоминал инструктор. Она, словно стала соединяться в одно целое с этим мощным потоком воздуха, ветра, звука, эмоций и всем тем, что её сейчас окружало. Организм потихоньку адаптировался к непривычной для него ситуации, словно прислушиваясь к происходящему всем телом. Она почувствовала, что стала дышать ровнее, если до этого она вообще дышала. Потом стала различать отдельные звуки: звук двигателя, свист ветра, стук сердца в ушах. Затем потихоньку приоткрыла один глаз, следом второй. Глаза постепенно привыкали к новому для них виду.

Она смотрела на землю с высоты птичьего полёта – зелёные леса, синий океан, красное солнце на закате. Она чувствовала себя свободной, вдыхая полной грудью. Воздух был чистым и свежим, а она – лёгкая и спокойная. Она ЛЕТЕЛА! За спиной у неё были большие прекрасные крылья. Она сделала взмах, будто отталкиваясь от воздуха, и летела быстрее и выше, наслаждаясь полётом. Она летела к солнцу, но в этот раз она не проснулась. Это был не сон, это была реальность. Она закричала, но уже не от страха, хотя волнение всё ещё присутствовало, а от восторга. Это был её полёт, её крылья. Капли слёз сдувал ветер. Она улыбалась себе, жизни и всему миру.

Эмоции уже переполняли её через край, когда дельтаплан стал сбрасывать высоту и заходить на посадку. Её ноги коснулись земли, но устоять на них было невозможно. Они были, словно чужие и сделаны из ваты.

- Это нормально после первого полёта – объяснил инструктор, улыбаясь.

Она лежала на траве, но ей казалось, что она ещё высоко в небе. Слёзы не останавливались. Она закрыла глаза, всматриваясь глубоко в себя. Ей вспомнился пустой, старый дом, который уже не раз ей снился. И такой знакомый плач маленькой девочки, лица которой ей никогда не удавалось, как следует рассмотреть. Но не в этот раз. Она узнала себя в возрасте пяти лет. Это был непростой период в её жизни, хотя она уже смутно его помнила. И сейчас внешне, будучи уже взрослой, в глубине она оставалась испуганной и всеми покинутой маленькой девочкой. Не медля больше не секунды, мысленно она очень крепко обняла её, вложив всю свою любовь и произнесла:

- Ты не одна. Я с тобой.

Она ощущала, как внутренние границы разных её частей сливаются и становятся одним целым. Слёзы потихоньку высыхали. Она открыла глаза,

чувствуя себя собой, доверяющей себе и жизни. Инструктор помог ей подняться.

- Лучше? – спросил он.

- Да – ответила она, прислушиваясь к себе, и ещё ощущая внутреннюю дрожь.

- А ты молодец! Я искренне удивлён. И откуда вдруг такая решимость?

- Пересилил другой страх.

- Какой же?

Она сделала паузу, снова глядя на оранжевые крылья.

- Я так испугалась, что из-за своего страха высоты, я так никогда и не познаю, что такое полёт, точнее любовь. Это очень страшно.

- И очень мудро – восхитился он.

- Хотелось бы верить, но я – самая обыкновенная трусиха – смеясь, призналась она.

- Верится с трудом – улыбался он. – Я не сталкивался с такой решимостью за всё время, что работаю здесь. Я бы не сказал, что тобой руководил страх. Ты буквально оседлала его – он снова не сдержал улыбку.

Она не знала, что ответить, думая о том, что ей ещё многое предстоит и, что ей надо поспешить, пока она чувствовала себя так уверенно.

- Мне пора, – тихо сказала она, – но я ... обязательно вернусь.

- Не сомневаюсь.

Она мчалась домой, вызволить из заточения шкатулки свои воспоминания. Она надеялась отыскать ключ, который швырнула в окно в момент паники. По приезду она сразу побежала в сад. Но спустя почти час она ничего не нашла. Это было похоже на издевательство. Сейчас, когда она была готова снова взглянуть на него, она не могла. «Я открою её по-другому» - подумала она и решительно направилась к дому. «Может, ещё не время» - она снова услышала свой внутренний голос, когда уже взяла в руки шкатулку. Она решила довериться своей интуиции, поэтому положила её обратно.

Каждый день она приезжала на площадку дельтапланеристов и летала. И с каждым разом её полёт был ещё удивительней, ещё прекрасней. Она чувствовала себя всё уверенней. Она доверяла себе.

Однажды гуляя босиком по саду, находясь где-то далеко в своих мыслях, она вдруг вскрикнула, больно наступив на что-то твёрдое. Потом наклонилась и увидела в траве маленький кованый ключик.

- Господи! – выдохнула она, поднимая его.

«Это знак» - подумала она и побежала в дом. Почти взлетев на второй этаж, она замерла у комода. Осторожно открыв верхний ящик, она нырнула в него рукой, и из самой глубины достала шкатулку. Потом не спеша подошла к кровати, и уютно устроившись, наконец, вставила ключ в замок и медленно повернула его. Сделав глубокий вдох, она подняла крышку. Сверху, как и прежде лежало его фото крупным планом. Она улыбнулась и почувствовала

слёзы, застывшие в глазах. Потом вытащила всю стопку и стала перебирать. Эти фото были сделаны на Полароид в первый и единственный вечер, проведённый ими вместе на вечеринке. «Как давно это было, хотя было не так уж и давно» - подумалось ей. Она скучала по нему, искренне и всем сердцем, как никогда ещё не позволяла себе. Вот фото, где они только вдвоём, он что-то говорит ей, а она смеётся. Она улыбается, вспоминая этот момент. Потом внимательно разглядывает ещё несколько снимков, и на каждом они не сводят глаз друг с друга. У неё захватывает дух от того, что читается в этих взглядах, не только в её, но и в его. Это ЛЮБОВЬ! Сердце замирает от этого осознания. Ей нужен воздух, срочно. Она хватается ключи и мчит к океану.

Он смотрит на неё, стоящей по колено в воде. Она обеспокоена, замечает он. Он направлялся к её дому, когда заметил её здесь. Почувствовав, будто её плеча кто-то коснулся, она обернулась и увидела его. Её чуть не смыло в океан волной, поднимающейся из самой её глубины – что-то мощное и поглощающее, почти сбивающее с ног. Она прислушалась к себе – не вынырнет ли страх. Она полностью отдалась своим ощущениям, они были разные, волнующие, но страха среди них не было. Она улыбнулась. Он двинулся к ней, словно на зов её улыбки. Она сделала шаг. Страх молчал. Потом ещё шаг, и ещё. И вот она уже бежала навстречу любви. Подхватив её, он крепко сжал её в своих объятиях. Её ноги не касались земли, но это больше не пугало её. Она смотрела в его сияющие глаза, с трудом удерживая слёзы, и погружаясь глубоко в свои чувства без страха.

- Я скучала – первая произнесла она. Со всей нежностью он поцеловал её, больше не сдерживая своих чувств.

- И я скучал.

Она услышала знакомый рокот в небе.

- Смотри! – показала она наверх, становясь ступнями на тёплый песок. – Это мой крылатый друг! – гордо заявила она, пока он наблюдал за дельтапланом с ярко-оранжевыми крыльями. С нескрываемым удивлением он взглянул на неё. – Я подружилась с небом – призналась она.

- Правда?

- Да. Я больше не боюсь.

- Я так хотел это услышать.

- А мне не терпелось сказать тебе об этом.

Они одновременно улыбнулись. Он коснулся её лица.

- А знаешь, я могу быть твоим пилотом, если хочешь? – предложил он.

- А, разве ... ты ...?

- Да. Когда-то. Очень давно. Но сейчас я снова хочу летать. С тобой. Если ты согласна ...

- Я согласна! – с радостью ответила она, нежно целуя его.

Мы верим в то, что нам любовь дана, лишь для высокого полёта. Взаимная, как два крыла.

Валерий Столыпин

*Бурнасой**

* (В поморье так называют все рыжее)

*В цветном разноголосом хороводе, в мелькании различий и примет
есть люди, от которых свет исходит, и люди, поглощающие свет.*

И. Губерман

В этом году зима выдалась на редкость студеной. Снега навалило по самые окна. Вечерами скулеж и лай собак перемежаются жуткими отголосками недалекого волчьего воя, узнаваемыми и пугающими. Кожа от этих звуков покрывается мурашками, дыхание останавливается, сердце напротив торопливо стучит, словно желая убежать подальше и скрыться.

Подбрасываю в печку дров, чтобы не просыпаться лишний раз ночью, ложусь в постель, натягивая одеяло на голову, не гася свет. Не скажу, что боюсь до смерти волков, сколько раз встречал их за околицей на расстоянии выстрела, но ощущение мерзкое. Эта заунывная волчья песня невольно заселяет голову мыслями о смерти и конечности всего. Понятно, что избежать мрачного завершения жизни никому не довелось, но такое знание бодрости не прибавляет.

Музыка волчьего оркестра зарождает внутри тревожные импульсы, а память предков немедленно превращает их в безотчетный животный страх. Пытаюсь прогнать нелепые ощущения, но тщетно. Каждая следующая нота усиливает неприятный эффект, подвывание испуганных псов возбуждает и еще сильнее взвинчивает нервное состояние.

Утром отправляться в командировку, а мне никак не удастся уснуть. Может выйти на крыльцо, да пальнуть из ружья в воздух? Засмеют. Зоотехник от страха, мол, обделался. Перетерплю. Лучше поставлю пластинку. Что-нибудь веселенькое.

“Поющие гитары” вполне подойдут. Пусть Антонов поет о любви. Ставлю чайник на электроплитку, мою кружку. Вид у меня залихватский: растоптанные валенки, семейные трусы до коленей, рваная на животе тельняшка и наброшенная на плечи ватная телогрейка. В углу рта папироска “Беломорканал”, смятая загогулиной, правый глаз полузакрит и слезится от попадающего в него дыма. Чайник закипает быстро, воды ровно на две кружки, хотя электричество у меня бесплатное - живу в комнате приезжих при конторе совхоза, где и работаю. Завариваю очень крепкий чай, чтобы взбодриться, наливаю и грею о кружку руки. Хорошо. Только одиноко. Не привык жить вне семьи.

Угнетает отсутствие поддержки и любви. Точнее потребность в них.

Хочется общаться, но не лишь бы с кем, а однозначно с любимой. Только нет в деревне девчонок, кто бы подходил на роль единственной и желанной. Девчонки, кто созрел для любви, уже замужем. Те, что умнее, да сообразительней, учатся в районе, или области. По своей воле молодежь в деревне не задерживается. Умирает северная деревня от отсутствия перспектив. Тихо доживает свой век, старея и дряхлея год от года. Есть, конечно, молодые женщины, в основном вдовы, кто лишился мужа по драматическим обстоятельствам, или по глупости. Те все с довеском из ребятни. На этих я пока не клюю, не созрел. Хочу свою, единственную. Чтобы одна и навсегда...

Решаю еще раз проверить командировочные документы, чтобы не вышло после недоразумений. Достаяю кожаную папку на крепкой металлической молнии, приготовленные заранее накладные, требование, доверенность, платежку, паспорт, печать. Вроде все на месте. Вот конверт с командировочными на пять человек, талоны на горючее, листок с номерами телефонов. Можно ехать. Будильник заведен на шесть утра. Время половина третьего. Кажется, волчки трели стихли. Не слышно.

Смотрю в окно, где по небу на огромной скорости проносятся мрачные в стремительном движении облака, в просвете которых время от времени появляется полная луна. Снова повалил снег. И ветер засвистел, гонит по земле вихрь поземки. Чего разволновался. Подумаешь, командировка. Не один же еду. Попробую уснуть.

Засыпая, неожиданно резко слышу очень громкий, жутко пугающий гудок автомобильного сигнала, словно предупреждающего, что машина без тормозов и вот-вот сойдет...

Резко вскакиваю, больно ударяясь о металлическую трубу спинки кровати, медленно вползая в действительность. Утро. Будильник давно прозвонил. Выглядывая в окно, вижу стоящие вереницей напротив конторы четыре машины: бортовые ГАЗоны и ЗИЛок. Пора выезжать. Быстренько завариваю в термосе чай, кладу двойную порцию сахара, в карман, завернутый в газету батон белого хлеба, пару сваренных вкрутую яиц. Кажется, готов. Трогаем...

Ехать километров триста, в Каргопольский район. По местным меркам совсем рядом, здесь порой на сотни километров ни одного жилья, а на нашем маршруте кругом деревни.

В прошлом году осень была холодная, дождливая. Здесь говорят сеногнойная. Половина заготовленных кормов сопрели на корню. В нашем районе во всех хозяйствах. Занять, или купить, не у кого. Нам дали разнорядку на солому. На безрыбье, как говорится, и рак - рыба. Будем запаривать с комбикормами. Может, до весны продержимся. Если не получится, придется сдать бычков на мясокомбинат. Тогда всем "на орехи" достанется. Мало не покажется. Конечно, здесь мое дело - сторона. Что можно спросить с молодого

специалиста, начинающего, неоперенного еще зоотехника? Ответят руководители. У нашего директора зад здорово чешется, ему до пенсии всего ничего осталось. Нужно было осенью беспокоиться, теперь приходится выкручиваться. Вроде мужик с опытом. Так не один он в такую переделку попал.

Районные начальники отмажутся. Они в свои кресла впились, как лесной клещ в незащищенную полоску нежной кожи - не отдерешь. Нужно свой совхоз выручать. Вот и едем. Для начала нам десять тонн соломенной резки в тюках выделили, комбикормов подбросили сверх утвержденного лимита, хвою заготавливаем, перерабатываем в витаминную муку, у населения покупаем излишки. Я уже два раза ездил по отдаленным деревням. Там люди хозяйственные, прижимистые, знают, почему фунт лиха. Про голод и недород знают не понаслышке. В таких деревеньках всегда запасы на несколько лет вперед, потому что рассчитывать, кроме себя, не на кого.

Те мои командировки — отдельная история. Много чего отведал не по своей воле: красоты небывалые, воду чистейшую, но и натерпелся от партнеров-подельников, которых набрали мне в помощники из бичей, отсидевших немалый срок, кто за что. Ну, да ладно. На сей раз еду с проверенными людьми. Все ребята наши, деревенские. С ними не по одному десятку раз ездил по хозяйственным надобностям, иногда на охоту, да рыбалку. Все ребята, кроме меня, практически родственники. Деревеньки маленькие: сестры одних — невесты братьев других. Все перемешалось в этом королевстве. Иногда за столом собутыльники часами выясняют, кто кому кем является, потом обниматься начинают, все одно - родня. Коля Шпякин, самый старший из водителей, двадцать три года. Единственный женатик. У него двое детишек. С ним на ЗИЛе я и еду. Машина просторная, можно поспать. Все - равно дорогу не знаю. Они ребята бывалые, справятся. Конечно, на всякий случай карту я захватил, просмотрел заранее маршрут, однако, надеюсь, моя помощь не понадобится.

Сразу за нами едет Витя Селиванов. Этот только из армии осенью вернулся. Еще не осмотрелся как следует. Самый молодой. У парня ветер в голове, но огромные жизненные планы.

Следующий Женя Голованов, мой дружок. С этим не один десяток бутылок водки усидели, охотились, рыбачили. Поначалу подрались для знакомства. Неделю оба светились разноцветными фингалом, потом сдружились. К нему я в баню хожу, а вечерами играем в шахматы. Женька молчун, каких прежде не встречал. Все время улыбается и только слушает, причем, никак не выражая своего отношения к собеседнику. Зато, когда нужно помочь - самый первый. Три года на подводной лодке отслужил, оттого, наверно, и молчит. У него невеста есть. Так вышло, что пока молчал, девчонка его потихоньку приручила и девичьими тайными методами окрутила. Уж не знаю, как у них чего в постели происходит, а на людях она командует, он

подчиняется. Без эмоций. Валентина, его девушка, говорит - скоро свадьба. Женька молчит, но невеста поправляется чересчур быстро, похоже, уже беременна. Сам не говорит, а спрашивать неудобно. Как будет известно точнее - по деревенне молва пойдет. От деревенских сплетниц ничего не скроешь.

Закрывает колонну Санька Дементьев, тоже из армии вернулся. Его невеста в Архангельске на врача учится. Этот готов хоть завтра сорваться вслед за боевой подругой, только она девушка принципиальная: до свадьбы к телу не допускает, а замуж пойдет, когда диплом получит. Парень тоскует чрезмерно, а через это каждый день в стакан смотрит. Думаю, не дождется. Не, я не каркаю, просто задачка не для каждого.

Проехав чуть дальше поселка Конево (с ударением на е) Санька начал нам сигналить. Пришлось остановиться. Мало ли что. Оказалось, предлагает свернуть с трассы и срезать треть пути по проселкам. Лично я не возражаю, поскольку не знаю местности. Ребята посоветовались и решили махнуть напрямки. Покурили и в путь.

Километров двадцать следуем по выглаженной грейдером грунтовке, которая перешла в ухабистый проселок. Его мы почувствовали сразу, как говорится, задницей. Минут через десять надуло чернющие тучи, дорога покрылась мраком и сразу завьюжило. Снег повалил крупный, дворники не успевают смахивать его со стекла. Чуть позже ребята на ГАЗиках начали гудеть, сигналить фарами, проваливаясь и застревая в свежих снежных заносах. Пашка развернулся, принялся вытаскивать по одной увязшие в снегу машины. Сколько возились, не засекали, но неожиданно опустилась ночь. Несмотря на это нужно ехать. Мороз. Двигатели глушить нельзя - замерзнем. Решили двигаться дальше. ЗИЛ пробивает дорогу, остальные потихоньку следом. Едем долго. Настроение кошмарное, да и есть жутко хочется. Хотел достать свой батон, да посчитал неправильным, жрать втихаря. Вот найдем жилье, тогда поедим.

Как назло на пути ни одного дома. Нет даже признаков присутствия в данной местности человека. Я загрустил. Пашка сначала рассказывал анекдоты, потом истории из жизни, после и он умолк.

Мороз усиливается. Печка не справляется с холодом в кабине. Начали замерзать ноги. Через час или около того наткнулись на свою же колею. Тоска медленно растворяется в отчаянии. В подобных ситуациях я бывал в заполярье и каждый раз спасались чудом. Хватит ли чудес на этот раз - неведомо. Остановили машины, собрались, совещаемся. Нужно искать дорогу вперед, позади жилья нет. Может и невелик шанс, но он есть. Дальше едем медленно, то и дело рассматривая, где свернули с дороги. Насилу нашли злосчастный поворот. Маленькая, ноудача.

Через час или около того увидели дом, из трубы которого поднимается еле заметный дымок. Я сразу зевать начал, в предвкушении ужина и сна. Домик малюсенький - чуть больше баньки. Дров возле него на несколько лишь дней. Может, сторожка? Стучим, сначала потихоньку, потом что есть силы.

Дверь открыло крошечное создание в тулупе до самого пола с лучиной в руке. При таком освещении ничего толком не разглядеть. Просим приютить.

— Ты, милоч, громча кричи. Глухая я. Ничего ня слышу.

— Переночевать нам надо, бабуля.

— Спите, есля влезайте. Харомы ня царския.

— Спасибо! Нас пятеро. А покушать чего есть?

— Не, исть нечаго.

— А сама, чем живешь. Небось, не голодаешь.

— Камбикорму завариваю инагда, есля сил хватат кипятка нагреть.

Давача, Стяпан приязжал, курей привез, да кармов два мяшка.

— Когда приезжал-то? Давно?

— Так не упомню. Може и нядавна. Мне пачем знать. Старая я. Курей лисы патаскали. Вон последняя бегат, зараза, где нясется, не пайму. Всю хату изгадила.

— Не топишь в доме почему?

— Так в даму драва кончались, а со двара мне не данесть.

— Понятно. Молодежь, давайте, натаскайте дровишек. А вода у тебя где?

— Во дваре калодец был. Таперича ня знаю. У мяня половина бачонка осталась, только она горькая, ня вкусная. Застаялась, пади. Да мне все одно, помярать пара, да вот никак Господь не прибярет.

— Да, беда. А родня где? Степан-то твой, кто будет?

— Леший его знат. Ездит иногда. Знаю, Стяпан.

— Деревня твоя как называется?

— Ня упомню. Там, в тунбочке гумаги ляжат. Може чиво и сказано о том.

— А люди-то, люди, где живут?

— Не, ня знаю. Може и ня живут. Адна я.

— А Степан?

— Може и Стяпана нет. Аткуда мене знать.

Натопили печь, отмыли клочок засранного курицей пола и улеглись спать сидя, предварительно попив чай с батоном. Я провалился в сон сразу. Ночью мне снились волки, которые вот-вот подберутся ко мне, как только погаснет костер, и наверняка будут рвать еще живого на части, но сил подняться и принести дров, нет. Гляжу в глаза самого матерого, тот глядит не мигая и тут вылезает еле живая старуха, на которую сразу же бросается вся стая. Из последних сил достаю догорающую головешку и втыкаю ее в пасть того самого глазастого зверя. Волчара кричит страшным человеческим голосом, от которого я просыпаюсь. Оказывается, сон перепутался с явью, в пылу «борьбы» я заехал березовым поленом Пашке Шпякину прямо в лоб. В долгу он не остался, тоже мнеприложил. Впрочем, в темноте и остальным малость досталось. Хорошо бабку до смерти не испугали по причине ее глухоты и крепкого сна.

Чуть позже приехал Степан. Оказалось, ее внук. Тот привез нехитрый провиант, чему мы были несказанно рады. Быстренько наварили каши, наелись, посмеявшись от души на дорожку и поехали, вслед за конными санями Степана. Он проводил нас до своего дома, дал домашнего хлеба, вареной картошки с луком и направил в дальнейший путь.

Дорога вся в заносах. ЗИЛок кое-как пробивается. ГАЗоны все время буксуют. Так мы пробиваемся целый день, до тех пор, пока снова не повалил снег. Срезали, твою мать... Так и хочется надавать по ушам Деменьеву Саньке, инициатору «замечательной» идеи, за которую мы уже прилично наказаны. Небось директор совхоза нас обыскался, но сообщить ему ничего не можем.

Снегопад снова обрушился сразу и вдруг. Дорогу мы снова упустили, пропетляв, неизвестно сколько, на одном месте. Только теперь у нас был печальный опыт и на нужную колею мы выехали быстрее. Вскоре показалась деревня. Когда узнали ее название, Коля Шпякин просветлел лицом и засветился положительными эмоциями.

—Дальше я дорогу знаю. Здесь, рядом совсем, братец двоюродный проживает. Тот еще, скажу вам, мужик. Сами увидите. Самородок. Такихпоискать: на все руки мастер. Садись, поехали. У него и переночуем. Считаю, повезло. Вот, живу чувствую, как самогонка до самого желудка прокатилась. Не самогонка - амброзия. И нажрусь. Да не смотри так, не водки – проголодался. От пуза наемся, брательник уважит. Каша для мужика не еда, особенно на сухую. Это точно. Знаешь, какой у меня брательник... Самый, что ни на есть, лучший - человечеще... Лет пять его не видал. Ну, повезло, бя...

Колька надавил на газ, весело выруливая в сторону от наезженной колеи. Машина запрыгала на колдобинах прямо по снежному полю, то и дело подбрасывая нас к потолку кабины, в которую мы звонко врезаемся головами. Остальные машины еле поспевают за нами, но Николая уже не остановить. Он предельно счастлив. Иногда маленькая удача перевешивает большие неприятности. Бывает и так. Его понесло, как испугавшуюся чего-то кобылу, только Колькину крышу снесло от радости. Даже сизый фингал на его лбу горит от восторга, чего не скажешь про меня. За несколько минут я раз десять шмякнулся со всей дури в злополучную крышу. Удержаться от очередного полета не за что. Падая, очередной раз больно и звонко стучаюсь подбородком, прикусив заодно язык. Это перебор. Хватаюсь двумя руками за баранку и кричу, что сейчас звездану водителю в глаз. Он, паразит, подмигивает и корпусом вбок откидывает меня к двери. Дверь распаивается... я лечу... Удачно. Мордойпрямо в рыхлый снег.

Санька Деменьтьев останавливает свой грузовик, выскакивает, пытается меня поднять, одновременно крутя у виска в сторону машины Шпякина.

—У Коляна чо, крышу снесло? Во, мудила! А если бы ты разбился?

Шпякин сдает задом, выскакивает, разводя руками, словно не понимает, зачем я выпрыгнул. На его лице извиняющаяся, но блаженная улыбка.

—Ты чо, зоотехник. Потерпи, маленько. Сейчас доедем, расслабимся. Считай, я тебе за полено отомстил. Садись. Поехали. Километра три осталось. Не серчай. То я от радости.

—Будешь гнать, вылезу. Правда, мудака, бля! Теперь ты мой должник. Я-то за свой фингал еще не расплатился.

Вскоре мы въехали в деревню домов из двадцати. Для такой глуши прямо поселок. Снег валит на полную катушку косою пеленой, сносит его порывистым ветром. На улице никого. Лишь приглушенный свет в некоторых домах. Останавливаемся у самого на наш взгляд приличного строения, стучимся. Открывает дедок в валенках и шапке-ушанке с ружьем навскидку.

—Чего шляетесь в такую погоду.

—Заплутали, отец. Только мы свои. У меня брательник здесь живет, Егорка Бурнасий.

—Многоженец, что ли?

—Он самый. Егорка Шульгин. Рыжий.

—Вона, посередке, два больших дома видишь? Те оба евойные. Он дома сейчас.

—А телефон у вас есть? Очень позвонить надо.

—Телефон в сельсовете. Завтра в девять откроется. И председатель, и секретарь не из нашей деревни. На заимках живут. Езжайте уже к своему Бурнасий.

— А почему Бурнасий?

—Рыжий, по-нашему и есть Бурнасий. Лешак, он. Многоженец. В тюрьме ему место. Ишь, развел гарем, как персидский шах. Окоротить некому. Куда смотрит советская власть?

Мы подъехали к добротным одинаковым домам, стоявшим по разную сторону улицы. Строения явно не вписываются в местную архитектурную обыденность. Нигде больше в этом районе, да и в своем тоже, не видел я домов с мансардой и большими окнами.

Не успели остановиться, как на крыльцо выскочил коренастый мужичок в просторной рубашке, наподобие тех, что надеты на персонажей фильмов про дореволюционную Россию. Он прикрикнул на заливающих лаем собак, которые тут же изменили характер общения, принявшись вилять хвостами и ластиться. Мужика отличают от иных жителей местных деревень отливающие медью густые волосы и того же цвета окладистая борода. Определить возраст из-за густой растительности невозможно. Да и не так важно это. Мужичок соскочил одним махом с высокого крыльца, подбежал к нам. —Кого, на ночь глядя послала мне фортуна? Ба! Никак Коляшка, брательник мой двоюродный. Воттак сюрприз. Алевтина! Живо мечи на стол все, что увидишь. Праздник у нас. Брательник в гости пожаловал, да не один, с друзьями. Дай, огляжу. Заматерел, приосанился. Всегда крепкий был, теперь вдвойне. Хорош! Женился, али как? Ладно, потом. Все потом. Сейчас за встречу по

махонькой. Девкиуже суетятся. Погодите чуток и Варька прибежит. Это моя вторая. Или первая. Я их завсегда путаю. Оне у мене одинаковы. Как двое с ларца, одинаковы с лица. Милости просим, гости дорогие. Чем богаты, тем и рады. Вы-то мне рады? А то я тут кукарекаю. Может зазря? Чего скажешь, брательник?

— Рад я. Очень рад, что оказия такая вышла. Заплутали мы, только не зря. Может леший не просто так нас кружил. Вдруг, да пожелал, чтобы мы с тобой встренулись. Дай-ка ишшо раз обойму. Крепок. Ох, крепок. Как груздочек.

— О, напомнил. Алевтина, где ты там? Груздей не забудь, волнух, редьки на закусь, да капусты квашеной с лучком. Люди с дороги голодные. Ладно, соловья баснями не кормят. Мужик у с устатку рюмочку желательно граммов на сто пятьдесят. Для начала. А там, как пойдет.

В дому вся внутренность обшита строганными досками. Мебель тоже изготовлена из массива сосны, да березы. Все добротное, выдержано в одном ключе, но совсем не похоже на местное, поморское. В этом доме во всем изюминка. Вдоль большой стены накрыт стол, заставленный под завязку снедью. Ничего особенного нет, но заглядишься. Морошка, клюква, брусника, голубика. Грибы разные. Вареная картошка. Квашеная капуста. Сметана. Простокваша в литровых банках. Горкой пышущие жаром блины и горячие лепешки, когда только успели? Отдельно лежат несколько видов солонины и холодное вареное мясо, копченая рыбка, сало. Глаза разбегаются от такого изобилия, в животе забурлило от предвкушения.

На широкой скамье у печи сидят пятеро рыжих девчонок в цветастых хлопчатых сарафанах и мягких катаных валенках, мал мала меньше. В люльке, подвешенной к потолку, лежит младенец. Он не спит, но абсолютно спокоен. У стола русоволосая женщина лет тридцати, одетая, словно на этнографический праздник. Не хватает только кокошника. Статная, фигуристая. Не могу сказать красавица, но весьма видная.

— Познакомьтесь. Это, моя Алечка. Желанная и вообще... самая-самая...

В это время в комнату вбегает еще одна Алечка, точно такая же, только одета немного иначе и начинает кричать.

— Почему все всегда достается одной Альке? Значит, она желанная, самая и прочее, а я?

Женщина принимается рыдать, заливаясь слезами, словно актриса, которую долго тренировали моментально лить слезу, когда того потребует роль. Егор поднял деревянную ложку и грохнул ее о стол.

— Цыц, курица! Разве я сказал, что ее люблю, а тебя нет? Ты тоже самая-самая. Может еще желаннее. Только не повод сейчас решать такие проблемы, люди с дороги, да и недосуг им ваши раздоры и дразги наблюдать. Знакомьтесь, моя любимая супруга Варвара. Самая желанная и дорогая...

Теперь в наступление пошла Алевтина, с ходу начав орать на Варю.

— Не нарывайся, Варька, моя таперича няделя. Значит, и гости мои.

—Егорка твой, а гости общаи. Я тоже стол накрыла. Не хуже тябе. У меня гулять будям.

—Цыц,сказал! Раскудахтались. Вот свалю от вас в монастырь. Здеся гулять будем. И не позорьте меня перед гостями. Брательника стыдно. Ты, Алевтина, по правую руку садись, а ты, Варвара, по левую. Обе любимые. Самые-самые. А за детишками пушай девки сбегают. Да живо чтобы. Марию не уроните. Алевтина, разом вторую люльку подвесь. Начинать пора. Вино уже согрелось от ваших споров. Новое принесите, чтоб со слезой, холодненькое, как положено. Дорогих гостей принимаем. Сейчас ребяшня прибежит и начнем.

Через несколько минут в горницу влетают еще пять рыжих как огонь девочек с кульком на руках.

Да!!! Неужто, в глазах двоится? Такого во сне не увидишь. Итого двенадцать рыжих девок получается. Чистенькие, нарядные. За такое грех не выпить.

Наконец все вопросы уладили. Сестры, а это оказались близняшки, уселись. Все налили в огромные, действительно граммов по сто пятьдесят, стопки самогон со слезой и над столом зазвенело. Ух-х! Крепка, зараза.

Я отхлебнул слегка и украдкой поставил остальное на стол, не решаясь начать закусывать. Думал, сейчас обязательно кто-то обидится, что со всеми не пью.

—Уважаю. Поддерживаю. Это развлечение не для всех. Потому и выпили первую без тоста, чтобы никого не сильничать. Обычно сначала пьют за хозяев, тогда всем приходится опрокидывать горячее до дна, чтобы хозяева не обиделись. Теперь вижу, что к чему. Дальнейшие тосты не для всех, только желающим. Полагаю теперь все поняли, что к чему. Это моя дражайшая супруга Алевтина, а это дражайшая жена Варвара. Ну а дети, все, как один, мои. Только сейчас мы выпьем не за них и не за нас, а за дорогих гостей. И закусывайте, закусывайте. Девки,давайте музыку. Веселитесь. У нас сегодня замечательный праздник. Брат Колька приехал, — на этом месте Егор прослезился, выпил залпом и отвернулся смахнуть слезу.

—Не обращайтесь внимание. Впечатлительный я очень. Говорят мужикам слезы не к лицу, а у нас все наоборот. Жены мои любимые и единственные никогда не плачут, чаще бранятся, все меня делят. Только живого разделить на кучки не получится. Терпите уже, мои дорогие. Бог свидетель, не я тому виной. Обознался. Только ничуть о том не жалею, да и выделить ни одну не могу. Простите уж вы меня. Все для вас сделаю. День и ночь работать буду. Никогда нужды знать не будете...

—Довольно уже. И так всех разжалобил, отец. Детишки вон и не танцуют. Того и гляди хором рыдать начнут. Давай, лучше споем. Нашу. Любимую. — Сказала Алевтина, сегодня считая себя главной и ответственной.

Молча, наворачиваю все, что попадает в ложку, отмечая отменное качество еды. Хозяйки с Егором поют. Ребята мои постепенно хмелеют, что

настораживает – дело-то еще не сделано, чего не скажешь о хозяине, который не пропускает ни одного тоста. Видно очень крепок на голову.

Николай, наверно чрезмерно расчувствовавшись, может, устал от блужданий по заснеженным проселочным дорогам, сошел с дистанции первый, уснув прямо за столом. Следом за ним начали клевать носом остальные.

Женщины собрали со стола, оставив закуску и выпивку только мне и Егору, который был свеж, словно и не пил вовсе. Алевтина уложила спать Колю, постелив мне в одной с ним комнате. Варвара увела к себе остальных. Детишки разошлись по своим комнатам. Только мы с Егором никак не можем наговориться.

Для меня он видится загадкой, которую хочется понять. К тому же любопытство. О таком я никогда не слышал. А Егор рад поговорить по душам. Видно, свербитвнутри, хочется поделиться своим наболевшим кому-то чужому, незнакомому, кто не станет срамить или попрекать. Алевтина тоже ушла к себе, выключив везде свет, кроме лампочки над столом.

Хозяин налил еще одну, вопросительно посмотрел на меня. Я тоже налил. Выпили, хрустнули квашеной капустой, отправили в рот по ложке морошки. Егор прокашлялся, словно предстоит сказать или сделать нечто особенно важное, на что нелегко решиться и начал рассказывать. Передать сказанное слово в слово у меня все одно не получится, поэтому пересказываю, что сумел запомнить, тем более он перескакивал с одного на другое, торопясь не успеть высказать все или волновался слишком. А было так...

Лет около тридцати тому назад, году этак в сорок седьмом или восьмом, понятно, что тысяча девятьсот, в этой самой деревне, насчитывающей тогда дворов восемь, не более, жила Верочка Селиверстова, дочка небогатого в прошлом крестьянина, а нынче инвалида, вернувшегося с войны искалеченным, хотя и способным еще трудиться. Мать ее умерла к тому времени от туберкулеза, осложненного продолжительным голодом. Вышло так, что на войне был отец и возвратился живым, а мамка, оставаясь в тылу, сгинула преждевременно. Дом их стоял на самой окраине. Был низок и черен. Но что означает окраина? С одной стороны это начало деревни, с противоположного – конец. Смотри, с какой стороны заехать.

Однажды, в студеное и снежное январь, тогда снег не падал, а сыпался, как нынче, в деревню подкатил на дрожках всадник. Никто не знает, отчего ему вздумалось остановиться у первого же встретившегося ему дома, наверно самого бедного и маленького в этом поселении: слишком сильно устал, не хотел, чтобы его видели, или усмотрев дымок из печной трубы представил себе теплый уютный кров и отдых с нелегкой дороги. О том неизвестно. Да и не важно. История о другом.

Верочке в ту пору было девятнадцать лет. Девушка спелая, гладкая, ухоженная. Хоть сегодня на выданье. Прямой стан, лебяжья походка, белая

кожа. Волосы тоже почти белые, лишь слегка с желтизной. Толстая коса до пояса, пухлые рубиновые губки, румянец во все щеки, неотразимая улыбка невинной молодости. Ко всему еще мастерица. Мать успела выучить ее кроить, шить, вышивать, да и хозяйство обиходить.

Мамка умела все или почти все. Что могла сама, то и дочурка освоила, местами куда лучше управляется. Особенно удаются ей пироги, да сдоба. Это у них в доме никогда не переводится. Денег в семье не густо, зато с продовольствием, не смотря на послевоенные трудности, все в порядке. Отец на стройке подрабатывает, все больше за продукты и мануфактуру. Дочка обшивает всю деревню, хозяйство содержит. Не велико богатство, однако есть корова, куры и гуси. За домом поле картофельное. В палисаднике огород. Два покоса в пойме реки. Если внимательно приглядеться — всего в достатке. Не хватает только любви. Природу не обманешь. Она близости требует и эмоций. Особенно у молоденьких девушек, подсознательно чувствующих потребность в материнстве. Только через любовь и невероятную чувственность проложена дорожка к желанному, которое даже у маленьких девочек неосознанно прячется в любви к куклам.

Верочка, как и все в ее возрасте, тоже мечтала о страстной любви, хоть и не догадывалась какая она, эта любовь. Только все о ней говорят, а девчонки от удовольствия даже глаза зажимают. Знала Вера только одно, что скрывается та любовь где-то внутри. Как подумает о ней, так хорошо и сладостно становится, а внизу живота наступает приятная горячая тяжесть и томление. Тогда так хочется до себя дотронуться голыми руками, особенно грудь, живот и между бедер. Не часто выдается доставить себе удовольствие, да и стесняется она сверх всякой меры, словно свое тело, притягивающее магнитом внимание и потребность в ласке, большой грех.

А что на свете не грех? О чем бы хорошем не подумал - все грех. Например, мальчишки. Еще недавно смотрела на них, хулиганов, с брезгливостью. У одного козявка в носу, у другого сопля по колено. Голенастые, нескладные. Самое ужасное - глупые. Вечно норовят за косу дернуть, поставить подножку или ударить. У Веры не забалуешь - враз на полу очутишься. Научилась отпор давать. Защитить себя умеет.

А недавно стало происходить нечто странное: посмотрит на мальчишку тайком, особенно кто постарше, и тут же глаза опустит, покрывшись румянцем, которого стесняться стала, словно оголенного тела. И чем дальше, тем внимательнее рассмотреть хочется этих мальчишек: какие они, чем отличны от девочек? Почему так происходит? Может не совсем в себе девка?

Так вот заехал, значит, этот человек на конной повозке и напрямик к Селиверстовым. Стучит нетерпеливо. Сам в белобрых усах, овчинном армейском тулупе и высокой лисьей шапке. Нагайкой по овчине постукивает, усами вертит. Матвей открыл.

— Чем услужить можем?

—На постой пустите. Устал. Да и коню отдохнуть пора.

—Коли с добром, проходи. Миску каши, да постель завсегда гостю найдется.

Постоялец зашел, скинул тулуп в прихожей прямо на пол. Туда же швырнул шапку. Под овчиной оказались кожаная черная тужурка с портупеей, армейские широченные галифе, наподобиекавалерийских, с кожаными вставками, хромовые сапоги в обтяжку и огромный револьвер в кобуре. Всадник прошел в горницу не снимая сапог, все еще хлопая по ноге нагайкой, огладил усы, с неодобрением или интересом, слишком быстро, посмотрел на образа в красном углу с зажженной лампадкой, не спрашивая разрешения,уселся за стол, вопросительно поглядывая на хозяина. Тот засуетился, достал из печи чугуn с недоеденной кашей, пироги и кус домашнего хлеба. Осмотрел стол, присовокупил крынку простокваши и встал поодаль, приглядываясь к позднему гостю.

Тот молча отодвинул ложку, достав из-за голенища свою, рядом положил кинжал и подтянул к себе горшок с кашей. Наклонился, обнюхал, пошевелив усами и носом, зачерпнул полную ложку. Прожевав, одобрительно крикнул, отрезал на весу, по-крестьянски, от себя, ломоть хлеба, опробовав тот на запах и принялся наворачивать одно и другое, запивая простоквашей. Съел немного. Отодвинув угощение, достал кисет, набил самокрутку из клочка газеты, закурил, пустив в потолок облако едкого дыма.

—Иван. Теперь курить и спать. Все. Где мое место?

—У печи. На широкой лавке. Постель сейчас дам.

—Хорошо. Теперь гаси свет и иди. Не мешай отдыхать.

Утром Иван, так звали гостя, начал собираться, когда из своей горницы вышла Вера. Он засуетился, посерел лицом, осунувшись враз. Немного погодя сказался больным.

Матвей к тому времени собрался на заработок. Еще вчера сговорился с соседями заготовить лес на дрова. На его лице проявилось удивление и недоверие, но он хозяин своему слову, нарушить его не в праве. Нужно идти. Наказал Вере напоить гостя горячим чаем со смородиновым листом и сухой малиной, да дать подышать над сваренной в мундире картошкой. Попрощался с гостем и ушел.

Иван улегся под одеяло, натянув его чуть не с головой. Вера суетится по хозяйству. Когда принесла ему смородиновый чай в алюминиевой кружке, тот схватил ее за руки и резко дернул на себя. Девушка повалилась на скамью. Иван подмял ее под себя, ухватив, словно клещами, сильными ручищами с натянутыми, как канаты, напряженными жилами. Силушкой не обижен. Побороть молодицу - развлечение.

Вера вскрикнула, выдергивая руки и отбиваясь ногами. Куда там... Справилсявраз, только дышит прерывисто и тяжело. Глаза налились кровью, лицо покраснело, на лбу выступила испарина. Иван прижал руки девушки,

навалившись на нее всем телом, а рукой начал шарить под юбками, пока не нащупал влажную горячую мякоть.

Вера все еще билась в немой истерике, пытаясь сбросить с себя охальника. Не судьба. Рывком постоялец задрал подол, сильными коленями раздвинул оголенные бедра и отыскав вожделенное отверстие рывком вогнал в него восставший орган, понимая, что насилует девственницу, но не обращая на это ни малейшего внимания.

Вера вскрикнула от резкой горячей боли и завывала. Ей казалось, что внутри что-то раскаленное увеличивается до невероятных размеров, пытаясь разорвать пространство внизу живота. Потом это нечто начало конвульсивно сокращаться, по ее бедрам потекло горячее и липкое. Это длилось всего несколько мгновений, однако достаточно, чтобы Вера лишилась сознания, почти перестав дышать...

Иван привстал, оглядел происшедшее, вытерся хладнокровно о задранный подол, еще раз протер руки, брезгливо посмотрев на пятна крови на них вперемешку со спермой и ухмыльнулся, по привычке огладив усы. Чем не гусар. Победитель. А ведь могло все быть по-иному.

Мужчина засуетился, судорожно собирая свои нехитрые пожитки, оглядел внимательно все вокруг, достал наган и пошел к постели, где только что осрамил молодницу. Вера очнулась, смотря на него мутными от слез глазами, видя только размытый неясный силуэт обидчика. Иван потряс наганом, потом махнул рукой.

— Э-э-э... Убью, если что... Тыфу. — Брезгливо сплюнул в сторону Веры и выбежал. Через несколько минут захрустели на снегу конские копыта и послышался скрип уносящейся прочь дрожжи.

Вера поднялась, не глядя на окровавленную постель, шатаясь пошла к себе в комнату.

— Все. Теперь все... Что я тятке скажу? Почему? Почему я? А люди? Как теперь на люди показаться? Жить не хочу. Теперь я грязная, гулящая. Пропадающая теперь. Такуюникто замуж не возьмет....

Вера зарыдала без слез, сотрясаясь до икоты каждой клеточкой опороченного, обесчещенного молодого тела. Сил хватило только на то, чтобы забиться в дальний угол. Глаза опухли от слез. Горло сдавило спазмом от рыданий. Она сидела, опустив руки, и качалась, словно укачивая свое ушедшее разом детство.

Такой и застал ее отец. Только сперва его встретили тишина и пустота темного дома. Дочка не встретила, чего никогда прежде не бывало. Предчувствия не обманули. Чужало его отцовское сердце неладное, только посчитал - блажь. Внутри все оборвалось. В сердце вогнали стальной огненный шип. Он зажег керосиновую лампу, осмотрелся, увидел смятую окровавленную постель. Знал! Чувствовал! Дочка!

Матвей посмотрел с укоризной и ненавистью на образа. Плюнул в их сторону и повернул иконы лицом к стене.

—Нет от вас никакой заступы. Сперважена, затем я, теперь дочка... Если и есть ты, Господь, то совсем не добрый...

Он прошел в комнату Веры. Увидев ее страдания, молча, снял шапку и упал на колени.

—Прости! Прости, родная! Это я во всем виноват! Я.

Вера его не слышит. У нее в ушах шум, в голове пелена. Она и сама не знает, кто теперь и жива ли. Матвей дотронулся до ее лица, огладил ласково, прижал к себе.

—Ничего, дочь! Ничего. Меня тоже никто не спросил, когда на войну помирать отправляли. И мать твою не по своей воле голодная работала задарма круглые сутки, черезчего и преставилась. Видно такова наша мужицкая доля. Ничего не поделаешь. Судьба. Зато у меня есть ты, а у тебя я. Разве это мало? Проживем. Еще и счастье увидим. Я тебе обещаю...

Осенью, в самый грибной сезон, Вера родила. Две замечательные девочки. Старшую,она появилась на час раньше, назвали Алевтина. Младшую величают Варвара. К тому сроку, как родить, имена уже были заготовлены. Макар не посмотрел, что называли не по святцам. Очень уж обижен он на того Бога, что посылает людям одни несчастья, причем совсем незаслуженные.

За повитуху был отец. Он очень удивился числу и размеру малышек. Такого чуда, когда рождение близнецов, в их местности прежде не бывало. Они до сих пор скрывали от общества беременность Веры, боясь порицания и презрения односельчан.

На деле этого не случилось. Целую неделю заходили к ним соседи с подарками и поздравлениями. Откуда и как прознали про появление двойни - не понятно, только в маленьком поселении ничего от людей не скроешь. Несли муку, крупу, картофель, отрезы холста и ситца, кур и даже гусей.

Матвей не успевал наливать стаканчики "за здоровье". Веравраз просветлела лицом и сердцем, с упоением принявшись учиться быть матерью. Особенно по вкусу пришлось ей кормление дочек. Хоть порой это было и больно, но к ней опять вернулось томление, как в девичестве. Иногда внизу живота что-то начинало судорожно сокращаться, даря небывалые прежде ощущения, которые Вера ждала, как прежде ожидала встречи с любовью.

Девочки подрастали быстро. Были они похожи, как две капли воды. Дед и мать зачастую не могли отличить одну от другой. Пришлось пришивать на платьица тесьму разного цвета, что вызывало бурю негодования обеих, желающих все такое же, как у сестры.

Лицом и сноровкой девочки совсем одинаковы, а характером разные. Старшая, Алевтина, добрая и нежная. Прижимается, ластится, следует за мамкой хвостиком, учится у нее всему, стараясь упредить ее желания. Варвара хитрее и изворотливей. Любит подшутить, обмануть, схитрить. Совсем

немного.

Вдвоем им хорошо и весело. Вместе они занятные, никого не тревожат. Изредка выходят конфликты, когда занятия не хватает на двоих. Тогда, бывает, подерутся. Потом обнимаются, ластятся, норовят сделать дружке приятное.

Так и выросли. Никто оглянуться не успел, как созрели ягодки разом. Мамка им нашептала кое-чего, научила, как с такой оказией справляться, зная о том на личном опыте. Еще рассказала, от чего детишки рождаются, показала, как и откуда появляются котята.

Этим только разогрела их любопытство. Неожиданно появилась потребность разглядывать свое и сестры тело, трогать его, испытывая неведомое прежде возбуждение, хвастаться набухающими сосочками и первыми волосиками между бедер.

Пришла пора и на мальчиков посмотреть внимательно, изучая и отмечая происходящие у них изменения. Оказывается, кроме соплей у них есть красивые сильные мышцы, изумительные глаза и губы... А голос. Совсем, как у взрослых. И отчего так волнуется сердце, когда соседский Егор нечаянно заденет даже не рукой, а всего-то рукавом своей рубахи?

Алевтина первая отметила, что мальчишка стал статным красавцем. Только рыжий совсем. Их семья на всю округу такая единственная. Волосы медные, словно выкрашенные луковой шелухой, какой яйца на Пасху расцвечивают. Ей даже нравится. Глаза у него карие. И такие глубокие-глубокие, как озера перед наступлением сумерек. Еще он замечательно морщит нос. Тогда на нем появляются поразительный и загадочный рисунок, до которого хочется дотронуться губами. Про губы и говорить нечего, настолько они притягивают взор. А как ловко закидывает он на скирду полный навильник сена, словно оно ничего не весит. Хочется, чтобы вместо сена он поднимал ее... и прижимал. Тогда она сможет положить свою голову на его плечо и понюхать, чем он пахнет. Правда - чем на самом деле благоухает мужчина? Нет, не мужчина - юноша. Чем пахнет дедушка, она знает с детства. У него терпкий и очень родной запах, как в старом доме. У мальчиков наверняка иначе. Нежнее, что ли. Думает, если вдохнуть запах Егорки, у нее наверняка закружится голова. Конечно и без того внутри все вертится, как юла. Особенно мысли. Где они все были раньше? Интересно, что он думает о ней? Наверно совсем ничего. Она ведь простая девчонка. У нее даже грудь как следует не подросла. Все - равнокрасивая. Лучше, чем Варька. Тазадавака и слишком хитрая. Варя не такая. Егорка тоже не такой. А какой он? Он хороший. Как же хочется дотронуться до его лица, послушать, как он говорит... Варюха ни о чем и не о ком, кроме него, не может думать. Неужели он этого не видит?

Видит, милая девочка. Еще как видит. Еще и думает почти как, как ты. Только он тебя боится гораздо сильнее, чем ты его. Оглянись и увидишь, как следует за тобой тенью и ждет, когда настанет миг, в который он сможет обратиться к тебе или помочь чем. Например, поднести ведра от ручья.

Такая минута все приближалась, пока не повстречались они лицом к лицу со своими желаниями, справиться с которыми уже стало невозможно. Обнимались тайком под высоким берегом говорливой реки. Молча. Понимая друг дружку без слов, торопясь не успеть сделать и познать все, о чем мечтали долгое время до близкого знакомства.

Захлебывались от набегающих волн сильных эмоций, растворяясь в неведомом, страстно желая познать все больше. Больше потихоньку наскучило и захотелось глубже. Каждый понял, что отдавать и дарить много приятнее, чем брать без отдачи. Они наслаждались каждой минутой, подаренной им счастливой судьбой, стремясь угодить, наблюдая за реакцией и настроением друг друга. Постепенно научились понимать потребности души и тела, подстраиваясь. Для Алевтины с каждым днем было все сложнее найти время для тайных встреч: Варвару начали беспокоить постоянные исчезновения сестры, она стала за ней следить.

Самое обидное, что тайну, связанную с пропажей, Алевтина раскрыла в тот необыкновенный момент, когда близость вплотную подошла к кульминации. Она выследила сестру с Егоркой на сеновале. В ту минуту свершалось таинство первого проникновения, миг небывалой близости до степени смешения, слияния мужчины и женщины в одно целое.

Сначала Варвара ужаснулась происходящему, прикусив в ужасе ладонь. Потом смотрела во все глаза, чувствуя небывалое возбуждение и рождение страстного желания... повторить, самой прочувствовать все до последней капельки. Ну почему все самое лучшее в этой жизни достается Альке? Разве она хуже?

В голове Вари моментально созревает план. Довольно коварный, если не сказать больше. Ужасный. Безжалостный вариант хитроумной подмены. Ведь они похожи, как капли воды. Можно сказать Варвара это Аля, а Алевтина — та же Варя. Когда другие о том не догадываются. Значит надо досмотреть спектакль до конца, услышать, когда следующая встреча и тогда...

Варвара закрыла в общей с сестрой комнате ставни на засовы снаружи, подперла тяжеленным комодом дверь, оделась во все Алькино и довольная отправилась на сеновал. Правда перед этим ревела, как белуга, всю ночь, завидуя сестриной удаче. Додумалась до того, что убежит с Егоркой далеко-далеко, где их никто не сыщет. Только мамку жалко. И деда. Впрочем, Алевтина тоже хорошая. Как она без нее? Но любовь важнее. Они с Егором нарожают детишек целую пропасть и будут жить долго и счастливо, пока не умрут в один день. Непонятно только, почему обязательно умирать. Разве нельзя без этого? Нет, не так. Она будет жена Егорки, а Алька их лучшая подружка. Так лучше. Сестренка будет наших детей воспитывать и по хозяйству. А мы оба ее любить и дарить кучу подарков.

Все удалось как нельзя лучше. Когда Егор залез на сеновал, Варвара его ожидала. Тот начал городить всякий любовный бред. Варя молчала, чтобы нечаянно не выдать себя голосом, хотя была уверена, что все пройдет гладко. Егорка увлеченно целует, а девочка не знает, что нужно делать. Хорошо, мальчишка справился и без нее, не дай Бог разоблачил бы проказницу.

Варька с восторгом познавала всю науку в ускоренном варианте, без предисловий. Сразу практика, без возможности и права допустить ошибку. Она так старалась, что не заметила, когда прозвучал финальный звонок и милый начал ее раздевать. Этого ужасно хотелось, но было жутко страшно. А ну, как у нее не получится, как у Альки. Если Егорка прознает, тогда беда.

Тот целует и ласкает, слишком долго, как ей показалось, влезая своим смелым, но до ужаса приятным языком в каждую щелочку, возбуждая девочку так, что она готова была умолять закончить наконец эту сладкую пытку. Только Егора уже было не остановить. Варя о том даже не догадывалась. Он щепетильно приближался к желанной развязке, по-хозяйски запустив ей между ног два пальца. Варя съежилась и превратилась в камень. Что же дальше? А дальше он ласково раздвинул ее детскую щелку и нежно ввел в нее... это точно не были пальцы. Но как здорово, хотя немножко больно. Она решила с достоинством вытерпеть все до самого конца: ведь Алька терпела.

Дальше все было, как в волшебном сне: она парила над собой, плавая в невыразимом блаженстве, отдаваясь Егорке целиком, позволяя делать что угодно, лишь бы подольше. Варя не испытывала чувства стыда и угрызений совести. Ей было слишком хорошо. Так не бывает, однако так есть. Как же она счастлива. Только что дальше? Она ведь воспользовалась сходством, украла у сестренки любовь... значит, стала воровкой. Сможет ли теперь Варя в этом признаться? Как вести себя дальше? Неужели правда придется бежать от родных и близких людей? Ощущение блаженства стало бороться с чувством горечи и утраты. Неужели она настоящая преступница и нет ей в этой жизни прощения? Только не это... О таком она и помыслить до случившегося не могла.

Домой Варя вернулась под утро, почти перед самыми петухами, успев испытать боль и наслаждение многократно и с трудом расставшись с любимым. Вот только с чьим любимым? Теперь она уже не была так уверена в этом, понимала, что прямо сейчас придется открыться и выяснять отношения... с родной и единственной сестренкой. Это стало мучительным. Однако и жалеть о случившемся Варвара не собиралась: должен быть выход. Наверняка есть. А если есть, то она обязательно его найдет.

К Алевтине Варя пришла с готовым планом, считая его приемлемым и необходимым. Точнее единственным. Отодвинув комод, она осторожно, на цыпочках, вошла в комнату... Аля не спала. Девушка приосанилась и пошла к сестре, как ни в чем не бывало. Та смотрела на нее опухшими глазами, явно не сомкнув глаз. Она еще не знала, но догадывалась, точнее, чувствовала интуитивно – что-то произошло, страшное и неправильное. От сознания того,

что это с ней сотворила любимая родная сестра, ее двойник, хотелось утопиться. Алька резко соскочила с кровати, вцепилась в волосы сестры и начала ожесточенно хлестать ту по щекам. Варька сопротивлялась, но молча и не в полную силу — чувствовала за собой вину. Отсутствие отпора довольно быстро остудило Алю. Вслед за яростью и злобой пришло безразличное отчаяние. Варвара притянула сестру за голову, погладила и спокойным тоном начала говорить.

— Прости. Ну, прости меня. Ведь мы сестры. Неужели не сможем договориться, решить по-доброму?

— О чем? О чем я должна с тобой договариваться? Ты воровка, развратница и разлучница.

— Не спорю. Да, я такая. И что дальше? Тебе полегчало от того, что все это мне высказала? Нет. Нужно договариваться. Нам с тобой это нужно. Иначе плохо будет всем: тебе, мне, Егорке. Можно поступить иначе...

— Как? Не бывает иначе. Ты подлая, развратная, безжалостная... Ты предательница и этим сказано все. Я тебя убью... или себя. Какая, в сущности, разница. Одна из нас лишняя. Кто?

— А если скажу, что лишних нет. Мы все друг другу нужны. Все...

— Зачем ты мне, если так со мной поступаешь? Не знаю. Наверно я отсюда уеду. Навсегда.

— Для чего? Можно никуда никому не уезжать и жить счастливо...

— Как? Ты бредишь, милая, родная моя сестренка. Правда, теперь не настолько родная, как прежде. Не настолько...

— Есть вариант, когда всем будет хорошо. Слушать будешь?

— Что мне еще остается в этой жизни... только слушать.

— Тогда развешивай уши и думай...

Варя не успела договорить, когда послышался скрип половиц за дверью. Мамка. Сестры условились договорить позже, когда она уйдет на работу. К тому времени страсти немного улеглись, девчонки принялись за уборку. Любовь любовью, а домашние обязанности никто не отменял. За столом обе сидели с кислыми физиономиями. Отговорились недопомоганием, головной болью и вообще... Что подразумевалось под словом вообще, сказано не было. Да матери этого и не нужно. Главное вот они, расчудесные ее и самые лучшие на свете кровиночки, похожие, как... как маленькие котятки, даже больше. Вот если бы не знала по выражению лица и привычкам, тоже легко могла бы перепутать. Хорошие девчата растут. Вот кому-то счастье в жены достанется. С этими мыслями мамка собралась и ушла на ферму, а заговорщицы продолжили прерванный разговор.

— Вот я и говорю - договариваться нужно. Есть только один выход: любить его вместе. А он пусть нас обоих любит. Тогда всем будет хорошо.

— Это как? Ты любишься, а я над вами свечку держу, а потом наоборот?

— И совсем не так. Как сегодня. Он ведь не знает, кто из нас кто. Вот. На свидание по очереди нужно ходить. Потом рассказывать, о чем говорили. Чтобы не попасть в неловкое положение. В остальном у каждой своя любовь. Другая и разная. И всем хорошо.

— А если прознает?

— Не прознает. Уже испробовано. Мы для него как одно целое. Он для нас - тоже. Ну, же! Давай, решайся.

Секретное совещание продолжалось долго, с переменным успехом, но закончилось ничьей. Решение было принято. Вопрос о том, что когда-то признаться все - равно придется, отложили на потом. И началось...

Так они дурили Егора до тех пор, пока обе одновременно не начали округляться. Однажды увидев их вместе, он пристально смотрел то на одну, то на другую. Обе покраснели.

В голову парня закралась догадка, скорее сомнение. Начал Егор сопоставлять и только тогда стал примечать, что подружка у него разная. У одной шрам на внутренней стороне бедра, у другой он пропадает. Пришлось прижать обманщиц к стенке. Под давлением аргументов те вынуждены были сознаться. Егора обманули. Обе. А он, получается, многоженец. Не иначе. И что дальше?

Дальше вопросы начала задавать мамка. Она дозналась много быстрее и Егорка был вызван “на ковер” для дачи показаний и чтобы обговорить неотложные меры. Решили так: свадьбу будут играть Егор и Алевтина, поскольку она первая влюбила в себя Егора. Варька остается “вечной невестой”, детей будут воспитывать сообща, а регистрировать их сестры будут каждая на себя. Еще решили, что жить Егорке с обеими поочередно, через неделю. На том прения сторон закончились началась подготовка к свадьбе.

Гуляли широко. Егоркина семья не из бедных. Пригласили всю деревню. Первая неделя после свадьбы досталась Алевтине. Та ночь далась Варе очень нелегко: ревела белугой, страдала от ревности, еще более от зависти, что опять Алька самый лучший кусок себе вытянула.

Дальше - как договорились. Только позже решил Егор, что совместно сестры хозяйствовать по-доброму не смогут — ревнивые. Решил каждой построить свой дом. На время уехал в Няндому, учиться на шофера-механизатора. Вечерами помогал зодчему, реставратору старинных церквей, который в совершенстве обучил его плотницкому, столярному и слесарному мастерству. Теперь Бурнасы в совхозе главный механик, а после работы лучший в округе строитель и столяр. Настрогал двенадцать ребятишек. Вседо единой девки и все бурнасы. Сам видел.

На рассвете мы встали из-за стола, когда закончился его необыкновенный рассказ, подтверждаемый фактическими данными. Глаза и уши обмануть невозможно. А Егорка? Герой он или преступник - решать вам.

В девять утра открыли сельсовет. Я дозвонился в совхоз. Соврал, что ЗИЛ поломался и мы его ремонтируем. В остальном говорил правду, только она сути не меняет. Коля Шпякин успел напиться до чертиков, поэтому за баранку его “пылесоса” пришлось сесть мне, хоть и не было у меня водительского удостоверения, да и за рулем второй или третий раз – новичок.

Пришлось рисковать. Через несколько часов мы уже стояли под погрузкой. Увязали солому, оформили документы, заправились и отправились домой. Теперь по трассе. И так срезали прилично. Не доехав километров двадцать до совхоза, я схватил правым колесом бровку и уехал в заснеженный кювет, скрывшись в сугробе по самую крышу. Сначала пришлось разгружать машину, потом тянуть ее из снежного болота на лебедке, благо в северных широтах все для такого случая предусмотрено. Потом грузились обратно.

Оказалось, что я довольно серьезно повредил правое крыло. Металл-то мы выстучали, а краска облетела. Пришлось заезжать в леспромхоз и уговаривать мастеров подмазать, подкрасить, чтобы скрыть факт аварии. В совхоз приехали ночью. Колька все еще спал. Позже выяснилось, что он припрятал по разным местам презентованную ему самогонку, которую он на остановках укладкой попивал. Оттого и оставался всю дорогу в овощном состоянии.

Я ехал всю дорогу под впечатлением. Не поездки. Егорки Бурнасы и его удивительной семьи. Так и не удалось мне прийти к уравновешенному мнению - как я отношусь к нему и его женам. Сумел бы я при подобных обстоятельствах оставаться счастливым и жизнерадостным? А как сам отношусь к этому коренастому рыжему парню? Вопросы, вопросы. Только где отыскать на них ответ. Жизнь порой такого накрутит - вовек не расхлебать.

Валентин Дмитриев 2

Если не будить,
То совесть не проснётся.
Её надо воскресить
И с летаргическим сном проститься.
Без напоминания, толчка
Совесть дремать будет,
Пока от будильника звонка
Она в свой адрес получит.
А с наступлением темноты...
Она всегда крепко засыпает,
И может спать годы,
Если никто не растолкает.
Что творится в поднебесье
Нам неведомо пока
И не знаем то несчастье
Что скрывают облака.
Оно обрушится внезапно
На безалаберных людей
Что относятся халатно
К безопасности своей.
Не пора ли призадуматься
О будущем своём
Чтобы потом не оказаться
Нам на свете на другом.
Кого салом, а кого крапивой
Кормили в детстве "досыта",
Отрывая этой жижей
Пупок прилипший от хребта.
И мы, крапивное то племя,
Без скидок тяготы несли,
Пока другие поколения
На смену нам не подросли.
Сейчас мы передали все заботы
О родине-матери своей
В другие свежие ей силы
Твоих подросших сыновей.
И если что с родиной случится,
То краснеть и мёртвым суждено,

Что не отстояли от позора
То, что было больным защищено.
Количество друзей
Уменьшается до точки
От обиды и смертей
И обычной заморочки.
И остаёшься одинок
В окружающем ты мире
Где каждый стрелок,
А ты мишень в их тире.
И поневоле познаёшь
Отсутствие поддержки
Которую больше не вернёшь
За долларовые бумажки.
Нецелованного хлопца
Нельзя в атаку посылать
Его красавица девица
Должна дома целовать.
А ему неуспевшему влюбиться
Приходиться досрочно умирать,
А так хотелось бы жениться
И ласку женскую узнать.
И умирающая юность
Просит его поцеловать,
Чтобы девичья нежность
Ему поставила печать.
Нецелованного хлопца
Нельзя в атаку посылать
Его красавица девица
Должна дома целовать.
А ему неуспевшему влюбиться
Приходиться досрочно умирать,
А так хотелось бы жениться
И ласку женскую узнать.
И умирающая юность
Просит его поцеловать,
Чтобы девичья нежность
Ему поставила печать.
Неизбежна одна смерть
Всё остальное вечно,
Что успеешь совершить
В жизни самолично.

Ты умрёшь,
 А труд останется
 И если будет он хорош,
 То в веках не затеряется.
 Только сделанное трудом
 Продолжает жить на свете,
 А остальное всё потом
 Исчезает на планете.
 Я перед мамою остался
 В текущем веке должником,
 И не могу я рассчитаться
 За жизнь мне данную рублём.
 Ни изумрудом с океана,
 Ни жемчугом с морских глубин
 Не даст мне совесть сына
 Откупиться от её белеющих седин.
 Какой бы я не дал подарок
 Он не окупит тех забот,
 Какие мама положила
 В период жизненный свой тот.
 Её дряхлеющие руки
 Готов я вечно целовать,
 От коих продолжаю ныне
 Среди друзей я щеголять.

Недуг, как вода
 Найдёт лазейку
 Проникнет туда
 В слабую ячейку.
 И начнёт поражать
 Здоровые участки-
 Пока не положит в кровать
 Больного на лопатки.
 Это лежачего в драке
 Приятели не бьют,
 А в невидимом мраке
 Эту мораль не признают.
 Эх, ёлочки --сосёночки
 Дабелыйберезняк
 Вокругтакиедевочки,
 Атыбратхолостяк.
 Здесьотизобилиякрасоток

Захватывает дух ,
 А ты настолькоробок ,
 Что неловишь даже мух .
 Тебе надо определиться
 С избраницей своей
 И немедленно признаться ,
 Что сохнешь ты по ней .
 После этого признания
 Медовый будет рай
 И все свои желания
 С любимую черпай.

Никого мне так не жалко
 Как свою родную мать,
 Что ушла досрочно только
 Бога в рае целовать.
 И как маме там живётся
 Нам неведомо сейчас
 И пришлось ли ей поцеловаться
 Не дошло пока до нас.
 Лучше жить на белом свете
 Чем у боженьки в раю
 Здесь находишься на свободе,
 А там у боженьки в плену.

Живи мамочка моя
 Живи ненаглядная.
 Моя жизнь без тебя
 Будет безотрадная.
 Ты как солнышко моё
 Озаряешь гнёздышко-
 Одно присутствие твоё
 Прогоняет горяшко.
 Хорошо мне с тобой
 Находиться рядышком
 Любоваться порой
 Каждым твоим пятнышком.

У каждого своя
 Собственная мама
 Единственная твоя
 Преданная дама.

Еёлюбовь всегда
 Выданана вечность
 И в жизни никогда
 Не угаснет её верность.
 Эта любовь мам,
 К своим детям —
 Настоящий эталон морали,
 Которую они не запятнали.

Мамы , бабушки, друзья
 Окружаютнас не вечно
 Учтите это сыновья,...
 Не живите вы беспечно.
 Однажды мамочка уйдёт
 И вы будете в ответе—
 Что ваша мама проживёт ,
 Так мало лет на свете.
 Их долголетие сейчас
 Нуждаетсясегодня,
 А завтра для вас
 Будет уже поздно.

Ядумал вечно
 Будет мамочка со мной,
 А она ушла внезапно
 Сегодня в мир иной.
 О,как я заблуждался
 В вечности всего
 И сейчас разочаровался
 От недоумия своего.
 Простите за наивность,
 Невежество моё
 Карающая беспечность
 За незнание своё.

Никто свою судьбу
 Заранее не знает
 И что написано на горбу
 Себе непредставляет.
 Всякий думает что сам
 Судьбоюуправляет.
 На самомделе же от драм

Его небесный ангел охраняет.
Этот ангел хранитель
У каждого свой
Как явный сожитель
В жизни земной.

Зачем мне к смерти торопиться,
зачем мне время подгонять-
сперва надо бы жениться
да детишек нарожать.
затем вырастить детишек,
научить их кой-чему,
потом внучат малышек
покатать на спинке самому.
и хорошо бы ещё праправнуков
увидеть в жизни наяву.
тогда без всяких уговоров
я дату смерти назову.

Застольене обходится
Безвоспоминания людей
С которыми пришлось расстаться
Из-за трагических вестей.
Этовизуально мы расстались,
А память воспоминания хранит
И как по ним истосковались,
Об этом наша встречаговорит.
Дорогие наши родители, друзья,
Вы не забыты в этом мире,
Вас помнит каждая семья
И передаёт любовь в эфире.

Где покоятсяостанки,
Идут люди на поклон
Пролитьсвои слезинки
На кладбищенский газон.
Придясусопшим повидаться,
Ведут задушевный разговор,
И после встречи попрощаться
Целуя фотовый их взор.
И так , всё время посещая
Ушедших в мир иной

Доносим весточки до рая
 О жизни нашей им земной.
 Начало каждой весны
 Начинается с чествования дивчины
 Их весь человеческий род
 Славит за будущий плод.
 Улыбка в этот день,
 Оказанная даме,
 Вылечит мигрень
 И вашей маме.
 Улыбка без цветов -
 То же есть внимание,
 Выражающая любовь
 И своё к ней преклонение.

Пока осень не заплачется
 Морозы не придут -
 Вот она
 и торопится
 Залить слезами пруд.
 Когда она полнит водоёмы,
 Даёт зимушке сигнал
 Приходи в мои хоромы
 И превращай воду в металл.
 Моя миссия окончена,
 Пора отдохнуть -
 Когда вселенная накормлена,
 Спокойно можно спать.

Отличается от скотства
 Любовью и благородством.
 Они даются понять -
 Начто внимание обращать.
 Подражать любви и благородству,
 А не градоустанавливать скотству -
 Благородство это доброта,
 А скотство - срамота.
 Созидает вечно доброта,
 А разрушает скотство.
 Где на разницу всегда
 Различать их свойства.

Гринфилд Ева

Девушке, которая спасает меня каждый день

Она заполняет твоими словами-иконами свой опустевший храм.
Священник сбежал в атеисты, узнав что же "в списке драм".
Она в пятиэтажке среди небоскребов учит твои стихи,
А ей завтра на первую пару был задан Блок.
... и это тоже обязательно втиснут в грехи.

На твои песни без музыки она пишет в миноре си.
Ждет, пока кто-нибудь уже сможет ее спасти.
А пока пропадают друзья в катастрофах любви,
И только попробуй что-нибудь им сказать.
...ну, ты это, давай, не реви.

Она обрывками твоих фраз лечится так, как будто бы все о ней.
Как будто встречались души на перекрестке из ста путей.
Как будто ты пишешь - плетешь шарф из ее груди,
Но только она не знает еще сама, шелк это или же драдедам.
... ты, пожалуйста, ей его подари.

Она читает все строки и закрывает глаза.
Казалось, в ней было все это, но не получалось сказать.
Она оставляет частичку тебя черной краской на своей коже.
И засыпает с мыслью, что все не зря.
... и очень мечтает стать на тебя похожей.

Между мной и тобой

Между мной и тобой - миллионы поломанных судеб.
Две-три галактики, что пока астрономам не снились.
Море, где ветер попутный никак не подует,
Звезды, что подобно тебе с зарей растворились.

Часовых поясов тьма, что свернулись в клубок от дрожи.
Кофе сотен и тысяч, что летят утренним рейсом.
Капли дождя, что слезами омыли прохожих.
И пустых безделушек, что плачут под грустные песни.

Между нами - вокзалы, что видели горечь разлуки.
 Окурки совсем молодых, что сжигают себя до пепла.
 Я - сумасшедшая. Мне так хочется вверх протянуть свои руки,
 Ведь к счастью мы с тобою живем
 Под одним небом.

Ни один охотник

Ни один охотник не гонится за лисицей, чтобы узнать, как ей такая жизнь.

Нет галочки над трофеем - ему без нее не спится.
 И так же не спится ей.
 Не спится. Пока каждый мечтает о золотистой шкуре.
 Или же, в крайнем случае, о дико ручном зверьке.
 Казалось бы, лежи на коленях, тянись к огрубевшей руке
 И вспоминай, что за стенами этой коморки твоя луна.
 Твои гонки с совами по кустам, от которых сочится кровь.
 Вой в небеса, и плевать что совсем не волк.
 Что никто этой ночью так же не одинок.
 Лишь где-то свистит Вихровой от своей тоски.
 Наверное, лучше рыжей, да на крючке.
 Или без усталости через клевера тучи в свою нору.
 Без грамма жалости к правде, о том, как же я живу.
 А может ты и захочешь
 О ней
 Узнать.

Марта Матвеева

Дух противоречия

«...и тогда он обнял меня и поцеловал прямо в губы».

Я закрыла книжку и начала самым сентиментальным образом вытирать слёзы. Рукой вытираю, а они всё текут и текут, как будто во мне находится небольшой резервуар с солёной водой, и именно сейчас он должен быть опустошён. Наконец поток иссяк, и я почувствовала, что тоже полностью опустошена.

Книга была так себе – во-первых, не слишком качественный перевод, во-вторых, имя автора мне ничего не говорило, в-третьих, её мне передал друг моей подруги со словами: «Розовый кисель из всех дырок! Верни Полинке и передай мерси...»

Такие слова мне лучше не говорить. Дух противоречия, живущий со мной в одной квартире уже четверть века, тут же подхватился и побежал:

– Ты мог бы вернуть книжку сам!

– Если бы мог, вернул бы...

– А что, вы до сих пор не помирились?

– Мы до сих пор, да. А если тебе нравится называть мою зависимость «мир», то нет, не помирились.

– Хм... Ты зависишь исключительно от себя, от своей обиды на пустом месте и от нежелания построить нормальные здоровые отношения с Полиной.

– Ты не сможешь передать книжку? Так и скажи! И, знаешь, меня не нужно направлять в ту сторону, которая тебе видится как единственная. Сторон света, если ты помнишь, четыре.

– Вот и иди на все четыре!

– Что?!? На четыре?!? А почему не на три?

Я засмеялась, понимая, что напряжённость в разговоре исчезла, и мы с другом моей подруги остаёмся «на связи».

Так попал ко мне переводной томик «розового киселя», а дух противоречия продолжил свою подленькую подпольную работу: я начала читать!

Собственно, моя спонтанность в подобных случаях была и моим жизненным кредо. Наверняка профессор психологии отметил бы, что в подобных случаях я находилась в плену когнитивных искажений. Вполне вероятно, их было много, но самым главным был дух. Дух противоречия. Он незыблемо стоял на страже моей свободы, которую я боялась потерять и судорожно сжимала, как кулачки, когда чувствовала своё полное бессилие.

Мама говорила: «Заходи в воду постепенно, не спеша – пусть тело привыкнет к более низкой температуре...» И я врывалась в водоём с максимально доступной мне скоростью, преодолевая напор воды, мамыны

крики за спиной и свой страх перед водной стихией, потому что впереди меня ждала свобода! Свобода никогда меня не подводила и не обманывала – она вибрировала во мне радостными волнами, и я выплёскивала её словами Хабанеры, упиваясь собственным голосом: «У любви, как у пташки крылья, её нельзя никак поймать, тщетны были бы все усилия, но крыльев ей нам не связать!» И точно знала: если я буду свободна, поймать меня не сможет никто!

Когда профессор имени другой науки говорил: «Деточка! Вот здесь... и здесь... – и его восковой палец с длинным, как будто специально заострённым для специфической процедуры ногтем проводил ровную линию под напечатанной строкой, – вам следует изменить порядок слов, что непременно повлечёт изменение смысла, которое в данном контексте нам и необходимо как воздух», – я мысленно показывала ему кукиш, а в реале, пока он был увлечён своей правотой, язык. И ничего не исправляла! Разумеется, мне ничего и не засчитывали, меня громили и давили, и я сдавалась, но сдавалась свободной и внутренне уверенной: меня не победили!

«Белые рубашки маркие, быстро пачкаются в районе ворота и рукавов, их нужно ежедневно стирать, отбеливать, они не для нашего промышленного города, а потому носить белые рубашки – нонсенс!» – говорила мне моя подруга Полина.

Наревевшись вволю, я умылась, надела белейшую рубашку и джинсы и отправилась к другу моей подруги, чтобы отдать ему книгу, которую должна была вернуть Полине.

Он вышел мне навстречу из гаража. Руки его были в солярке... ну, или в чём-то похожем на солярку, хотя я даже не представляю, как она выглядит. Одним словом, грязные были у друга моей подруги руки.

– Привет! Я тебе книгу принесла.

– Привет! Зачем?

– Верни её Полинке, да не будь Растяпой смурфиком – используй момент для примирения! Когда-то вам нужно помириться, ведь вы...

На этом месте я притормозила со своей пламенной речью наполовину свахи, наполовину строгой мамыши двух непутёвых детишек, потому что совершенно не представляла, в чём состоит это самое «ведь вы...». Притормозила и посмотрела в глаза друга моей подруги...

...и тогда он обнял меня и поцеловал прямо в губы.

Начало новой жизни

«Начинаю новую жизнь! Прямо с этого дня!» Была суббота, а нужен был понедельник, потому что новую жизнь по законам жанра следовало начинать с понедельника. Женька всегда следовала законам жанра, но на этот раз все происходило по-другому.

В спальне на единственном окне были жалюзи, но они не были плотными – с боков пробивалось яркое солнце. Женька давно проснулась, лежала, думала и не думала, вспоминала, прислушивалась к себе, потом все эти длинноты ей надоели, и она решила, что пора вставать и начинать новую жизнь. Сказано (хоть и про себя) – сделано! Дергая за веревочку, жалюзи она не подняла, зато веревочку оборвала. Это был знак, резко напомнивший о чтимом когда-то Пауло Коэльо и легким щелчком сказавший: с прежней жизнью пора рвать! Ох, как бы Женька расстроилась, если бы веревочка порвалась вчера... Она бы ни за что не сказала себе «С добрым утром!», а принялась названивать в фирму, где заказала полгода назад жалюзи (так! где там эта квитанция? – да, прошло полгода и пять дней, гарантийный срок истек, но ничего – она докажет, что это был их личный ляп!). А сегодня – это вам не вчера! Сегодня она пожелала себе доброго утра и пошлепала в ванную, напевая «Yesterday, all my troubles seemed so far away...».

Прошрое начало новой жизни совпало с плановым отключением горячей воды в прошлый же понедельник. Она привычно открыла кран с синей нашлапкой, но воды – даже холодной воды! – не было. Это был еще один знак. О, Пауло Коэльо, снова ты, мой дорогой бразильянец! Пробежав через коридорчик на кухню, Женька изумленно воззрилась на царивший там беспорядок: какая-то жуткая неряха, какая-то Федора жила здесь в обнимку со своим горем и до вчерашнего дня не мыла посуду! Недолго поискав, Женька обнаружила под столом чайник, а в нем – немного воды комнатной температуры. Вернувшись в ванную с чайником, она начала умываться точно так, как умываются обычно кошки и космонавты, когда живут в космическом корабле, на орбите, в невесомости. Вода там ценится, экономится, а свойства у нее совсем другие, чем на земле, где вовсю действуют силы притяжения. Женька капнула на ладошку, собранную ковшичком, каплю покрупнее и начала размазывать влагу по лицу. Вытираться не стала – чего там вытирать? – и, с приятным ощущением свежести на коже, снова отправилась на кухню.

Там она собрала все чашки, плошки и блюдца (набралось с десятка) в раковину, а две большие миски и кастрюлю из-под супа поставила рядом, чтобы были под рукой и, мысленно засучив рукава и напроць забыв, что воду отключили, открыла кран. Он какое-то время чихал и пыхтел, отплевывался и урчал и, в конце концов, когда Женька уже была готова заговорить вслух, выдал поток практически прозрачной и совершенно определенно теплой воды! Она тут же забыла о высохшей губке, которую собиралась щедро сдобрить

средством для мытья посуды, о вилках и ложках, лежащих в беспорядке на столе, о полотенце, раскинувшем по табуретке крылья вафельным новогодним петухом...

Она побежала в комнату, взяла телефон, набрала двузначный номер экстренной службы, куда следовало звонить в случае форс-мажора, и, услышав басовое «Экстренная служба слушает!», быстро сказала:

– С добрым утром! А я сегодня начала новую жизнь!

Двойница

Как назвать человека, мужчину, который очень или практически полностью напоминает, повторяет другого человека, долго объяснять никому не нужно. Двойник. Мне довелось встретиться с иным явлением. Или феноменом. Точнее, с иной... В общем, это была женщина. Двойница, – так я для себя её обозначила.

Потеряв однажды кого-то из знакомых, родных или близких, нужно пребывать в абсолютной уверенности и знать наверняка, что на планете Земля, такой зелёной, а из космоса – голубой, такой огромной, населённой, даже перенаселённой в некоторых местах, вы уже никогда с ушедшим не увидите. Почему? Объяснений здесь два. Первое. Вы точно знаете, что «оттуда» не возвращаются. И второе. Вы уверены: другого такого знакомого, родного или близкого человека вам больше не встретить. Из-за уникальности. Ну, нет такого второго, хоть кричи, хоть молчи! Его нет! Больше его нет! Всё! Вопрос закрыт! И снова спрашивать себя «почему?» не имеет никакого смысла.

Самое парадоксальное во всей этой объективной реальности то, что после ухода кого-то из знакомых, родных или близких, этот ушедший навсегда человек вам будет встречаться! Или мерещиться. Являться. Мелькать, преследовать и настигать. В мыслях, в снах, за окном, на людном переходе и в тишине музея, за столиком ближайшей кафешки и в толчее вокзального пространства... Наваждение! Вы будете жадно провожать глазами ускользающий силуэт, будете оглядываться ему вслед, пытаться поймать знакомый образ, и не однажды сделаете попытку не отпускать его, секундно и свято веря: вы обладаете сверхъестественными способностями, а потому у вас получится! Не отпустить. Остаться рядом... Подышать одним воздухом, посмотреть в одну сторону, восхититься одним пейзажем...

Она сидела в шезлонге и смотрела на море. Нисколько не удивившись, что встретила её здесь, я подошла. Мы разговорились. Она по-прежнему ласкалась к моему лицу взглядом серо-голубых глаз, как и раньше, улыбалась краешком губ и привычным для всех нас, знавших её, движением убирала за ушко прядь тёмно-рыжих вьющихся волос. Раскрыв друг другу с десяток женских секретов, мы решили поплавать. Она пошла впереди, и я обмерла: её бёдра по-прежнему смотрелись чуть шире, чем нужно, а ноги – немного короче, чем ей хотелось. Тем не менее, загорелая фигурка была стройной...

размер сорок четвёртый, не больше. Она худела неистово, а, похудев, приобретала сходство с любимой героиней американского сериала, которая знала о сексе всё и не боялась сказать об этом.

Мой друг, как и было условлено, ожидал меня в холле. Мы подошли, я представила новую знакомую. Он внимательно вгляделся в лицо женщины и, как будто ничего не случилось, поддержал разговор. Когда мы остались наедине, он, не скрывая изумления, воскликнул:

– Это же ...! – и он назвал имя моей подруги, которую прекрасно знал.

– Правда?!? Ты тоже обратил внимание на сходство?

– Обратил внимание?!? Да я полностью поверил в её присутствие! А кто она?

Мне очень хотелось сказать, что моя новая старая подруга, как и была, осталась художницей, что она продолжит писать мой портрет, который не успела когда-то закончить, и что через месяц она улетает на стажировку в Италию, а буквально на днях в известном издательстве выходит книжка моих стихов с её иллюстрациями...

– Она работает в местной парикмахерской. И я уже записалась к ней на стрижку и укладку...

Возврат

«То единственное, что хочется больше всего в жизни, как правило, нельзя купить за деньги» Мэрилин Монро

– Надо же так! Он настоящий! – Мэри повертела в руках человечка. Тот покосился на неё, смолчал, поэтому она спросила:

– А говорить он умеет?

Продавец пожал плечами:

– Это первая партия, нам завезли их буквально час назад, ещё даже в зал все коробочки не вынесли. Почитайте инструкцию – там всё должно быть...

– А цена? Они дорогие, наверное?

– Для вас... – он окинул её «фасад» риелторским взглядом, – мы сделаем скидку. Процента три. Устроит? И посмотрите цвет глаз повнимательнее. Обычно дамам вашего эээ... круга нравятся темноглазые, с поволокой...

Она машинально последовала его совету и, повернув человечка к себе лицом, взглянула ему в глаза...

– Нет. Этот голубоглазый.

– Не будете брать?

– Буду. Брать.

– Значит, я выписываю чек?

Она поставила человечка на прилавок и, прежде чем продавец сгрёб существо, чтобы завернуть в шуршащий дырчатый пакет, успела заметить, как тот виновато пожал плечами... «Действительно, – подумала Мэри, – разве он виноват в том, что его сделали голубоглазым, что именно его первым достали

из коробки и показали и в том, что он мне сразу понравился?» Она вспомнила мультик про Чебурашку и мысленно кивнула единственному зрителю в зале, который аплодировал прозорливости писателя Успенского, с чьей малой родины в ближайшую «Пятёрочку» регулярно завозили горчицу в баночках.

«Ой, а я горчицы куплю и сосисок! — с радостью подумала она, когда вышла из троллейбуса на своей «Садовая, дом 6», размахивая фирменным пакетом, — они обычно любят сосиски с горчицей...» Кто такие «они», было неважно. «Они» где-то всегда существовали, в каком-то другом измерении. «Они» ходили на премьеры фильмов; торопливо застёгивали молнии на платьях своих жён перед тем, как сесть в Maserati; «они» смотрели на метеорный поток Персеид в телескопы, выходя на громадные, как палубы, балконы, обутые в фирменные домашние туфли с задранными носами; «они» за два часа до надрывного звонка биржевого брокера узнавали, что акции «Мечела» на Московской бирже рухнули... И на ужин «они» обычно любили съесть пару сосисок с егорьевской горчицей. Да! И с зелёным горошком. Непременно той самой фирмы, звуки от названия которой так приятно перекачываются во рту, если немного, без педалирования, пожеманничать, стараясь совпасть с мужским идолом по имени Мэрилин на растиражированном фото: Bon-du-elle!

— Знаешь что?

— Что?

— Давай на «ты»?

— Мне трудно перейти с вами на «ты».

— Почему?

— Вы взрослая, задумчивая. Традиционная... «Ты» — это девчонка из соседней квартиры. Её тянет за собой на поводке Белый Бим Без Чёрного Уха, а она ещё упирается, дурёха. «Ты» — это худышка с синей ящеркой, несмываемо сидящей у неё на плече и готовой нырнуть в темноту причёски, когда она торопится на собеседование в крутую фирму. «Ты» ходит в кедах с шнурками фиолетового — на правом и красного цвета — на левом, купается в фонтанах и орёт как сумасшедшая «Fuck You!» вместо пристойного «Forget You», слушая See Lo Green... «Ты» не кормит мужчин сосисками из нитратов, нитритов, фосфатов, кошенили и каррагинана, пытаясь прикрыть эту химозу егорьевской горчицей и консервированным горошком...

— Значит, я — не «ты»?

— Нет. Не «ты»...

***

— Здравствуйте! Вы не могли бы у меня его... в общем, я решила вернуть товар.

— Не подошёл?

— Не подошёл. По цвету глаз. Нужно было темноглазого брать. С поволокой.

Камаева Люция

Звездочка

Известно, что козы – умные животные, поэтому отару овец водит старый козел. В подтверждение разумности коз я расскажу вам историю о козе по прозвищу Звездочка.

С наступлением теплых летних дней я с большим нетерпением ждала поездки в деревню к бабушке, потому что в деревне раздолье: можно пойти в лес за ягодами, на речку - искупаться, на луга - собирать душистые, красивые цветы, на болота - понаблюдать за дикими утками и еще много-много разных интересных занятий...

А во дворе у бабушки, можно сказать, находится настоящий птичник – пестрые куры с красивым важным петухом, утки с блестящими сине-зелеными перьями на крыльях, серые и белые гуси. Мы готовим им еду из отрубей, которую они быстро поедают. А вечером пастухи пригоняют с пастбища сытое стадо коров, овец, коз.

У моей бабушки была большая с длинным туловищем комолая коза. С нее бабушка специальными ножницами-секаторами состригала много пуха. Из пуха мама пряла пряжу и вязала мягкие, пушистые шали с ажурной каймой.

В то лето коза родила двух козлят. Когда козлята немного подросли, козу с ними стали выгонять в стадо.

Полуденное лежбище для деревенского стада располагается на мысе, поросшем лесом, где река Белая – Агидель круто поворачивает на 45 градусов. Это место жители окрестных сел называют «Тэп бахыр» (с башкирского и татарского языков - «несчастный утонул»). Обогнув «Тэп бахыр», Агидель несет прозрачные, чистые воды к отвесным скалам «Таш мурун» («Каменный нос»). Эти скалы – предгорья Уральских гор. Миновав скалы, Агидель спокойно течет по равнине.

В лесу «Тэп бахыра» растут высокие, вековые, дуплистые тополя в 3-4 обхвата – черные осокори, в подлеске – колючие кусты шиповника, бересклета, волчьих ягод, заросли ежевики. В дуплах старых тополей гнездятся летучие мыши, совы. То там, то здесь слышен стук дятла. Стволы некоторых тополей обожжены ударами молний. В тени тополей лежат коровы, жуют жвачку. А в зарослях кустарников прячутся от полуденного зноя овцы с барашками и козы с козлятами.

Был очень жаркий день. Бабушка, мама и я пили чай за самоваром в летней кухне. Вдруг набежала иссиня-черная туча. Стало тихо и небо вокруг потемнело. Началась гроза с раскатами грома, засверкали молнии, на землю стали падать крупные капли дождя, потом полил ливень. Внезапно раздался сильный, хлесткий грохот грома. Бабушка сказала: «Во что-то ударила молния в стороне «Тэп бахыра»».

Гроза миновала. Выглянуло солнце и озарило вокруг ярким светом. На листьях деревьев и траве засверкали капли дождя.

Вечером, как обычно, выходим с бабушкой за ворота и сидим на лавочке, ожидая стадо. С собой берем хлеб для овец и коз – мал эпэй. Я грызу вкусные корки овечьего хлеба. Слежу за ярко-малиновым диском солнца. Он, снижаясь, на небосводе становится все ярче, касается горизонта, потом уходит наполовину за него, и вот диск солнца скрывается за горизонтом, оставляя на небе розовую подсветку. Я сижу, прижавшись к бабушке. Болтаю ногами. Она мне говорит, чтобы я не болтала ногами, сидела спокойно. Спрашиваю у нее:

- Солнце садилось за деревом, виднеющимся вдали, а теперь - перед деревом. Почему?

Бабушка объясняет, что день становится короче и солнце проходит меньший путь по небосводу. А еще по закату солнца – цвету диска, облаков она предсказывает погоду на завтрашний день.

И вот в конце улицы появляется клубящаяся пыль. Возвращается стадо. В пыли виднеются рогатые головы коров, они приближаются и уже видны их туловища и ноги, следом идут овцы и козы.

Вернулись наша корова Марта с бычком, овцы с барашками. Не пришла комолая коза с козлятами. Начало смеркаться. Скотина разошлась по своим дворам. А нашей козы с козлятами все нет. Мы беспокоимся. Видим - идут пастух с сыном, на руках несут козлят. Направляются к нам. Пастух сообщает, что на яйляу, в место, где лежала мелкая скотина, во время грозы ударила молния. Погибли несколько овец и коз. Среди них и наша большая безрогая коза. Сказав эту печальную весть, передал нам козлят.

Козлята осиротели. Теперь в стадо рано утром они уходили одни. Козлик похож на маму – комолый, пушистый. С подбородка у него свисают кожные с округлостями утолщения – бусы. У козочки на голове есть острые рожки, белая звездочка на лбу и борода. Паслись они на пастбище рядом и вместе медленно, последними шли за стадом домой. А мы с бабушкой шли им навстречу и несли уставших козлят домой на руках. Я несла козлика, прижимала к себе, вдыхала терпкий запах его пушистой мягкой шерсти. Он вырос в крупного, красивого козла. Его называли Мишкой. Мишка вставал на задние ноги и шагал за дядей Каримом, чтобы достать хлеб с его высоко поднятой руки.

А козочка выросла в красивую молочную козу. Ее называли Звездочкой. Бабушка доила козу и давала мне пить поллитровую банку козьего молока, с легким полынным привкусом. Бабушка объясняла мне, что коза поедает соцветия, верхушки трав – «башак урып йори», то есть «пожинает колоски». Поэтому козье молоко целебнее коровьего. Еще она готовила из него кумыс. Кумыс называют в Башкирии богатырским напитком, он дает человеку силы, укрепляет здоровье. Его готовят чаще из кобыльего молока. Он кислый-прекислый и пенится, как шампанское. Бабушка наливала кумыс в стакан и я, жмурясь, выпивала его на одном дыхании.

В один из дней мама, я и бабушка в летней кухне пили вкусный чай с молоком со свежее испеченным хлебом и пышными лепешками – кабартма со сметаной и золотисто-янтарным медом. Бабушка сидит у самовара, разливает чай.

Послышался звук открывающихся ворот. К бабушке летом один за другим приезжали многочисленные родственники. Бабушка только успеет проводить одних, как встречает других. Она произнесла: «Гости входят».

Мы внимательно смотрим в окно в ожидании: «Кто же приехал?» И что видим – идет наша коза Звездочка. Она тихонько, бережно ступая, протопала в хлев. Мы заулыбались. Гостем оказалась Звездочка.

Примерно через час бабушка велела мне пойти посмотреть козу. Я зашла в хлев и в полумраке увидела рядом со Звездочкой двух кудрявых козлят. Одного она уже вылизала, а второго вылизывала.

Я выбежала из хлева во двор с радостным криком:

- Сююнче! (с башкирского и татарского - радуйтесь!) Коза родила двух козлят!

А бабушка знала, что коза пришла из стада домой родить, поэтому велела мне пойти к ней не сразу, а через час. Звездочка рогом поддела крючок, открыла ворота и последовала в хлев, чтобы дать жизнь козлятушкам в безопасном месте, дома.

Вот такая умная была наша Звездочка.

Лейла Августа

Кофе. Снег. Вагнер

- Кофе. Снег. Вагнер. Прекрасно, не правда ли?
- Довольно поэтично и расслабляюще.
- Ох, если бы существовал метод, способствующий освобождению от мыслей.
- От себя.
- Хотите сказать, что это невозможно? Благо, не верю. Как же музицирование, книги, беседы по душам?
- Дорогой вы мой друг, это просто иллюзия свободы. Ничто не перекроет ваши думы.
- А если с головой уйти во что-то?
- С головой? А чья она? Ваша? И что в ней? Случайно не те самые мысли, от которых хочется убежать?
- Вы слишком категоричны. Не преувеличивайте.

- Думаете, мы нужны миру?
- Думаю, мир необходим нам.

- Почему в такой прекрасный день нет ни единой души за окном?
- Возможно, все, как и мы, наслаждаются видом и не хотят портить эту замечательную идиллию.
- Получается, мы не нужны миру... Я думаю, люди не так отзывчивы и заботливы на этот счёт. Они работают. Трудятся, чтобы жить.
- Мы с вами знаем, что есть неимоверно маленькое количество по-настоящему живущих людей. Остальные, стремясь к этому, теряют эту самую возможность.
- Вы правы. Казалось бы, вот он ты. Вот она жизнь. Здесь и сейчас. Живи. Твори. Будь счастлив. Элементарно.
- Может все не так уж и просто, если никто не доходит до этой истины. Возможно, она спрятана слишком глубоко?
- Или же люди просто-напросто ослеплены.
- Что ж, давайте и мы снимем очки, чтобы не выделяться из толпы и не думать, что жизнь прекрасна.
- Конечно. Нет ничего проще.
- Вы о чем?
- Да все о том же. Мы боимся выделяться. Сливаемся и теряем себя.
- Вы правы, в мире 7,5 млрд человек и ни одной личности...

Абсолютное счастье

- Что такое жизнь?
- Вдох.
- А смерть?
- Выдох.
- Получается, жить - значит, дышать?
- Вдыхать, не выдыхаясь.
- Я не понимаю. Нет вдоха без выдоха.
- Так же как жизни без смерти.

***

- Что ты видишь?
- Море,
закат,
пустоту,
бесконечность.
- Закрой глаза.
- Что ты ощущаешь?
- Морской бриз, теплый песок, солнце.
- Сделай глубокий вдох.
- Что ты чувствуешь?
- Умиротворение, силу, предвкушение...
- А теперь выдохни.
- Свободу и ... счастье.

Я, кажется, понимаю. Абсолютное счастье наступает в финале?

- Не совсем. Люди привыкли считать, что абсолютного счастья, как такового, вообще не бывает. Для каждого существует свой порок счастья.

Порой человек, получая избыток нормы, сходит с ума.

- От счастья?
- От кислородного отравления.
- Ты снова сбиваешь меня. Причём тут избыток кислорода?
- Люди забывают выдыхать. Нельзя вечно дышать, бежать куда-то, боясь освободить свои лёгкие от вечного груза. Счастье - полноценный цикл жизни. Нельзя жить, вздрагивая при мысли о конце. Так теряется весь вкус счастья с нотками жизненных мгновений. Бежая за бессмертием, люди теряют

саму жизнь, переводя её в существование.

- Бежал всю жизнь, остановился оглянуться и осознал: "Куда бежал? Зачем? Не понятно".
- Именно так. Каждое действие должно приносить удовольствие. Счастье абсолютно.
- А жизнь прекрасна.
- Осознание жизни, её бесценности и конечности невероятны.

Наслаждение моментами без гонки за воображаемыми ценностями - залог абсолютного счастья.

- Ты кое-что забыл.
- Что же?
- Выдохнуть.
- А мы дышим?
- Друг мой, мы проходим целую Вселенную вдохов и выдохов. Наслаждайся.

В какой момент мир особеннопрекрасен?

- В какой момент мир особенно прекрасен?
- В 7 утра.
- Это связано с началом дня? Вроде жизни с чистого листа, предвещающей что-то хорошее?
- Скорее, из-за того, что в это время мир свободен. Не тронут. Он чист. Никто не успел его испортить. Все безумно легкое и в какой-то степени ...волшебное.

Знаешь, есть невероятное чувство, что стоит только пожелать о чем-либо, и все моментально сбудется. Одним словом, мир, действительно, прекрасен.

- Как ты думаешь, кто не спит в это время?
- Сумасшедшие? Или люди, страдающие бессонницей?
- Счастливчики. Животные и пару человек, которые просыпаются не ради каких-то дел или встреч, а просто так, без какой-либо нужды. Просто потому, что им так хорошо. Представляешь? Они как более разумная сверхраса людей, открывшие для себя смысл этой жизни.
- Так смысл жизни в том, чтобы просыпаться по утрам?
- И в этом тоже.

Сказка. Жизнь. Человек.

В одном царстве, далёком государстве жила-была девушка. Имелась у нее

некая черта характера: быть во всем первой и самой лучшей. Эта особенность

строила всю ее жизнь, делая лучше или хуже. По несчастью или к счастью, при таком раскладе всегда нужен человек-мотиватор, тот, кто кормит вдохновением, дает новые силы и всегда верит в тебя, чтобы ты не сделал. Для нашей героини вера была ценнее всего на

свете, потому что с верой приходит все...даже любовь.

И, соответственно, человек, вдохновляющий, был дороже воздуха для милой дамы.

Ей казалось, что она проживет без любви, общества, крепкого здоровья, друзей и семьи, еды и воды, и даже без кислорода, если у нее будет тот самый человек, который придаст сил для дальнейшей жизни.

К огромнейшему везению нашей героини, у нее было два таких прекрасных

создания: старый и мудрый Волшебник и Волшебная фея, которая всю жизнь

шла рука об руку с ним. Они являлись именно той силой, заставляющей жить нашу принцессу. Лишь с их безмолвного согласия она процветала. И никто кроме них не мог снять её корону (не поверите, мало кто хотел). Близкие, действительно близкие люди, даже не думали об этом. Вам интересно, почему?

Никто не знает её секрета, но эта дамочка всегда привлекала людей, собирая их вокруг себя словно магнит.

У нее была уникальная особенность - очаровывать абсолютно каждого. В этом её преимущество. В этом её проклятие.

Улыбчивый, счастливый, открытый ребёнок, готовый всегда прийти на помощь. Луч солнца, укутанный любовью окружающих.

Идеальный персонаж, не так ли?

Ошибка.

Самый трагичный герой. А в чем именно состоит трагичность: в жизни, испытаниях, характере, предпочтениях - сложно решить.

Катастрофа во всем.

Ужас в ней.

Она - ваш ад.

Она - ваш дьявол.

Злата Анишулис

Маруся

Ранним августовским утром 1908 года в зажиточной купеческой семье родилась девочка. Маленькая крохотулька, первенец! Отец любовно разглядывал маленький сверточек и ласково поглаживал рукой :

– наша Машенька, Мария Васильевна Головина, Милочка наша.

Мама смотрела на мужа и улыбалась, роды были тяжелые, но они с Машенькой выдержали все и

Девчушка росла не по годам развитой девочкой. Отец с матерью не могли ею налюбоваться. Так и росла помощница мамы и радость отца в любви и ласке. Повзрослев, девчушка ловко помогала матери по домашнему хозяйству, да была в няньках народившимся сестренкам.

Года пробегали годами, вот и 7 лет скоро, День рождения Машеньки. Порешили всем семейством выехать на луг, рядом с лесом, места то красивые – сибирские! Отец с братом матери собрались на охоту, а женщины в лес по ягоды. Мама осталась одна присматривать за совсем маленьким братцем Димочкой и всей ватагой ребятишек своих и родного брата Николая.

Ох и нарезвилась ребятня в тот день! Сколько хлеба было съедено с медом! Варенья наварили на зиму, осталось только мужчин с охоты дожидаться, да по домам.

Вот из леса показался отец, он нес на связке подстреленных гусей, ребятня засуетилась, побежала навстречу – всем было очень интересно что он несет. Машенька тоже бежала со всех ног, обгоняя младших. Вот и дядя Николай показался из леса, в одной руке он также держал связку дичи, а в другой нес ружье.

- Коленька много ли настрелял? - крикнула ему мама

- Да как до тебя. Ответил Николай и поднял руку с ружьем...

И в этот момент прозвучал выстрел... Выстрел, который перевернул жизнь всех – и отца, и самой Машеньки.

У Николая соскользнул палец, он не хотел этого. Нет! Не хотел убивать свою любимую сестренку.

Все замерли, казалось – прогремел взрыв, а не выстрел и .....тишина. Мамин живот покрылся багряной краской, она стоит, еще не опустив руки от приветствия Николая, сама еще не понимая всего, что с ней произошло. Тишину прорывают крики бегущих к маме женщин, детей, все пытаются уложить её в телегу, все бегут, кричат, плачут.

- Срочно, Срочно к доктору, все будет хорошо, потерпи милая ---почти кричали отец и брат Николай.

Лошади срываются в галоп, все бегут за телегой на которой молча лежит мама и истекает кровь. Ехать далеко, и все одним разом понимают – не успеть. Одна из женщин пытается дать ей недавно рожденного Димку:

- Ну покорми его, пожалуйста, хоть в последний раз.

Мама отводит их рукой и закрывает глаза, навсегда...

Больше уже никто не торопился никуда. Все молча, не проронив ни слова. Даже маленький Димка молча, не просил больше есть, как будто и он понимал, что у него сейчас не стало матери.

Дальше потекли тяжелые, полные горя и пустоты дни. Все делали какие то дела по хозяйству, молча ели, молча шли спать. После смерти матери как будто задули свечи, стало темно и больно.

Прошел год. Все чаще стали отцу поговаривать, что нельзя одному мужику находиться, да еще с таким количеством детворы. Пора себе новую хозяйку присматривать. Хватит горевать. Не вернуть из могилы человека, а жизнь она продолжается. Сосватали молодую и красивую, на загляденье всем соседям и родне, поженили.

Так появилась у Машеньки мачеха. Быстро освоилась новая хозяйка в купеческом доме, да и отца заставила по струнке ходить. Младших детей приласкает, приголубит, а Машеньке вся тяжелая работа по дому доставалась, ну невзлюбила она её и все тут. Как только девчушка не пыталась ей угодить – все было не так, больно уж на мать она была похожа, на первую жену Василия, которую ту любил и до сих пор забыть не мог. И все таки мачеха настояла на своем, в первые же месяцы, когда забеременела, стала настаивать, чтобы Машеньку отдали «влюди»- и ремеслу научиться, и подальше от дома будет. Так, что участь Марии была решена за один вечер. Как отец сказал, так тому и быть!

Так она оказалась в семье своих дальних родственников Надежды Михайловны и Тимофея Аркадьевича. Скучала Машенька по дому, по отцу, носталгировала, но подавать виду.

Жалела Машеньку Надежда Михайловна, старалась научить смышленную девочку всему, что умеет сама. Но вот настали тяжелые дни, началась гражданская война. Сколько народу жило в постоянном страхе за своих близких. В один из поздних вечеров Надежда Михайловна и Тимофей Аркадьевич очень долго о чем то долго разговаривали. А дети, тайком поглядывали на взрослых – чувствуя, что решается что то важное, касающееся и их жизни. Затем Надежда Михайловна достала все бумаги и разорвала их – это были документы, подтверждающие принадлежность их семьи к купеческому роду, боясь, что их могут просто за это расстрелять. Этим вечером вопрос с отъездом из России был решен. Так Машенька вместе с родственниками оказалась в Харбине.

Интересно было в этой стране все: начиная с обычаев местного населения и заканчивая их странной пищей. Но революция добралась в

конечном итоге и до Китая. Уже привычно упаковав чемоданы не раздумывая о будущем все бодро собрались к переезду на новое место – в Монголию.

Никогда еще Машенька, а теперь Мина, как ее звали в семье, не видела таких бескрайних степей и такого ясного безоблачного неба. А как красива была степь ранней весной! Она зацветала красивыми, ранее невиданными цветами – дикими пионами. Здесь она впервые увидела забавных животных с двумя горбами – верблюдов и огромные стада вечно пасущихся овец.

Не утихающая гражданская война постепенно стала добираться и до таких отдаленных мест, как Монголия. Русских, в немногочисленных монгольских поселениях было много, часть из них поддерживали прежний белогвардейский режим, другая часть откровенно была на стороне революционной России. Некоторые очень воинственно настроенные группировки совершали набеги на поселения и проводили свою маленькую революцию уже на территории этой далекой Монголии. Но как то Господь отводил все эти страхи от мирно живущей семьи Надежды Михайловны и Тимофея Аркадьевича, который напрочь забыл свое происхождение и лихо освоил кузнечное дело, что приносило неплохой доход в семью. О своих нарядах и украшения Надежда Михайловна дано забыла и ходила в шитом своими руками наряде. Здесь Мина и научилась швейному мастерству, мастерски на руках обрабатывая иголками низ платья, для местных модниц. Научилась красиво заплетать косички и уже прихорашивалась у зеркала, превращаясь из худого подростка в красивую девушку. Вечером все, уставшие за день члены семьи, улеглись спать. Столько было планов на завтра!

- Надо все успеть и встать засветло – подумала Маша и закрыла глаза.

Среди ночи послышался громкий топот копыт и страшные крики – и стар, и млад все выбегали на улицу. Люди, одетые в грязную и рваную белогвардейскую форму без разбора хватали всех мужчин – не взирая особо на возраст. Кто сопротивлялся рубили шашками, остальных связывали и вели к озеру. Женщины с детьми в ужасе кричали! Машенька в наспех одетом платье и босая выбежала во двор, где увидела, как с диким криком Надежда Михайловна цеплялась окровавленными руками за Тимофея Аркадьевича, которого жестоко стягали нагайками двое бородатых мужиков. Один из них отпихнул грязным сапогом Надежду Михайловну и повел окровавленного Тимофея Аркадьевича в сторону озера. Машенька обняла дрожащих от страха ребятшек и крепко прижал к себе. Вот и до них добралась страшная и ужасающая война!

Всех женщин и детей согнали в один сарай. У Маши слез уже не было – только пустота и ожидание смерти. Она понимала, что утром их тоже всех убьют, всех до одного. Она слышала, что эти люди никого и никогда не оставляли в живых – после их набегов оставалась одна выжженная земля – ни людей, ни скота, ни жилища. Но в рассказах это было далеко – где то там, в

другой жизни . Но это было сейчас и здесь . Ужаса не было, она только покрепче прижалась к Петеньке и Насте, обняла их и каждого поцеловала.

-Ах, как жалко не увидеть больше тех пионов! Не почувствовать их запах! –глупо пронеслось в голове. Сейчас в этот ужас она жалеет, что не увидит больше цветов?! Но больше мыслей никаких не было, мозг отказывался воспринимать реальную действительность.

Людей было так много, что сесть на пол практически было не возможно. Сколько времени простояли в сарае? Может час, а может 10 – ни кто не замечал времени.

Открыли дверь сарая, бородатый мужик громко приказал выходить всем во двор.Толпа ребятишек и женщин медленно потянулись к выходу. В воздухе пахло страхом и обреченностью. Маша с ребятишками и Надеждой Михайловной медленными шажками двигались к своей смерти...

Но вдруг что это?

Все бородатые и грязные мужики бегут в разные стороны, машут руками, в спешке падают, забыв про нас?! - пронеслось в голове у Машеньки.

Она подняла голову и увидела мужчин на конях – с развевающимся Красным знаменем, которые молча рубили бегущих нелюдей. Народ стоял в оцепенении. Никто не понимал, что им делать – то ли плакать, то ли радоваться.

- Женщины, вы свободны, расходитесь – крикнул молодой парень в кожаной куртке, спрыгивая с коня, и зачем то подмигнул Маше.

Поняв, что им больше ничего не угрожает, женщины бросились в сторону озера. Дети бежали следом. По озеру плавали мешки. Женщины доставали эти мешки баграми и, дрожащими руками развязывали их.Маша и Надежда Михайловна багром притянули ближний мешок, развязалии увидели тело Тимофея Аркадьевича со связанными сзади руками .

Дальше все было как во сне: похороны убитых, стон и плач по всему поселку и сборы к отъезду. Смысла оставаться здесь больше не было. Несколько семей собралисьбежать дальше, в Персию, подальше от этого ужаса. Главная цель была спасти детей и выжить любой ценой. Надежда Михайловна с детьми собралась в дорогу. Она была обязана спасти самое дорогое, оставшееся от Тимофея Аркадьевича – его детей. Как она просила Машу поехать с ними ! Приводила доводы, что ничего хорошего она в стране, так безжалостно убивающей своих людей, уже не увидит. Но Маша решила твердо – она будет возвращаться в Россию, к отцу. Все эти годы, живя в чужой семье, никогда не теряла она надежды, что снова вернется к любимому отцу, своим сестрам и маленькому брату Димочке.

- Какие они стали? Скучают, наверное, по мне, живы ли? – часто думала Маруся.

Сейчас эта мысль ей не давала покоя и никакие уговоры Надежды Михайловны, страшные рассказы о жизни в России не смогли её остановить. На том и расстались,

Маруся возвращалась домой...

Ну, вот и прощай Монголия!- думала Маруся, вдыхая полной грудью прохладный с горьким запахом полыни воздух бескрайней монгольской степи.

Сколько ей ехать в Россию – месяц, два или больше? Но грела душу только одна мысль – она едет домой, к отцу! Поэтому ни дальняя дорога через Китай, ни скорое приближение зимы её не останавливали.

Смаленьким чемоданчиком, да узелком продуктов на первое время она тряслась в телеге с попутчиками. Ехала всю дорогу молча, исполняя предостережение её тети - Надежды Михайловны: не рассказывать куда и с какой целью едет. Старый монгол был неразговорчив, может от природы, а может плохо знал русский язык, хотя за 5 лет жизни в Монголии Маруся вполне сносно общалась на их, монгольском языке. Впереди был Харбин, там она должна была найти семью, в которой они пять лет назад жили с Надеждой Михайловной и Тимофеем Аркадьевичем. Как надеялась её тетя, что там примут её Машеньку и позволят прожить у них до марта месяца.

В Харбине Маруся без особых усилий нашла семью, в которой они жили раньше, как там ей обрадовались! На просьбу прожить у них до марта, они не то, что расстроились, они вообще Машеньку отпускать не хотели.

- Засем Расея? Засем? мы тебя осень любим, живи позалуста, муза тебе найдем холосего – все время повторял старый китаец и старался подкладывать кусочек по больше за обедом, очень уж на его взгляд Мина была худой.

Как она была благодарна этой семье, которые, не смотря на то, что сами жили не богато, но с радостью делились с ней последним. Маша старалась помогать во всем хозяйке по дому. Она уже могла довольно сносно шить, поэтому принялась за свою любимую работу. Ах, если бы видели, как жена старого китайца плакала и хвасталась всем соседям новым платьем! Те собирались в стайки, цокали языками и поговаривали – «Ай холосо, холосо», разглядывая обновки.

Так и пролетели незаметно 4 месяца, вот уже и конец марта, пора собираться дальше в дорогу. Горе китайцев было не поддельным, как они упраскивали Машеньку остаться, плакали. Но, поняв, что девушку отговорить невозможно, стали собирать в дорогу. Провожать Машу до железнодорожной станции Аньда поехал старый китаец сам, не стал доверять русским попутчикам.

- Не все холосые, не все – повторял старый китаец, усаживаясь рядом с Машей в подводу.

Железнодорожная станция Аньда находилась на западной линии всего в 4 часах езды от Харбина. На самой станции на удивление было очень много русских – почти весь обслуживающий персонал от службы пути до товарной конторы. Пока ждали поезда, Маша успела обойти все помещение Желсоба, где увидела очень даже приличную библиотеку, но больше всего её удивило наличие большой сцены и рояля. Она даже успела сбежать в местную церковь и попасть на службу. Как прекрасно пел хор! Пел так, что уходить не хотелось –

по щекам девушки текли слезы. Она вспомнила всех и с кем рассталась и кого успела потерять навсегда.

При станции работала почтовая контора, в которой Маша написала иотправила письмо отцу в надежде, что оно придет быстрее, чем она доедетк родным. Может её встретят, если конечно с ними все хорошо и они живы, она очень надеялась на скорую встречу !

- Какие они стали? Ведь столько лет прошло. Как там Димочка ведь он был совсем крохотулькой, когда я уехала. -думала Маша.

Потянулись длинные дни в поездах, духота, полуголодные люди. В России встречали неприветливо, сказывалась вся тяжесть того времени, что происходила в стране. Нищета, злые люди и бесконечные попрошайки в поездах. Не раз вспоминала Маруся свою жизнь на чужбине – там все были намного добрее и приветливее. Впервые она столкнулась с таким отношением на ее Родине, здесь нужно было бояться всех и каждого. На первой же остановке у нее украли все продукты в мешочке, любовно собранные китайцем. Она оставалась голодной. Продавала по дороге свои вещи, чтобыкупить небольшой кусочек хлеба, но ее грела только одна мысль – она едет домой!

Вот и Новониколаевск! Бледная, еще больше исхудавшая после длинной дороги, Маруся стояла с чемоданчиком на перроне.Никто ее не встречал.На попутной машине Маша добралась до Быстрого Истока. Идя по улицам городка она с трудом узнавала места, где она бегала еще девчонкой. Все было знакомо и одновременно чужое. В их бывшем большом доме теперь продуктовый магазин, куда идти дальше? В лице идущего навстречу пожилого мужчины она с трудом узнала отца, как он состарился, совсем исхудал.

- Папа -неуверенно окликнула Маша его.

Мужчина остановился и стал пристально вглядываться в девушку.

- Папа, это я Маруся – почти шепотом сказалаМаруся и заплакала, не решаясь подойти поближе к мужчине. Она почему то каким то внутренним чутьем почувствовала, что её никто не ждал.

Отец подошел к Маше и молча взял чемоданчик. Так и пошли они вдвоем, не проронив ни слова по улице.Дойдя додома, он молча распахнул калитку и пропустил Машу вперед, кивком головы показав на дверь.

В большой комнате суетилась по хозяйству мачеха, увидевгостью она присела на лавку.

- Здравствуйте, это я Маша. Вот приехала к Вам – тихо сказала Маруся.

- Ну, раз приехала разувайся, только полы вымыла – сказала мачеха – кормить буду.

За большим столом собралась вся семья Головиных, отец, только выпив немного самогона, поставленного на стол по случаю приезда дочери, разговорился и рассказал, как они тяжело жили все это время, что Димочка

умер в возрасте 2 лет от тяжелой болезни, что у них народились дочки Люба и Галя, дасын Сережа.

Маша тоже пыталась рассказать, как она добиралась, что случилось с Тимофеем Аркадьевичем и почему она не поехала с Надеждой Михайловной в Персию, но ее никто не слушал. Она была чужая в этой семье. У них была своя жизнь, она в их планы не входила. Ни раз она потом вспоминала и Надежду Михайловну и старого китайца, которые сделали ей так много добра и отговаривали ее от этой поездки. Но она уже здесь – и надо как то жить дальше.

Уже утром отец Маше сказал, что она может пожить у них некоторое время, но должна устраивать свою жизнь сама.

- Взрослая ты уже, Маша, скоро 18, так что прости нас, но лишний рот нам только в тягость - сказал отец сурово.

Так Маша ушла жить к сестре отца, которая выделила ей маленькую комнатку, с условием, что она будет следить за порядком во всем доме, вместо оплаты за жилье, пока не найдет работу.

Горько плакала ночами. И за этим она ехала с другого края земли? Мысли о встрече с родными ее согревали в холодные ночи, она голодала неделями ради того, чтобы ее встретили как совсем чужого человека? Семейство отца жило хорошо, дом конечно был меньше, чем в котором они жили раньше, но тоже добротный с хорошей обстановкой, да и не голодали они вовсе. Неужели тарелки супа для нее пожалели? Она бы отработала. За что так то?

Но жалеть себя Маруся не умела. Работать и только работать, она должна научиться жить в этой, ставшей для нее чужой, стране.

Хорошо, что ее Надежда Михайловна научила такому прекрасному мастерству, которым всегда можно на кусок хлеба заработать. Так в ее маленькую комнатку потянулись заказчицы. У Маруси все получалось ладно, дабыстро. Слух о молоденькой швее-умелице быстро расползлись по Быстрому истоку.

В один из дней в дверь осторожно постучали – Маруся открыла дверь и обомлела! На пороге стоял высокий парень красавец. Парнишка пришел с отрезом ткани и просил сшить рубаху. Как трудно было с него снять мерки, пришлось вставать на стул. Маша, краснея и смущаясь, снимала мерки, а парнишка терпеливо ждал.

Боже, она влюбилась с первого взгляда! Теперь она думала только о нем, о Васеньке, как она его ласково называла. Она шила мужскую рубаху впервые, любовно обметывала и пришивала пуговицы. Завтра она увидит его, даже представляла, как он, примеряет шитую ею рубаху и будет носить.

Маруся не только чувствовала, она знала, что эта встреча изменила всю ее жизнь.

Это был её Васенька, её судьба и любовь на всю жизнь.

Точилина Наталья

История одного Пьеро

*В святом неистовстве поэт,
Напитком упиваясь лунным,
В восторге к небу обратил
Лицо, и жадно пьет, шатаясь,
Вино, что только взглядом пьют.
Альбер Жиро «Опьяненный луной»*

Глубоким зимним вечером в городском парке случилось вот что: По главной аллее, ярко освещенной желтыми, зелеными и лиловыми фонарями, метался нескладный долговязый персонаж. Он то беспрестанно вертел по сторонам головой, то начинал кружиться с невидимой партнершей в стремительном вальсе, то кидался в объятия одной из многочисленных статуй, являющих собой украшение парка, то вдруг заваливался в снежный сугроб и замирал там неподвижно. Лицо его, покрытое толстым слоем белил, отражая фонарный свет, казалось то желтым, то зеленым, то лиловым.

Поговорим же подробнее о чудаковатом персонаже. Впечатление нескладности создавалось не только из-за высокого роста и экзальтированного поведения, но также во многом, благодаря его костюму. Черное полупальтишко было явно велико в плечах. Узкие черные брючки, наоборот, чуть коротковаты. Полосатые черно-белые носки. Грубые ботинки на тяжелой подошве. Белая сорочка-балахон доходила почти до самых колен. Черная вязаная шапочка на голове. В довершение всего, шею обматывал полосатый, в цвет носок шарф такой невероятной длины, что, несмотря на то, что был обернут вокруг шеи раза на четыре или пять, края его все равно волочились по земле. К левой руке персонажа тонкой, но крепкой полупрозрачной леской был привязан чехол, в каких музыканты обыкновенно таскают свои инструменты. И если приглядеться внимательно, обрывки точно такой же лески можно было обнаружить на запястьях, локтях, плечах и даже на коленях. Ведь (теперь мы откроем этот секрет) наш герой был марионеткой.

Пьеро — так звали персонажа, всю свою кукольную жизнь прослужил в театре. Вернее, в совсем небольшом, крошечном, театрике. Там же, в театрике, был и его дом. Каждый день, отрепетировав все сцены, отыграв спектакль и выйдя несколько раз на поклон, он отправлялся в помещение, где хранились костюмы, и там затихал на вешалке, свесив голову вниз. Совсем близко, на соседней вешалке, вздыхала красотка и кокетка Коломбина:

- Ах, чудный вечер! Спать! Что за чушь?

Иногда нашему Пьеро удавалось принять такое положение, чтобы слегка касаться рукой подола платья или фарфорового локотка Коломбины. Кокетка ничего не замечала. Пьеро же, не в силах погрузиться в обычное забытье, не смея поменять неудобную позу, не смыкал глаз до самого утра.

Да, наш персонаж был влюблен! И конечно, у него был более удачливый соперник. — Таков закон жанра. — Ловкач и забияка Арлекин. Недаром в последнее время стоило Пьеро лишь чуть придвинуться к красотке Коломбине, как та начинала жаловаться на тесноту, так что несчастному влюбленному приходилось забиваться в самый дальний и пыльный угол шкафа.

Но нынче вечером наш кукольный артист смог так пристроиться на вешалке, чтобы кончиком мизинца задевать золотистый локон предмета своего вздыхания. — Ах, какой там сон! Что за сладкие грезы! — И вдруг - шорох. Коварный Арлекин! Шушуканье. Шуршание. Смешки. Хитрый паяц, помогая Коломбине высвободиться из опутывавшей ее лески, одновременно нашептывал ей на ушко разные словечки, подлаживался, сыпал комплименты, завлекал и соблазнял. Пьеро мог расслышать лишь обрывки фраз: «Блестящий лакированный авто... глоток «Veuve Clicquot»... Chanel... шелк и шифон, и бархат... миндальные орешки в белом шоколаде и шоколадной пудре... огромные светящиеся цветы, с громким хлопком распускающиеся прямо в небе...».

- Ах! Ах! — восторгалась Коломбина - Хочу!

Под конец они совсем забылись и так расшумелись, что Доктор даже всхрипнул, а Панталоне заворочался и что-то недовольно заворчал во сне. Когда же тайные любовники покинули шкаф, Пьеро в безумии оборвал сдерживавшие его лески, схватил первую попавшуюся под руку зимнюю одежку и бросился за ними в погоню.

За всю жизнь наш артист ни разу не покидал стен театра. Мастер-кукольник создал его в мастерской театра. Костюмеры сшили и облачили его в подходящий наряд. Гримеры наложили грим. Драматург написал пьесу, где Пьеро отводилась определенная роль. А режиссер поставил пьесу на сцене. Точно так же было и у других кукол. Лишь один Арлекин отличался от прочих персонажей. Он прибыл из волшебной Италии, упакованный в огромную коробку, обернутую пестрой шуршащей, пахнущей солнцем и солью бумагой. Среди марионеток ходили слухи, что его сотворил таинственный и гениальный итальянский маэстро. Сам Арлекин беспрестанно похвалялся своим происхождением, вставляя к месту и не к месту все новые истории из своей жизни в той далекой стране. Пьеро не знал, можно ли верить рассказам кривляки Арлекина, и существует ли на самом деле Италия? Иногда, после спектакля, перед тем, как впасть в забытье, нашего персонажа посещали тревожные мысли: откуда же берется в театре публика? И его воображению представлялось огромное множество пыльных шкафов, где безвольно свисают с вешалок куклы в костюмах зрителей.

Правда, несколько раз театрик выезжал на гастроли в другие города. Но в фургончике для перевозки марионеток имелось лишь одно маленькое окошко, место возле которого занимала капризная Коломбина. (Ведь иначе ее начинало укачивать!) И конечно же, рядом вился прилипала Арлекин. Пьеро же, как всегда, болтался где-то в углу, раскачиваясь и стучаясь головой о стенки при резких поворотах фургона.

После всего выше сказанного, стоит ли удивляться, что мир снаружи театра поразил Пьеро своим размером? Ошалелый, оглушенный многообразием звуков и красок, наш кукольный артист мгновенно потерял из виду тех, кого так яростно бросился догонять. Мотая во все стороны головой, стоял он посреди мостовой, а мимо куда-то спешили толпы людей, рыча моторами, гудя клаксонами и визжа тормозами, проносились на бешеной скорости автомобили с горящими глазами-фарами, мигали огнями витрины кафе и магазинов.

Крепко зажмурившись, закрыв уши руками, Пьеро кинулся прочь от театра и таким образом, чудом избежав гибели под колесами авто, он оказался в городском парке, где продолжил свои чудачества. Опьяненный свободой, вальсировал наш артист сам с собой на аллее парка. То вдруг, вспоминая ветреную изменницу Коломбину, бросался в объятия статуй, как бы желая тем самым вызвать ее ревность. Но гипсовые статуи надменно не замечали мятущегося у их ног персонажа. Тогда, сознавая всю бестолковость своих действий, Пьеро ложился на снег, пока новый приступ отчаянного куража не заставлял его вскакивать и начинать все сначала.

Наконец, уже порядком охладив свой пыл, Пьеро поднялся из сугроба. Налипший на шарф снег сыпался ему за шиворот и там таял, затекая ледяными каплями под ворот рубашки, но наш марионетка не замечал этого. Свернув на боковую тропинку, понурил плечи и погрузившись в свои мысли, он брел куда-то вглубь парка.

Итак, еле плетясь по тропинке, весь ушедший в себя, Пьеро совершенно не обратил внимания на взъерошенный колючий Куст, росший у самого края дорожки. Но к несчастью, того же самого нельзя было сказать о Кусте. (Кстати, это был Куст совершенно неизученного наукой вида, с длинными, загнутыми в виде крючков шипами, покрывающийся в летнее время мелкими бурыми, терпко пахнущими цветками, из которых вырастали по осени мелкие и кислые фиолетовые ягоды). Куст терпеть не мог прохожих, ведь они мешали ему расти, вечно задевали его, ломали ветки, обрывали листья. За это он мстил им: колос своими колючками и цеплялся за одежду.

Однажды за скверный характер Куст едва не поплатился жизнью. Вредный озеленитель парка чуть было не выкорчевал его из земли. Но тот всеми своими корнями вцепился в землю, в камни, в глину и даже в произрастающие поблизости деревья, так что озеленитель, пробившись безрезультатно весь день, в конце концов, плюнул на эту затею. После этого

случая Куст стал еще более коварным и злопамятным и уже не упускал случая как-нибудь подцепить своим «крючком» даже самого безобидного гуляку. Хулиганы-мальчишки, с которыми у Куста были особые счеты, дали ему прозвище «Обдирайка». Прозвище, как ни странно, пришлось Кусту по душе, и он даже втайне гордился им.

Однако в зимнее время мало кто из прохожих забредал в ту часть парка, где торчал из земли Обдирайка. Вот почему он так обрадовался, почувствовав приближение Пьеро. Всем известно, что у растений нет глаз (за исключением, разве что анютиных глазок) и они не могут видеть того, что происходит вокруг. Но зато у них прекрасно развиты органы осязания, ведь они чувствуют окружающий мир каждым лепесточком, каждой своей веточкой. Обдирайка ощутил присутствие рядом прохожего, и оставшиеся на нем с осени редкие скукоженные листочки задрожали от радостного предвкушения.

Ничего не подозревая о готовящемся на него нападении, кое-как переставляя свои непривычные к долгой ходьбе длинные ноги, наш персонаж медленно тащился по дорожке. Куст затаился и приготовился к нападению. И вот, когда Пьеро оказался в пределах досягаемости, он разом выбросил в его сторону все свои колючие шипастые ветки, крепко-накрепко вцепился в одежду, стараясь проникнуть сквозь нее и побольнее поранить неосторожного прохожего. Поскольку одежонка на нашем персонаже была довольно потасканная, то план Обдирайки вполне удался, и он сделал несколько глубоких царапин на нежной кукольной коже.

- Ах, остро и больно! – Вскрикнул Пьеро, очнувшись от грез.

Он попытался осторожно освободиться от шипов, прежде всего, чтобы не повредить растение. Ибо, будучи романтиком, Пьеро во всем видел живых существ. Но злобный Куст не собирался отступать так скоро, ведь схватка еще только началась. Он сильнее обхватил марионетку крепкими нижними сучьями, в то же время, стараясь сверху добраться до волос и до лица противника. Все еще не догадываясь о коварстве Куста, наш артист продолжал бережно отгибать вцепившиеся в него ветки. Но когда Обдирайка впился ему в ладони, да еще, дотянувшись самой тонкой и длинной иголкой, поранил губу, вот тут уж он осознал всю черноту души и вероломство Куста.

Словно разъяренный раненый тигр, атаковал он Куст, нещадно сминая и ломая ветки, обрывая остатки листьев и ягод и разбрасывая их по сторонам. Вооружившись чехлом для музыкального инструмента, продравшись в самую гущу, к основанию Куста, Пьеро стал трясти и раскачивать его в разные стороны. Да! Это было лучшее сражение, какое когда-либо происходило с Обдирайкой. Ему попался достойный соперник. Не какая-нибудь там кисейная (или кисельная? – второй вариант нравился Кусту больше) барышня. Наконец, почувствовав, что одержал победу, наш герой выбрался из порядком поредевших зарослей Куста. Однако, напоследок Обдирайка успела незаметно уцепиться за свисающий до земли конец шарфа. Из последних

остатков сил Пьеро тянул шарф на себя, но враг цепко держал его своими корявыми игольчатыми сучьями. Казалось, противостояние будет длиться бесконечно долго, но внезапно, когда нити шарфа были натянуты до предела, злобный Куст спрятал шипы, и наш персонаж, резко дернув на себя свой конец, потерял равновесие, шлепнулся в снег и кубарем покатился с откоса. (Ведь по другую сторону тропинки уходил вниз довольно крутой откос). При этом вязаная шапочка слетела с Пьеро, обнажив голову с торчащим в разные стороны ежиком волос и чуть оттопыренными ушами, и в виде трофея повисла на макушке Куста. Одержав таким подлейшим образом реванш, Обдирайка ехидно помахал ветками вслед катящемуся противнику.

Оказавшись внизу, горе-войка Пьеро полный решимости, попытался было тут же вскочить на ноги, чтобы с разбегу одолеть подъем и опять ринуться в бой, но поскользнулся на льду, вновь неуклюже шмякнулся, после чего уже окончательно потерял охоту воевать.

На дне оврага, куда столкнул его противный Куст, находилось небольшое овальное озерцо. И если бы сражение Обдирайки и Пьеро произошло в какое-нибудь более теплое время года, то последний вполне мог бы промокнуть и даже подхватить простуду. Но стояла зима, поверхность озера была покрыта прочным слоем гладкого, словно зеркало, льда, лишь кое-где исчерченного следами коньков, так как днем служила для храбрецов, отважившихся пройти мимо Обдирайки, прекрасным катком. В столь же поздний час озеро было пустынно и тускло поблескивало в свете одинокого фонаря. Присев на корточки, не зная, какие действия предпринять далее, Пьеро поплотнее запахнул на себе пальтишко, ибо, несмотря на то, что был марионеткой, начинал чувствовать холод. Затем он осмотрел свои израненные ладони и, поглядевшись в зеркало льда, обнаружил на губе капельку запекшийся крови.

- Как солоно, - прошептал наш персонаж, слизнув капельку языком. Кровь он тоже видел и чувствовал впервые. Репертуар театрика состоял в основном из буффонад и опереток, изредка разбавляемых слезливыми пьесками, в которых нет места крови. Но даже, вздумай режиссер поставить на сцене что-либо более драматическое, уж конечно, для этих целей использовалась бы бутафорская кровь, ведь в театре все ненастоящее.

И вот, в тот момент, когда наш артист склонился над своим отражением в ледяном зеркале, он вдруг увидел прекрасное лицо. Скорее, это был даже лик неземной красоты, излучающий мягкий и нежный свет.

- Ах! – Тихо вскрикнул Пьеро и прижал руки к груди в том месте, где у людей бывает сердце. – Ах! – Еще раз повторил он. Ибо ему почудилось, будто Обдирайка, дотянувшись своей узловатой корявой веткой, пронзил его иглой. Но, конечно, при всем своем злобном характере и коварстве, Обдирайка не мог сделать этого, так как он был всего лишь кустом. Это была любовь.

Образ ветреной актриски Коломбины мгновенно и без следа выветрился из памяти нашего персонажа. Разве мог кто-либо в целом мире

сравниться по красоте с той, чье отражение видел он в зеркале застывшего озера! Оторвавшись от отражения, Пьеро обратил лицо к темному небу, чтобы воочию увидеть ту, что пленила его. Глаза его расширились от восторга.

- Божественна. - Выдохнул он.

Высоко над головой персонажа сияла круглая полная Луна.

- Смертельно ранен! – Вскричал влюбленный герой и вновь схватился за грудь.

Стоит, пожалуй, объяснить, что коротенький ум марионеток устроен так, что в него вмещаются лишь тексты ролей. Вот почему вне сцены куклы обычно молчат, а если им приходит охота поболтать, то изъясняются они, как правило, вздохами да междометиями, иногда используя реплики и отдельные слова из заученных пьес и употребляя их, чаще всего, не совсем к месту. Нужно ли удивляться тому, что находясь в состоянии влюбленности, Пьеро стал выкрикивать совсем уж не подходящие к случаю слова:

- Безумно! Феерично! Симфония! – Воскликнул он, простирая руки к возлюбленной в надежде дотянуться до нее.

Но томная капризная и холодная Луна была слишком далека.

Не стоит осуждать Луну за то, что она совсем не обратила внимания на кукольного артиста. Она висела в небе так высоко, что наш марионетка казался ей совсем крошечным, едва различимым. К тому же, за те века, что Луна озаряла своим светом Землю, она лицезрела бесчисленное количество влюбленных безумцев. Великий Бетховен назвал ее именем сонату, изображал на своих полотнах Кунджи, посвящал стихи Бодлер, даже этот фантазер и выдумщик Верн сочинил о ней фантастический роман. Да мало ли их было? Мог ли произвести на нее впечатление жалкий мальчишка Пьеро? Напрасно он заламывал руки и выкрикивал бессвязные, полные тоски и любовного томления фразы. Его страдания могли разве что рассмешить бесчувственную красавицу.

Ах, как скучно было Луне! Как, в сущности, одиноко вечно висеть на небе! Порой ей хотелось перемолвиться с кем-нибудь словечком. Но пролетающие мимо кометы были так заняты, они вечно куда-то спешили, а глупышки-звезды болтали только о своих сверкающих нарядах, да еще ссорились и спорили между собой, выясняя, кто ярче блестит. Луна вставила в мундштук тоненькую сигаретку, закурила, и полупрозрачная туманная дымка обволокла ее, сделав еще более загадочной. Докурив сигаретку, Луна принялась наряжаться. Она то обертывала туманную дымку наподобие фантастического головного убора, то закрывала ею лицо, словно вуалью, то распускала за собой длинным шлейфом, то куталась, будто в дорогие меха. А там, внизу, несчастный трогательный влюбленный Пьеро не смел даже моргнуть, боясь пропустить какую-либо из чудесных метаморфоз.

Надо сказать, что, если поначалу Луна и не заметила нашего персонажа, то теперь время от времени посматривала в сторону озера и, как

бы случайно, скользила по нему взглядом, ведь ей, как и любой женщине, приятно было чужое восхищение.

- Стаккато! Бирюзовый! Тишина! – Продолжал нести сумбур и околесицу марионетка.

В состоянии любовной эйфории снова начал он вальсировать, но скользкий лед сыграл с героем злую шутку. На очередном туре, не сумев завернуть в нужный момент, Пьеро заехал лбом прямоком в фонарный столб. Огромная снежная шапка, нависшая на фонаре, осыпалась на голову персонажа. Приняв таким образом бодрящий снежный душ, Пьеро несколько пришел в себя и, обращаясь к Луне, проговорил вполне отчетливо и разумно:

- О, Прекрасноликая, как мечтал бы я оказаться в твоих объятиях!

Но к тому времени изменчивая Луна уже потеряла интерес к маленькому артисту и спряталась за облаком.

Как темно сделалось вокруг! Пьеро почудилось, будто он ослеп. Что жалкий свет фонаря? Разве мог он пробить ту пелену беспросветного, безнадежного мрака, которая в один миг окутала нашего героя? Черное, жгучее отчаяние охватило его.

- Покинула! Божественная! Пленен навеки! – Взывал персонаж.

Но Луна только зевала в ответ на горестные стенания Пьеро.

Наконец, обессилив, он затих.

- Какое облегчение. – Вздохнула Луна. - Однако, как недолго длилось его чувство. Отчего же переменчивой называют меня? Верно, встретил марионетку себе под стать.

Чтобы проверить свою догадку, она на секундочку выглянула из-за облака. Но едва только краешек ночного Светила показался в небе, как Пьеро вновь ожил. Желая хоть чуть приблизиться к недостижимой возлюбленной, вздумал он вскарабкаться на фонарный столб. И хотя не отличался ловкостью и проворством, тем не менее, затею свою с успехом осуществил. Восседая верхом на фонаре, словно сомнамбула, тянул он руки вверх, подвывая нечто невнятное и ритмично раскачиваясь всем телом. Разумеется, что в таком положении не смог он продолжительное время сохранять равновесие и кувыркком полетел вниз.

Звезды, давно уже наблюдавшие за нашим несчастным героем, не выдержав, начали перемигиваться и хихикать. В надежде позабавить таким образом и свою холодную возлюбленную, Пьеро опять взобрался на столб и повторил фокус с падением уже нарочно. Но Луна была слишком горда и манерна, она считала дурным вкусом смеяться столь примитивным шуткам. Ах, напрасно, согревая дыханием обмороженные пальцы, рисовал он на льду самые прекрасные розы, декламировал охрипшим голосом стишки и совершал другие романтические глупости. Чуть покачиваясь, по временам скрываясь за макушками деревьев, Луна плыла по небу, и не было ей дела до наивного марионетки Пьеро.

Тогда, выйдя, как на сцену, на самую середину озера, Пьеро бережно извлек из чехла свой музыкальный инструмент. Это оказалась старинная скрипка, с длинным грифом и завитком в виде дамской туфельки. Изящный корпус скрипки темно-вишневого цвета казался почти черным, и только тончайшие струны серебрились на нем. Так же бережно, как будто боялся случайно повредить хрупкий предмет, он положил инструмент на плечо, подкрутил колки и нежно провел по струнам смычком. Замер, прислушался, провел смычком еще раз и еще раз прислушался.

Перестали хихикать глупышки-звезды. Даже Луна обратила на персонажа свой надменный взор. Но скрипка молчала. И сколько бы Пьеро ни пытался извлечь из нее звуки, ничто не нарушало безмолвие зимнего парка. И в этом не было ничего удивительного. Ведь, несмотря на свою грацию и красоту, скрипка оставалась лишь искусной бутафорией.

- Тебе, небесная Богиня, посвящаю я эту музыку! – Провозгласил, кукольный артист, будто действительно был музыкантом, а слепленная из папье-маше игрушечная скрипка – настоящим инструментом.

- Хи-хи-хи! – Зазвенели звезды.

- Как скучно. – Вздохнула Луна.

Но марионетка не замечал ничего: Он гладил струны смычком, осторожно перебирал их, натягивал так, что они начинали дрожать от напряжения, рвал и пощипывал, как будто не догадываясь, что никто, кроме него и скрипки, не слышит музыки.

Начавшийся ни с того ни с сего ветер, поднимал с земли снежные хлопья и кружил, и развеивал их в разные стороны, осыпая Пьеро и дерзко бросая целыми пригоршнями ему в лицо. Прикрыв глаза, музыкант продолжал выводить на скрипке свою беззвучную мелодию. Кукольник, смастеривший нашего персонажа, наделил части его лица необычайной подвижностью для того, чтобы и без слов, одной только мимикой, мог он передавать зрителю свои настроения. И сейчас, в момент наивысшего творческого экстаза, брови его поднимались и опускались, губы дергались, ноздри трепетали. Миллионы оттенков чувств сменялись на его лице: и гнев, и боль, и восторг, и нежность, и удивление, и ревность, и отчаяние. Наверное, какой-нибудь поздний гуляка, доведись ему очутиться в этот час в парке и наблюдать данную картину, решил бы, что он оглох, так верил в свою игру сам артист.

Стоя по колено в наметенном ветром сугробе, Пьеро играл всю ночь. И даже из карманов его пальтишка вываливался набившийся туда снег. И вот, когда наступило утро, когда растаяли звезды, когда удалилась в свои покои бледная томная Луна, скрипач остановил свой смычок и открыл глаза. Одиноким фонарь давно потух, и все вокруг казалось блеклым и невзрачным в тусклом утреннем свете. Лицо Пьеро сморщилось в какую-то невероятную гримасу обиды и отчаяния.

- Резонанс! Где? Бестолково! – В волнении снова начал путать он слова.

Его возлюбленная ушла. Где-то там в своих далеких покоях, позабыв о наивном нелепом персонаже, быть может, готовилась она сейчас ко сну. А Пьеро, подаривший ей свою музыку и сердце, остался на земле. Но без музыки и без сердца, как известно, не может жить никто, даже марионетка.

- Ледяной! Больно! – Едва разлепляя губы, еле слышно проговорил он, пошатнулся, потешно всплеснул руками и, весь обмякнув, словно сделан был из одних лишь тряпиц, завалился в сугроб. Выражение его застывших глаз сделалось вдумчивым и глубоким, как будто в этот самый миг открылась ему великая и бесконечная тайна. И вот, уставясь в пустоту, пытался он познать ее смысл.

И тогда полилась мелодия. Была она тихой и плавной, надрывной и страстной, протяжной и тягучей, жгучей и пронзительной. И под звуки этой мелодии, презрев все космические законы, появилась Луна. Она стала опускаться все ниже и ниже, пока не оказалась совсем рядом с Пьеро. Коснувшись губами лба маленького артиста, она запечатлела на нем свой поцелуй.

Дрогнули и захлопали длинные кукольные ресницы. И, будто покрывшись румянцем смущения, чуть заалел лик холодной красавицы Луны. Но, возможно, то был всего лишь отблеск зари, ведь на земле начинался новый день. Пьеро обхватил руками свою возлюбленную, и вот, величественно и плавно Луна стала подниматься вверх. Покачивая, словно утешая или убаюкивая маленького марионетку, она возносила его за собой в небеса.

Когда Луна и кукольный артист проплывали над Обдирайкой, злобный Куст изловчился подцепить своей корявой веткой полосатый шарф Пьеро. И тот, соскользнув с шеи персонажа, обмотался вокруг Куста. Шарф да вязаная шапочка так и остались болтаться на Обдирайке всю зиму, удивляя редких, отваживавшихся пройти мимо него гуляк. Только весной озеленитель парка, облачившись в защитный костюм и вооружившись секатором, снял с Обдирайки порядком истлевшие «трофеи» и выбросил в ближайший мусорный контейнер.

Но наш персонаж больше не нуждался ни в шапочке, ни в шарфе. Потому что там, куда забрала его Луна, конечно же, не существовало ни холода, ни боли, ни волнений, ни тревог. Счастливый и умиротворенный нежился он в лучах своей возлюбленной. А Луна - она перестала скучать. Ведь теперь она не была одинока. Каждую ночь, как только там, на далекой земле, у небольшого овального озерца зажигался фонарь, влюбленный маленький кукольный артист брал в руки свою бутафорскую скрипочку. И иногда в тихую безветренную погоду можно было услышать, как струится откуда-то сверху волшебная музыка.

Что же касается театрлика, то он стоит на старом месте. Все так же служат в нем и Панталоне, и Доктор, и Коломбина, и Арлекин, радуя публику своими

незатейливыми шутками и каламбурами. Правда, за долгие годы они немного поистрепались. Костюмерам требуется чаще подлатывать костюмы, гримерам подновлять грим, а мастеру-кукольнику – ремонтировать скрытые внутри кукол механизмы. Да еще пришлось смастерить нового Пьеро. Новый Пьеро чуть простоват, не так хорошо запоминает роли, но зато он не такой взбалмошный, как прежний. Мастер доволен. Он знает, что этот персонаж не сбежит на Луну, а будет верно служить театрику до самой своей кукольной смерти.

Ольга Зоммер***Приобретайте то, что приносит вам счастье!***

Вчера мной овладело сильное желание приобрести себе наручные часы. Я давно присмотрела несколько вариантов в одном из небольших магазинов, которые располагались вблизи дома. Зайдя во внутрь, я подошла к витрине. Продавцов конечно не было. Увидев несколько девушек около кассы в красной форме, я попросила подойти одну из них. Ко мне приблизилась женщина небольшого роста, со светлыми волосами. Униформа была ей к лицу. И вот наступил процесс сравнения и оценки продаваемого товара. В это время между нами завязывается небольшой, но интересный разговор.

Она рассказала, что недавно приобрела красивую кружку на работу и ей приятно каждый день пить из нее.

До этого момента она пользовалась старенькой посудой и по этой причине немного расстраивалась. Она не хотела выделяться даже такой малостью на работе, переживала о том, что подумают другие. В большинстве случаев на работе стоит древняя посуда и мало кто покупает новую. Можно привести кучу таких жизненных примеров. Одна знакомая боялась купить новую кофточку в офис. Зная, что ее непременно обсудят со всех сторон. Другая ходила с одной и той же прической. Знакомый волновался из-за кожаного чемодана, другой из-за рубашки. Очень много таких случаев. Одно дело когда мы боимся, что подумают другие. И совсем другой случай, если нас обязывает положение, статус. Во втором примере мы обязаны соответствовать стандартам общества в котором крутимся. Сами туда попали вот и варимся там.

Первый случай происходит со всеми вне зависимости от положения. И я не исключение только есть одно большое но.

« Я приобретаю то, что мне нравится и приносит радость. И плевать мне на мнение окружающих. Я знаю свой вкус и как бы нахожусь в рамках допустимого. Учитывая кучу обстоятельств, возможно принять решение относительно той вещи которую приобретаешь себе в радость » - сказала я продавцу.

Да возможно это действия в каких-то возведенных кем-то широких рамках. Но в нашей реальности нужно умение приспосабливаться. И даже если это не наш мир, но мы в нем вынуждены существовать. Нам ни кто не может запретить делать себе маленькие радости. Ждать, что-то от кого-то очень глупый процесс, а ускорить процесс получения удовольствия, сто процентов в наших руках. Из-за стандартов и общества мы боимся выделиться. Многие прячут свое истинное я. Некоторые забиты до такой степени, что даже мелочь такая как поменять кружку. Вызывает целый негативный процесс мышления. А, что мешало просто поменять ее ?

Страх !- он препятствовал в первую очередь. Мысли не о себе и то, что ей было бы приятно в первую очередь. А о том, что другим сотрудникам это не понравится или они что-то скажу. Мысли о думках которые могли и не быть. Или возможно, кто-то бы сказал « А ты молодец давно пора выкинуть этот хлам» - но ни кто это не скажет.

Вам пить вкусно заваренный чай в обеденный перерыв из своей кружечки. И она вас будет радовать. Вам приятно будет брать ее в руки и причмокивая делать глоток за глотком. Вот о чем нужно было думать в первую очередь.

Для себя милых и любимых необходимо создавать комфорт. И радовать себя небольшими презентами. Зато сколько радости и эмоций возникают у взрослого человека. Глаза этой девушки загорелись когда она с детским восторгом рассказывала про удовольствие которое теперь испытывает. Я полностью ее поддержала и видела приятное удивление на ее лице. « Знаете мне нравятся мужские часы и я предпочитаю приобрести их и носить с радостью. Не думая о потусторонних мыслях окружающих меня людей. Мнений может быть множество и вкусы у всех разные. Это ни кому не нужно кроме меня. Зачем же получать излишний негатив от собственных придуманных мыслей » - примерив последний раз небольшие часики с черным циферблатом и кожаным ремешком. Я вынесла свой вердикт: « Возьму эти, они более аккуратно смотрятся на руке ».

Искренний разговор на общую тему дает понять, как мало надо для небольшого кусочка счастья. Которое мы сами можем себе предоставить. И это мои друзья не выдумка, а реальность.

Думайте больше о собственных маленьких желаниях и радуйте себя время от времени. Не стройте вокруг себя стены из накрученных дум. Не закрывайтесь в комнате своих страхов. Иначе жизнь пройдет мимо вас и серых будней окажется больше чем надо. Купите себе рубашку, сделайте новую прическу, сходите на массаж. Позвольте себе пустить луч света в вашу жизнь. Сначала один, а потом их станет больше и таким образом ваша жизнь станет светлее. И многое начнет меняться. Вам требуется минимум усилий для МАКСИМУМА ПОЛУЧЕНИЯ УДОВОЛЬСТВИЯ. В добрый путь дамы и господа.

Каждый утопает в собственном море своих мыслей

Каждый плетет свои узоры. Каждый утопает в собственном море своих мыслей. Многое нас не отпускает и многое держит на месте. Мы боимся сделать шаг на встречу новому и неизвестному.

Разные люди, непохожие судьбы. Кто-то идет вперед с улыбкой на лице, а кто-то со слезами медленно пробивается через собственные сомнения. Нормальный процесс мышления, в котором включается защитный механизм самосохранения. То, что известно так не напрягает как то, что мы не можем предположить.

Вот игра в лотерею или счастливый билетик купленный в неизвестную страну. Сохранять холодный разум и расчет необходимо. Не стоит, что-то предпринимать видясь на эмоции которые нас захватили или их нам кто-то подарил от своей широкой души.

«Чтоб ему пусто было» - произносим мы так как нам дали почувствовать дискомфорт.

И снова мы сталкиваемся со знакомым ощущением собственного страха. Страх неизведанного но в тоже время затягивающего и поглощающего всецело. И вот мы погружаемся полностью, а волны одна за одной накатывают на нас. Чаще люди предпочитают просто утонуть и остаться на месте, как показывает жизненный опыт. И немногие начинают борьбу с этой стихией, самое интересное когда мы подчиняем ее себе. И вот посмотрите мы уже не захлебываемся в болезненных и поедающих нас мыслях и сомнениях. Мы спокойно плывем и наслаждаемся процессом. Это происходит тогда, когда мы знаем решение или составили план действий. Рассчитали все возможные варианты падений и взлетов.

Необходимо понимать и учитывать, что можно получить не только победу. Но может случиться и проигрыш. Тут нет страховки, судьба как наркотик действует на всех по разному. Кого-то окрыляет и тот кайфует от жизни. А кого-то ломает и человек испытывает различную боль не только душевную, но и физическую.

В наш сумасшедший век необходимо учитывать множество элементов. Мы должны просчитывать шаги которые как устремятся вперед. Так могут и вести по замкнутому кругу, хуже когда они ведут обратно.

Мы просто люди и нам свойственно ошибаться, падать, тонуть, всплывать и наконец плыть по течению жизни. Как много нам предстоит пройти, нет горизонта и ограничений.

Я не могу спасти тех, кто уже увяз в болоте и скулит, ноет и считает, что жизнь не удалась. Многое зависит от нас самих! Держайте друзья, боритесь! Играйте в эту жесткую шахматную игру под названием «ЖИЗНЬ». На сколько это возможно стройте планы и думайте о результатах. Это касается всех сфер жизни. Работы, учебы, любви.

Не уничтожайте себя самоедством и бездельничеством. Не опускайте руки.
Только вы создаете свое будущее. Только вам в нем жить и прожить нужно счастливо!

Каждому свое

Каждому свое. Нас никто не ограничивает в наших действиях. Мы сами ставим себе границы и строим неприступные стены.

Кто сказал невозможно или нереально ? Кто может приостановить человека действия, а не пустых обещаний. Множество проблем от ожиданий. Буквально можно сказать постоянная ошибка большинства. Если действия идут в противоположную сторону со словами. Нужно сразу делать определенные выводы. Невозможно уберечься от пустозвонов. Но важно вовремя открыть глаза на реальность. Как бы это не было больно, необходимо признавать очевидные факты.

Ожидание. Иногда оно бывает затянутым или долгое из-за разного рода обстоятельств. Которые тянут ситуацию из одного русла в другое. Хорошо если все не зря и просто нужно время для решения проблем и человек согласен подождать. Каждый принимает свою позицию, кто-то идет на уступки для сохранения отношений. Другой наоборот возмущается и не соглашается тем самым мотивируя отказ.

Каждому свое. Реальность очень жесткая вещь. Жаль когда попадается доброе сердце вынужденное идти на уступки и ждать чего-то и от кого-то. Много обмана и лжи может быть вокруг. Ни кто не пощадит и не защитит от очередной боли или разрушения.

Эгоисты мыслящие о себе, но играющие важную роль в жизни. И дающие драгоценный опыт всем кто с ними связался.

Нас не принуждают любить или скакать на задних лапках. Каждый делает осознанный выбор.

Шедогубова Елена

Армейка

...Двое парней поднимались из неглубокого оврага, оставляя за спиной покрытую масксетью и густо закиданную ветками и полынью палатку, оставляя позади крики армян – замкомвзводов («быстрее, б*я, ночи холодные, а вы, суки, еще даже не притащили эти долбанные дрова, когда рубить будете?») и бурчание пока еще спокойного, но уже недовольного старшины. -Ну что, Диман, сегодня опять по бэтерам спать по очереди? – с довольной улыбкой проговорил парень, идущий впереди. Его китель даже под бронежилетом и разгрузкой висел мешком, а сверкающие дыры на штанах давно не штопали за отсутствием смысла.

– А то! Опять же, суки, выспаться не дадут после этого гребаного патруля! А чо, Серег, сегодня как, ужинаем? – уже с нескрываемым удовольствием продолжил разговор Дима, теребя непослушный ремешок своего шлема.

– Нуу, если эти свиньи у себя в кунге опять нажрут и заснут пораньше, я даже сам полезу! – на ходу, поправляя на плече автомат, проговорил Серега.

Так начиналась очередная ночь обычного наряда на общеармейских учениях в Российской армии двух пацанов-срочников. Когда очень хочется спать, есть, спать, а потом еще раз есть, в срочнике просыпаются-таки сверхъестественные способности – в один момент он может превратиться из обычного связиста в диверсанта, разведчика и спецназовца, а может быть, и все вместе. Особенно это касается добычи чего-нибудь вкусного даже в полях, даже на учениях, далеко от населенных пунктов, магазинов иродителей с огромными пакетами еды как домашней, так и покупной. Сначала снимается шлем вместе с кепкой, затем товарищу отдается «на хранение» свой автомат. Далее идет противогаз. Разгрузку тоже можно снять, дабы не мешала и не издавала шуршащих звуков, от которых господа контрактники могли проснуться. Ну, или элементарно услышать через приоткрытое окошко аппаратной. И последняя деталь – кепка возвращается на свое привычное место, только задом наперед, дабы не сужать обзор для себя и не прозевать растяжку антенны кунга в темноте.

-Спят?

-Тихо, ноут работает, один храпит, остальные хз. Опять бухали, небось, и где только водяру находят? Небось наш дорогой ротный подгоны делает.

-Ага, не подгонит еще нашему сержанту бутылку, а он его опять в кустах будет тихо наставлять на путь истинный!

Цель бойцов в эту ночь были сухие пайки, по-другому – армейский суточный ИРП, индивидуальный рацион питания. Помимо трех блюе в них были всякие вкусняшки – повидло, яблочное пюре и шоколад. Эти сухпайки были спрятаны за передним колесом связанного КАМАЗа, но добраться до них

можно было только в темное время и суток и состояния ниц доблестных контрактников.

Итак, все готово, сослуживец на фишке в кустах в обнимку со снаряжением друга. Даже нет плана побега или отступления – назад дороги нет, а ночь длинная и голодная.

Тихо, как мышь, подобраться к спуску в капонир, перешагнув через все растяжки (антенны, а не то, что вы подумали), не задев обрывки масксети. Как настоящий диверсант пройти вдоль борта КАМАЗа. Спуститься на четвереньки и подтянуть к себе длинные картонные коробки. Потянуть из нее закрытую, набитую едой коробку сухпайков. Прижать к груди и повторить весь путь в обратном порядке.

-Дим, где ты?

-Тут я, слева в окоп спускайся! Взял?

-Взял, взял! 7 рационов, гуляем сегодня... А кружку ты брал? Мы из чего чай с кофе пить-то будем?

-Да не ссы ты, взял. Все, давай одевайся и пошли уже, щас прапор или замок припрется еще нас на маршруте проверять, и пипец нам тогда.

Дойдя до колонны БТРов, двое парней очень долго стояли и всматривались в темноту – мало ли, не бежит ли какой очумелый старшина наперевес с фонариком, перегаром и жуткими амбициями научить своих бойцов в патруле основам тактического перемещения или матчасти? Но все спокойно. В ход идут таганок, спички и первое блюдо – тушенка говяжья. Если вы, господа, не пробовали армейскую тушенку - с голодухи, в патруле, стоя в полной выкладке возле безлюдной колонны БТРов - вы жизни не видели. Или не пробовали. Для кого как, в общем.

- Поели, теперь можно и поспать! – Дима, широко потянулся и чуть не задел прикладом автомата Серегину челюсть.

- Слышь, Вандам, блин, поаккуратнее! Можно, но недолго. Давай, пока я теплый еще после кофе, лезь первый, через час дерну. Там шлемофон возьми, под кукушку подложишь.

По правилам, установленным товарищем капитаном, два патрульных должны были ходить вокруг техники и вообще по полю всю ночь, без сна. И уже с утра, позавтракать и ложиться спать. По-армейски – отбиться. Но скажите мне, друзья, какой такой срочник выдержит всю ночь без сна, когда его никто не контролирует? Правильно, никакой.

Вот и сейчас, Дима лез в БТР спать свой «незаконный» час, а Серега в это время пошел на обход по маршруту. К слову сказать, был уже сентябрь, а в полях под Волгоградом, конкретнее – полигон «Прудбой», было уже не так чтобы тепло. И вот представьте: вы покушали, уже середина ночи, вся экипировка сама тянет вас прилечь. А холодно! Серега был парень неглупый, только вот в этот третий месяц службы голова и правда не очень работала. Конечно, когда «за тебя» думают, а времени на свое «подумать» нет, когда сил

в конце дня хватает только для того, чтобы закрыть глаза и выключиться, попробуй не отупеть. Это же самая что ни на есть суть нашей армии!

Попробовав полежать на наружном склоне капонира, Серега понял, что это не очень хорошая идея. Хоть китель, бронежилет и разгрузка немного грели, задница все равно мерзла. Пришлось несколько раз сходить в соседний капонир, из которого БТР уже выгнали, набрать копну полыни и постелить себе что-то вроде лежанки. Да еще и укрыться сверху ей же.

«А что, неплохо! Осталось всего каких-то 40 минут, и пойду спать, отлично наряд проходит!» - подумал Серега, разгрызая очередную галетку из сухпайка...

...Когда Серега проснулся и посмотрел на время, степень его охреневания не поддавалась бы измерению. Прошло 3 часа, на востоке горизонт уже окрашивался в светлые тона рассвета. «Нам пипец, если хоть кто-нибудь нас долго не видел сегодня...» - с тоской всех срочников страны подумал Серега.

Накинув на плечо ремень автомата и поправив шлем, боец аккуратно приподнял голову над капониром – нет ли знакомых ефрейторских рож, или того хуже, одной капитанской. Но все чисто, значит, нужно бежать будить Дмитрия, который, наверно, уже даже не десятый, а сто пятидесятый сладкий сон досматривал. Открыв дверь БТРа и узрев лежащие друг на друге армейские берцы, Серега ткнул по ним прикладом автомата. И еще раз. - А, ЧЕ? ГДЕ??? Ааа, хоспади, это ты, Серег... Че, уже час прошел что ль? - Ага, час... А три не хотел?! Давай высаживайся быстрее, пошли хоть остальной час походим по маршруту, хоть вид сделаем

...Два бойца возвращались в лагерь. Утреннее солнце высветило на краю обрыва их силуэты, а снизу их ждала смена из практически таких же двух срочников. Уставших, не выспавшихся и унылых. Только вот им предстоит гулять целый день под палящим солнцем, не спать и получать люлей от проснувшихся с похмельем радистов-контрактников и такого же старшины... А у ночных патрульных по распорядку дня был завтрак и обещанный командиром роты сон до четырех часов дня...

Два Егора

На пороге вокзального отделения милиции стоял высокий плечистый парень в выцветшем камуфляже. Руки он глубоко засунул в карманы, по небритым щекам двигались желваки, губы были плотно сжаты. Разговор с лейтенантом милиции ничем хорошим не закончился.

-Ты ж сам во всем виноват, как там тебя? Егор Летягин. Не надо было с незнакомым попутчиком за жизнь беседы вести и водку жрать. Вот и остался без денег и паспорта. Комиссовали тебя живого и почти здорового из той Чечни, так и беги без оглядки до дому в свой Челябинск. А ты... Где я твоего обидчика искать буду? Ну сам посуди, он уж небось в другом поезде такого же лох апасет.

Егор присел на побеленный газонный бордюр, по армейской привычке произвел ревизию своего имущества: три сигареты, триста рублей денег, паспорта нет. Хорошо хоть военик остался, сунул его в дальний внутренний карман. «Попутчик» (мать его!) не добрался, когда попил и сонного обчистил. Голова болела, в глазах мутилось, хотелось есть. Егор поднялся и пошел к привокзальным ларькам, выбрал самый дешевый пирожок, жадно съел его на ходу. Темноволосый смуглый хозяин за что-то разносил продавщицу, четко выговаривая по-русски только матерщину. Егор остановился рядом.

-Ты че чиво нада? Иди ат суда.

-Хозяин, у тебя работа найдется? Все могу делать... меня обокрали... и документы, и деньги, - сбивчиво стал объяснять Егор.

-Иди-иди. Уже есть иван, больше на нада...

Из-за ларька выглянул бомжеватого вида мужик с метлой в грязной, засаленной тельняшке. Мрачно взглянул на нежданного конкурента и снова исчез за углом. Вечерело. Начал накрапывать мелкий, нудный дождь. Надо было искать какой-нибудь ночлег, но он понимал, что в зал ожидания его не пустят. А надо же было попытаться как-то еще и заработать. Около ларька, скрипнув тормозами, остановился навороченный джип размером с небольшой автобус. Водитель крутой тачки был живой иллюстрацией анекдотов о новых русских: «златая цепь на дубе том», чудовищно огромный крест на бычьей шее, бритая голова, накачанный торс...

-Чё, Ахмед, каки дела? – обратился он к хозяину ларька.

Только что важный и спесивый Ахмед покорно завил хвостом, приветствуя крышу, согнулся в угодливом полупоклоне, провожая дорогого гостя в закуток при ларьке. Через несколько минут бритый вышел и, направляясь к машине, наткнулся на Летягина, коротко матюкнулся, при этом его взгляд упал на ордена Егора.

-Эй, парень, скока за эти цацки хочешь?

Егор растерялся.

-Дая ...это...

-Держи «косарь». Хватит?

Егор мялся, не зная, что сказать. Бритый потянулся на градам.

-Слышь, хозяин. Ты железки-то наши не тронь. Не надо. Они кровью умыты.

Между Егором и «крышей» вклинился тот самый полубомж в тельняшке, как-то уж очень опасно перехватив метлу наперевес.

-Лады, Афган, лады. Ты тока не психуй, как тогда...

И бритый, пытаясь сохранить величие хозяина жизни, неожиданнорезвоюркнул в джип.

-Меня тут Афганом кличут. Пошли, браток, – хмуро буркнул бомж, аккуратно пристраивая метлу в закутке между ларьками. Оттуда, радостно виляя хвостом, выползла маленькая остромордая дворняжка и по-собачьи заулыбалась хозяину. Они долго тащились подусиливающимся дождем мимо платформ, станционных строений, складов, пока не дошли до облупившейся будки с дощатой дверью.

-Вот идворец мой. Заходи, Браток, да и ты гость залетный... Какзовут-то тебя?

-Егор.

-Ну заходи, раз Егор.

Дворняжка Браток резво шмыгнула в будку. Летягин немногопотоптался на пороге, а потом решительно шагнул завладельцем «дворца». Помещение крохотное, безокон, ноздесьбыло сухо, и надголовной крыша. Афган привычно и сноровистозастелил хромоногую табуретку газетой, водрузил бутылку, поставил кастрюлю с холодной картошкой в мундире, соль. Протер грязным пальцем два граненых стакана, забулькал мутной влагой...

-Ну, давай, воин. За то, чтоб...

Егор помедлил еще секунду, вспомнив своего вагонного попутчика-собутельника, и мысленно махнул рукой: «Да пошло оно все! Что с меня теперь взять?». Пыльная лампочка тускло освещала накрытый газетой «стол» с угощением, свернувшегося в клубок Братка и двух выброшенных из жизни людей, которым было о чем поговорить...

-Было это году в 84. Наша часть охраняла от талибов дорогу на Кабул. Я к тому времени с женой уже развелся. Ей надоело меня ждать из бесконечных военных командировок, нашла себе солидного мужчичку. В половину меня ростом, зато с автомастерской. Считаю, стабильный доход, не то, что я. Детей у нас не было: она не хотела. Так что развод прошел мирно.

А у меня в санчасти тоже ушедшая женщина была, Аннушка. Такая вся теплая, домовитая, в белом халатике и косынке, а чувствую себя с ней, как на кухне за вечерним чаем. Что-то у нее тоже не срослось в семье, так и грели друг друга два одиночества. Особенно близко сошлись, когда меня ранило и контузило. В санчасти-то я отлежался, а документы на комиссование все не

приходили, поэтому и ходил, как все, в патрулирование, зачистки. В ушах позванивает, иногда туман серой пеленой в голову наплывает, но жить можно...

Это я тебе так издалекаведу историю, чтоб понятно было. Ужеглубокой осенью зачищалимы один аул, в котором по сведениям разведки засели талибы. Сопротивлялись духи как всегдаотчаянно, ноих было мало, поэтому и возились мы с ними недолго. Шли от дома к дому, проверялись: все чисто. И вдруг... Не то ветер в трубе завыл, не то собака заскулила, не точеловек голос подал. Я так осторожненько за угол завернул, а тамвход в подвал. Очень мне не хотелось лезть в ту черную дыру, ностали с напарником спускаться. Зажглифонарики, чтоб на растяжку не нарваться, светим ими в сторону от себя и увидели, как мелькнуло в полосе светалицо. Еще раз осветили с двухфонарей, а там... Пацаненок летдесяти, грязное лицо ручонками закрыл и сквозь растопыренные пальцы на нас смотрит. А волосики у него светлые и глаза голубые. Вотуж поистине – чудо! В афганском-то ауле – европейский ребенок. А он смотрел-смотрел да как закричит: «Дяденьки, не бейте, не надо!». Тут я чуть автомат не выронил. Русский! Шепчу ему: «Тихо, сынок, тихо», а сам подхватилего под мышку и бегом наверх.Напарника тоже лицом перекосило, но прикрывать не забывает. Побежали с ним к нашему БТР, малец даже не мявкнул, кодая его внутрь забросил.У ребят тоже челюсти поотвалились, как его увидели. А мальчишка от страха весь обмяк, мне в плечо уткнулся и затих. Только слышу, как под рукой сердце его часто-часто колотится, как у воробышка.

Когда вернулись в часть, доложили по команде все, как было. Врач из санчасти пришла,осмотрела мальчишку, расспросила осторожно, кто и какпопал к духам. Но помнил он осебе мало:звать Алешкой, лет, наверное, 10, ехали куда-то домой с мамой, потом их поймали «бородатые», увезли в горы, больше он мать не видел, в ауле томживетдавно, даже на их языкенемногопонимает-говорит. Плачет негромко, а потом спрашивает: «А вы меня не убьете?». Забрали его в санчасть, а там изголодавшиеся по детяммедички да санитарки его отмыли, накормили, отогрели.

Пришел я в очередной раз за своими таблетками (как будто можнотаблетками контузию от разорвавшейся мины залечить!), а в палатке за занавесочкойсидит мойспасеныш в новых, сшитых медичками штанишках и рубашечке белой. Тоже, видно, из халата перешитой. Меня увидел – как кинулся на шею и кричит: «Папа! Папа!». Все кругом в слезы, начмед – суровый мужик, до пятокпроспиртованный, - губы дрожащие кусает, медсестры не стесняясь в голос ревут. А я, как дурак, стою с ребенком, на шее повисшем, и молчу, толькокрепче его к себе прижимаю.

Он к Аннеобернулся и кричит «Мама, я же тебе говорил, что папка скоро придет!». Военврач слезы вытерла и говорит: «Воробышек все эти дни так и твердил, что за ним папка придет, а Анну почему-то сразу мамой «назначил», хотя мы все с ним от души возились...». И тут я понял, что в однуминуту стал и

отцом, и мужем. Ну, значит, так тому и быть. Назавтра вызвали меня к комполка. Положил ему рапорт о происшедшем в ауле на стол, а он вздохнул и говорит: «Знаю, что у тебя на уме. Понял, что хочешь Воробышка усыновить. Нелегкое это дело и долгое. Мы его сейчас отправим в Кабул санитарной колонной, а оттуда уже в Союз, в детдом, там будут его родню искать. Может, кого из наших советских спецов семья так пропала. Ты еще один рапорт на комиссование пиши... Начмед тоже уже все документы на тебя приготовил. А дальше – как сам знаешь». Не рассказать, как я с Алешкой-Воробышком прощался. Одно меня утешало, что ехал он вместе с Анной – она санитарную колонну сопровождала.

Под утро нас подняли по тревоге, мы запрыгнули на БТРы и поехали в сторону Кабула. Майор злой, глаза прячет, парни какие-то не в себе. Часа через два встречным ветром потянуло каким-то смрадом. Чем дальше, тем хуже – дышать нечем. А за поворотом дороги в скальном ущелье нам такое открылось! Что там сказки про ад...

Духи применили свою обычную тактику засады: из гранатомета подбили первую и последнюю машину колонны. Санитарной колонны, которая везла тяжелораненных, и на каждой был большой красный крест. А потом они методично уничтожили оставшиеся машины из ПЗРК и гранатометов. Тел вокруг машин было немного – взвод охраны с перерезанными горлами и выколотыми глазами, видимо, оставшиеся в живых отчаянно защищались. А вот санитарные машины... Он бродил от одной к другой, задыхался от смрада сгоревших тел и гари, пытаясь отыскать Анну и Воробышка. В третьей машине с хвоста колонны он увидел обуглившийся труп женщины, из-под которого торчали маленькие черные кости ног. Медсестра безуспешно пыталась защитить ребенка, закрытого своим телом от огня. Трашный багровый пузырь невыносимой боли взорвался у него в голове, заставив забыть от горя и отчаяния. Он повалился на бурую каменистую дорогу и забился в припадке.

Белый потолок госпиталя... Капельницы, уколы, таблетки, осмотры. Сочувственный взгляд врача, подписывавшего документы. Равнодушный зев писаря:

-Тут подпишись. И тут. За орден тоже распишись. Книжку свою инвалидскую не забудь.

Возвращаться было некуда. Их общую квартиру бывшая жена каким-то образом ухитрилась продать – были нужны деньги на развитие малого бизнеса нового мужа.

Пришел я в военкомат, показываю все документы инспекторше, а она на меня глазки подкрашенные вскинула и холодно так говорит:

-Ну, и что вы от нас-то хотите? Ничем помочь не могу, у нас не богадельня какая-нибудь.

Тут я начал высказываться на природном русском языке. Мол, когда на смерть посылать, это вы помочь можете, а теперь... А дамочка мне на дверь указала:

-Ступай себе, солдатик, по-хорошему, пока милицию не вызвала. Это не наша война, и я тебя никуда не посылала...

Вот уже который год здесь на вокзале иошиваюсь. У Ахмеда-ларечника пиво-воду-сигареты разгружаю, бутылки собираю, мусор подметаю. Живу, значит... Ладно, спать давай.

Афган разбудил Егора чуть свет.

-Иди к Ахмеду. Скажи, что Афган прислал. Сегодня за меня поработаешь, а я тут по делам смоताюсь.

Натянул на медвежьих плечистую тельняшку, пятерней причесал лохматую голову, погрозил пальцем Братку.

-Смотри, головой отвечаешь!

Песрадостно застучал пушистым хвостом по грязному полу: «Все будет ОК, хозяин!». Как ни странно, Ахмед не возражал против замены одного «ивана» на другого. Похоже, он побаивался своего строптивого работничка. Дополудня Егор убирал мусор, таскал ящики, складывал бутылки под чутким руководством Братка, с которым по-братски поделился холодным пирожком. Пирожок дала добрая продавщица Галка, которой Летягин помогал выгружать тяжеленные ящики с пивом и водой.

-Эй, парень!

Егор оглянулся. У ларька стоял человек средних лет в кожаной куртке и линялых джинсах.

-Вы мне?

-Тебе. Я от Афгана. Документы покажешь? – Острый взгляд незнакомца оценивал Летягина.

-Да у меня только военник..

-Покажи.

Мужчина внимательно просмотрел документ и начал стремительно сыпать вопросами: Кто командир полка? Фамилия, звание? Начальник штаба? Ротный? Где дислоцировались?

Егор от такого неожиданного и напористого допроса вначале даже растерялся. Откуда-то из-за ларька подошел Афган.

-Ну что, Петрович. Все показания снял? Поможешь парню? Ведь пропадет...

Петрович молча сунул военный билет Егора себе в карман и неровной прыгающей походкой пошел к вокзалу.

-Здесь жди. А я сейчас, - буркнул Афган, одновременно отмахиваясь от возмущенно брызгающего слюной Ахмеда.

-Ты не шурши, хозяин. Все сделаю.

Егор Летягин стоял на перроне, крепко зажав в руке билет и деньги. Он ждал Афгана. Наконец тот показался в дверях вокзала, добежал до Егора, сунул ему в руки небольшую спортивную сумку.

- Там Галка-продащица тебе пирожков положила и бутербродов на дорогу. А это от Ахмеда – сигареты, три пачки. А это от меня и от Петровича, - и подал Егору настоящие «командирские» часы.

- Спасибо, Афган, спасибо. А кто этот Петрович? Дед Мороз, что ли?

- Вроде того. Председатель союза воинов-афганцев, безногий он. Там, в Баграменогии и оставил. А теперь нашим бывшим помогает...

Проводница заторопила пассажиров, загоняя их в вагон. Неловко пожали друг другу руки, и Летягин поднялся в вагон, пошел по проходу, не выпуская из виду лохматую шевелюру Афгана. Потом, вспомнив что-то важное, бросился назад в тамбур. Поезд уже начал набирать ход, Проводница собралась закрывать дверь, но Егор рванул ее и, свесившись на поручнях, заорал:

- Афган, а как тебя зовут-то? Как зовут?

- ЕГООООР! Егором меня зовут!

Лесана Зеленовская

Место, где живут духи

Человек сидел на краю глубокого обрыва и пристально смотрел вдаль. Там, вдали, подножиями вырастая из лесистой долины и покрывая собой большое пространство, простирались горы. Они чёрными вертикальными складками уходили вверх и заканчивались острыми зубцами. Одна из гор, разрывая непрочные облака, поднималась к самому небу и обрывалась ровной площадкой, которую венчала длинная и широкая каменная Стена.

Это была не простая Стена. Человек в своей жизни видел много гор. Непрístupные и грозные, высокие вершины которых были закованы в вечные снега, равно как и те, что ввысь не стремились и позволяли Человеку и его племени совершать переходы по их телам – все они были разные. Но ни одна из этих гор даже отдалённо не напоминала Стену.

Старый шаман говорил, что все люди рождаются по воле могущественных духов, что у каждого из людей есть свои духи-покровители, и Человеку казалось, что его духи-покровители живут именно там, в Стене. А как же могло быть иначе?

Своих духов-покровителей он начал искать ещё ребёнком. Долгими и трудными были эти поиски. Шаман научил, что при встрече с духами-покровителями человек должен почувствовать, что это именно его духи, и Человек искал их везде. Но ни деревья, ни птицы, ни животные, ни вода, ни светила, сменяющие друг друга на небосводе, не хотели покровительствовать ему. Лишь при виде гор Человек чувствовал в груди смутные отголоски волнения, смятения и тоски, но и это было не то. И однажды, совсем отчаявшись, он ушёл из племени с твёрдым намерением найти своих покровителей. Разве можно жить без своих духов? А если у него нет духов, то тогда зачем он, Человек?

Человек приготовился к долгой дороге, но под конец первого перехода на его пути выросла невысокая гора, склоны которой были круты и обрывисты. Можно было поискать обход, но Человек решил идти вверх, рассудив, что там он сможет заночевать, не опасаясь диких животных. Не раз из-под его ног выскальзывали камни. Гора очень негостеприимно встречала мальчишку, дерзнувшего посягнуть на её покой и величие, но, цепляясь руками за траву, корни и ветки деревьев и кустарников, Человек упорно лез наверх. Наконец он достиг небольшой площадки, уходившей в тень неглубокого грота. Человек поднянулся на руках, вылез на край площадки, оглянулся и замер.

Ту гору, на которую упал его взгляд, он видел не раз. Она была хорошо видна и со стоябища, и с его окрестностей. Человек уже давно привык к ней, и каждое утро, даже когда склоны этой горы кутали, словно мягкие козышны, пушистые облака, он мысленно приветствовал её, как старого знакомого.

Казалось, он знал каждую складку на её теле, каждый выступ. Но он не знал, что у неё наверху есть Стена.

Был вечер, и тучи, ещё больше сгущая сумерки, затягивали небо и уходящее солнце. Но Стена... Каким-то совершенно невероятным образом она была освещена ярким светом и казалась прозрачной, как мёд диких пчёл. И Человек узнал её. Его охватил такой восторг, что даже перехватило горло от желания заплакать. Он наконец нашёл то, что искал. Он знал, он чувствовал, что там, за Стеной, за этим каменным забором, и живут его духи-покровители. Человек сел на край площадки, счастливо улыбнулся Стене и ощутил, как она отозвалась ему...

Он долго сидел, блаженно внимая их безмолвному диалогу. Стена вскоре погасла. На землю опустилась непроглядная ночь, но Человек всем телом и ещё чем-то в груди чувствовал близость Стены и наслаждался удивительным чувством покоя и единения с собой.

Холод, пробравшийся за ворот одежды, напомнил Человеку о месте для ночлега, и он вдруг вспомнил, что не позаботился о дровах для костра. Раньше такая оплошность повергла бы его в уныние, но сейчас он лишь улыбнулся. Он нашёл своих духов-покровителей, и они теперь не дадут ему замёрзнуть и защитят его. Человек ощупью заполз в грот, лёг на бок и, подложив руку под голову, мирно уснул.

Посреди ночи его разбудил какой-то толчок. Повинуясь инстинкту, Человек мгновенно вскочил на ноги, но тут же получил по голове сильный удар, который заставил его сесть. Человек стал отчаянно отбиваться от невидимого противника, но вскоре оказалось, что кроме каменных сводов убежища ему ничего не угрожает. Когда он окончательно пришёл в себя, то понял, что сидит спиной ко входу в грот, через который снаружи проникает мягкий свет. Человек медленно повернулся и в рваной дыре входа увидел удивительную картину. На небе сияла полная, огромная луна, и Стена в отдыхе от дневных забот светилась таинственным серебристым светом.

Человек прищурил глаза и увидел, как от луны к Стене протягиваются еле заметные тонкие нити и нежно касаются её. Вот луна протянула к Стене ещё одну нить, и та вдруг зазвучала, как звучит натянутое волчье сухожилие, если тронуть его пальцем, только ещё мягче, чище, нежнее. Человек решил повторить этот звук, но тут же в испуге зажал рот обеими руками. Он попробует позже, а сейчас своим голосом может только помешать луне играть для Стены. И ещё Человек подумал, что луна тоже, как и он, любит Стену, и что если всё действительно так, то у него очень хорошие и могущественные духи-покровители.

В стойбище он вернулся с просветлённым лицом, и шаман, исподлобья сверкнув на него пронизательными глазами, понимающе усмехнулся.

С тех пор Человек стал часто приходить к Стене. Когда его что-нибудь беспокоило, или просто было плохое настроение, он забирался на площадку с

гротом и оставался там когда на одну ночь, а когда и дольше, до тех пор, пока не чувствовал, что нашёл решение. Он никогда не зажигал костра по ночам, не смотря на то, что некоторые из них были пронизывающе холодны. Яркий огонь отвлекал его от ощущений и мешал связи со Стеной. И он также никогда не думал пойти, найти Стену и прикоснуться к ней. Но один случай всё же заставил его нарушить привычный порядок. И виновницей этого стала женщина.

Она была красива, эта женщина. Многие мужчины племени хотели сделать её хозяйкой своей хижины, но она выбрала его. Это для неё на местах всех стоянок он строил добротные жилища, для неё силой и хитростью убивал зверей и птиц, для неё просил свою Стену о здоровье и благополучии. И сначала всё было хорошо. Но потом он заметил, как она обещающе переглядывается с одним юношей, ещё не прошедшим обряд посвящения в мужчины...

А потом у них родился ребёнок. Это был мальчик, очень слабый и болезненный. Он постоянно плакал и часто отказывался от груди женщины. Стена молчала, шаман разводил руками, ребёнок всё больше хирел. И тогда Человек решился. Он подумал, что, возможно, он отдалился от своих духов-покровителей. Он должен подойти к ним как можно ближе, и тогда они услышат его просьбы, и сын поправится, а женщина снова будет любить его одного.

Человек двинулся в путь рано утром в надежде, что в стойбище все спят, но неожиданно за самой крайней хижинкой столкнулся с шаманом. Тот молча поманил его пальцем в заросли кустарника, где сделал знак сесть. Когда Человек повиновался, шаман начал говорить. Он говорил странно, о том, что люди не могут знать, что такое хорошо, а что плохо, и что знают это только духи, и что когда духи молчат, то это не значит, что они не отвечают, это значит лишь, что люди их не слышат. Говорил он также, что беспокоить духов в таких случаях не нужно. И тем более не стоит куда-то отправляться их искать. Духи будут этим очень недовольны, потому что, несмотря на кажущуюся отдалённость и недостижимость, они на самом деле всегда рядом с человеком, вернее, в нём самом, и чтобы услышать их, достаточно лишь освободить в себе для них место.

Человек не понял его. Мрачно глянул он в глаза шаману и ушёл, раздвинув кусты плечом. Он был молод и горяч. Как же давно это было!

Он шёл долго, три или четыре перехода. Вот перед ним предстала гора, которую он столько раз видел издалика. Но чем ближе Человек подходил к ней, тем выше становились её крутые склоны, на которых не росла даже трава, и тем больше Человек понимал, что ему эту гору никогда не преодолеть. Оставалась надежда только на одно. Из своего грота Человек видел, как сбоку горы начинается и хвостом лисы завивается назад лесистая ложбинка, которая, возможно, выведет его наверх.

И снова в путь. Вот он уже наверху, и вот перед ним Стена. Но это уже совсем не та Стена. Это высокие, массивные и мрачные в своей тяжести,

обветренные и грубые скалы. Чтобы обойти их, понадобилось полперехода. Везде только голый камень и никакого намёка на вход внутрь.

Человек знал, что в некоторых скалах есть проходы. Узкие или широкие, но всегда тёмные, и без факела там не обойтись. Там, в этих проходах, совсем не так, как снаружи. Там некоторые камни растут сверху и снизу, а некоторые бывают разноцветными и очень красивыми, даже прозрачными. Шаман говорил, что такие камни брать нельзя. Это сокровища духов, и те могут рассердиться и наказать посягнувшего на их добро. Но Человек не нашёл ни одного такого прохода. Значит, духи либо не хотят его впускать, либо вход к ним находится на верху Стены.

Но наверх забраться ему не удалось. По склонам Стены могли подняться только маленькие, юркие ящерки. Сорвавшись со скалы и больно ударившись, Человек сел и стал просить Стену помочь ему. Он говорил долго, но отклика так и не услышал. Стена стала вдруг чужой, враждебной и молчаливой, и отстранилась от него. Человек подумал, что, видимо, он чем-то прогневил своих духов, и теперь они покинули его. Он ещё раз оглядел Стену, попросил у неё прощения за вторжение и, не смотря на спускавшуюся темноту, отправился в обратный путь.

Он почувствовал неладное уже на подходе к стойбищу, когда встреченный им соплеменник посмотрел на него настороженно и тут же виновато отвёл глаза в сторону.

Когда Человек вошёл в своё жилище, то сначала не понял, что произошло. Хижина была неуютной и пустой, и лишь на шкурах, служивших постелью, неестественно белело тельце ребёнка. В недоумении Человек подошёл ближе. Ребёнок был мёртв. Одна его ручка была заломлена за спину, краски уже сошла с лица, и на обнажившихся между обескровленными губами таких же бескровных, беззубых дёснах сидела большая чёрная муха. Рождение и смерть были в стойбище обычным делом, а во времена, когда охотники и собиратели возвращались домой без добычи, смерть была даже радостным событием; и Человек относился к этим моментам так же, как и все. Ребёнок с самого начала был плох, и Человек, не смотря на теплящуюся надежду, знал, что тот долго не проживёт.

Человек согнал муху, завернул тельце в шкуру и вышел из хижины. Он похоронил ребёнка на опушке леса, заложил тело камнями, чтобы дикие звери не терзали его. А на обратном пути в стойбище он встретил женщину. Та не убежала и не спрятала глаз, а прошла мимо с гордо поднятой головой, будто не заметив его. Она не била его палкой, не колола ножом, но Человек вдруг ощутил такую острую боль в груди, что ему захотелось кричать. Он почувствовал себя преданным всеми и всем, маленьким, одиноким и беспомощным существом.

Человек больше так и не обзавёлся подругой. Нельзя сказать, что его не волновали женщины. Ему нравились некоторые в племени, их пышная грудь и

широкие бёдра, нравилось смотреть, как они танцуют по вечерам у костра, и как раскачиваются их тела, колыхнутся груди и развеваются волосы. И у него внутри, там же, где раньше селилась боль, возникало сладкое томление, горячим хмельным напитком стекающее в низ живота. Но при мысли о том, чтобы ввести одну из них, как хозяйку, в своё жилище, в груди образовывалась холодная пустота и в голове неизменно возникала одна и та же картина: маленькое мёртвое белое тело на тёмной шкуре. И тогда Человек вздыхал и шёл заниматься своими повседневными делами.

Женщину он простил быстро. Может, в их отношениях не прав был он, но Человеку не хотелось это выяснять. Он жил хорошо до женщины, будет жить и после неё. Его больше волновала Стена. Как, как она могла так с ним поступить?! Как могли духи-покровители бросить его в такую тяжёлую минуту?.. Горькую обиду затаил Человек на Стену. Вот ей предательства он простить не мог.

Он долго переживал, думал и терзался сомнениями, обвиняя Стену. Он не мог, не хотел даже видеть её и перестал ходить в свой грот.

Шло время, но легче ему не становилось. Он попробовал поговорить с шаманом, но шаман жёстко посмотрел на Человека, молча отвернулся и ушёл. И Человек вновь и вновь вспоминал его слова, сказанные в тот далёкий день на окраине стойбища, и снова и снова не мог понять, что они значат.

Человек помнил, когда к нему пришло осознание. Это был день, когда солнце умерило свою ярость и начало светить не горячо, а тепло и ласково. Его блики на земле складывались в причудливый узор, шептали о том, что нужно спешить жить, а в воздухе проносилось что-то неуловимое, но важное. Оно, как огромная птица, пролетало каждый раз мимо, и каждый раз взмах его широких и шумных крыльев вызывал в груди Человека щемящее-приятные, то с оттенком грусти, то с оттенком радости чувства и воспоминания. Странные воспоминания о том, чего в его жизни никогда не было.

Человек приложил руку к груди и вдруг понял слова шамана. Его духи-покровители, его Стена — они всегда были с ним. И это именно он — ослеплённый то болью, то обидой, то заботами о том, о чём не было смысла заботиться — не видел и не слышал её. И это не она, а он предал её.

Человек засобирался. И хотя он уже знал, что в грот можно не ходить, что Стена всегда с ним, но ему так было проще. Там, в гроте, он был один на один со своей Стеной, с самим собой. Это было его место, и он любил его за то, что там с ним происходило. И ему нужно было слишком многое обсудить со своими духами-покровителями...

С тех пор прошло много времени. Много изменилось в жизни Человека. Умер старый шаман, и на его место пришёл новый, молодой и не такой толковый. Сам Человек возмужал, стал мудрым и рассудительным, за что и был избран в совет старейшин племени. Не изменились лишь отношения Человека со Стеной. Он часто приходил в свой грот, и всё так же не разжигал костра,

оставаясь на ночёвку. И после долгих разлук он ждал встречи с ней так, как когда-то ждал ту, которая ушла от него.

А разлука сейчас предстояла долгая. На совете было решено, что когда Лунная Хозяйка начнёт расплёскивать свою полную чашу, племя должно будет сняться со стойбища и уйти. Уже прошло время Разноцветных Деревьев, и скоро над их долиной закружат вестники смерти и холода: ледяные белые мухи. Птицы покинули их края, рыба ушла из их вод, уходят животные. Спасаясь от голода, в поисках лучшей жизни нужно уходить и людям.

Человек пришёл попрощаться. Он знал, что совсем скоро, в пору Цветения Голых Кустов он снова вернётся сюда, и ему не было грустно. Он сидел на краю обрыва, положив руки на колени, и смотрел, как светится в лучах заходящего солнца его Стена.

Наступила ночь, и на небе, озаряя Стену своим сиянием, загорелся большой лунный диск. Человек сощурил глаза, дождался, когда луна протянет к Стене свои волшебные руки-нити, достал из-за пазухи камышовую дудочку и приложил её к губам. И над вечнозелёной долиной поплыла нежная, полная любви и света, мелодия – лунная песня Человека и его Стены.

Контактная информация авторов

<i>Шашкина Светлана Викторовна "Злата Анишулис"</i>	55.malysh63@mail.ru
<i>Шедогубова Елена Петровна</i>	ele3752@yandex.ru
<i>Дмитриев Валентин Семенович "Валентин Дмитриев 2"</i>	zaur-mostovoi@yandex.ru
<i>Прудковский Андрей Гаральдович "Андрей Прудковский"</i>	prudkovsky@gmail.com
<i>Тверитинов Алексей Дмитриевич</i>	atveritinow@mail.ru
<i>Марянинова Евгения Александровна "Гринфилд Ева"</i>	evg.marianinova@yandex.ru
<i>Швецова Ольга Давыдовна "Ольга Зоммер"</i>	oshve81@mail.ru
<i>Белогогова Анна Николаевна "Анна Белонг"</i>	7anabela7@gmail.com
<i>Трихина Светлана Игоревна</i>	trikhina@gmail.com
<i>Камаева Люция Музакировна</i>	kamaeva_lm@mail.ru
<i>Жаркова Елена Геннадьевна "Марта Матвеева"</i>	lelya_zharkova@bk.ru
<i>Антонова Анна Александровна "Софья Сонецкая"</i>	ano4@mail.ru
<i>Валерий Столыпин</i>	alisa1785@mail.ru
<i>Сабирова Раиля Раилевна "Лейла Августа"</i>	sabirova.railya@mail.ru
<i>Точилина Наталья Ивановна</i>	atalonka@rambler.ru
<i>Лесана Зеленовская</i>	lesanaveles@tut.by

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 5

Все права на произведения принадлежат исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф